

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

*Сборник научных трудов
Языкознание
Выпуск 15(41)*

Горловка
2022

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0
В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Кочетова С. А. (главный редактор),
д. филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н. (выпускающий редактор), д. филол. н., д. пед. н., проф. Ворожбитова А. А.,
д. филол. н., проф. Герасименко И. А., д. филол. н., проф. Дяговец И. И.,
д. филол. н., проф. Калинин В. М., д. филол. н., проф. Петров А. В.,
д. филол. н., проф. Петрова Л. А., д. филол. н., проф. Соснина Л. В., д. филол. н.,
проф. Шаталова О. В., к. филол. н., доц. Волосевич С. П., к. филол. н.,
доц. Дмитриева Ю. Л., к. филол. н., доц. Жихарева Н. А., к. филол. н.,
доц. Решетарова И. В., к. филол. н., доц. Фефелова В. В.

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 11 от 29.06.2022)*

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

Сборник внесён в рекомендованный ВАК Минобрнауки ДНР перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (Приказ № 1134 Минобрнауки ДНР от 01.11.2016).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ГОУ ВПО
В76 «Горловский ин-т иностр. языков» ; Редкол. : С. А. Кочетова
и др. – Вып. 15(41). Языкознание. – Горловка : Изд-во ГОУ
ВПО «ГИИЯ», 2022. – 152 с.
ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0

*Л. В. Дербенёва,
Д. Ю. Шлыгин
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81'255.2

АДЕКВАТНОСТЬ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА «ГОВОРЯЩИХ» ИМЁН КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

В настоящее время основной целью переводческий деятельности является адекватность и эквивалентность. Проблема перевода «говорящих имен», а именно их адекватность и эквивалентность, имеет особое значение, так как степень эквивалентности двух текстов – на языке оригинала и на языке перевода – позволяет оценить успешность перевода.

Для начала рассмотрим понятия «адекватности» и «эквивалентности» в теории перевода.

«Адекватность» – термин локальный, чисто переводческий, в общенаучном плане адекватность термином не является и употребляется «нетерминологически». По сути, это функционально-прагматическая категория, направленная на информационное значение, вкладываемое источником коммуникации и реакции получателей сообщения, чье сопоставление позволяет оценить и идентифицировать степень схожести оригинала и перевода [7, с. 97].

Большинство исследователей считают, что понятие «адекватность» исключает оценочность, а значит, должно занимать свое место в науке переводоведения. Более того, адекватность перевода не всегда предполагает его эквивалентность, равно как и наоборот.

В.Н. Комиссаров определяет эквивалентность как максимально возможную лингвистическую близость текста перевода к тексту оригинала [6, с. 126]. Если представить себе абсолютную, формальную эквивалентность, она всегда будет ориентирована на оригинал и должна достигаться при помощи сохранения частей речи, представленных в переводе, а также отсутствием перестановки членов предложения, сохранением соответствующей пунктуации, абзацев и т.д. Однако подобная эквивалентность практически недостижима и фактически не способствует сохранению цели коммуникации, отрицая необходимость адаптации разных языков в процессе перевода.

Согласно В.Н. Комиссарову, существуют следующие уровни эквивалентности:

1. Эквивалентность на уровне цели коммуникации. Это – самый низкий уровень эквивалентности, подразумевающий

сохранение общего содержания текста. Нередко на данном уровне переводятся фразеологизмы и поговорки.

2. Эквивалентность на уровне описания ситуации, при которой грамматика и лексика текста может меняться, но сохраняется соответствующее описание ситуации и связи между объектами.

3. Эквивалентность, сохраняющая цель коммуникации, способ описания ситуации и понятия, описывающие ситуацию в тексте оригинала. Этот тип эквивалентности нередко допускает использование опущений или дополнений, так как описание ситуации, представленной в тексте оригинала, может быть передано более или же менее подробно. Также данный тип эквивалентности не исключает возможность объединения различных признаков ситуации, например, посредством их принадлежности к разным словосочетаниям и изменения направлений отношений между признаками.

4. Эквивалентность, которая, помимо всех вышеперечисленных признаков, сохраняет еще и синтаксическую структуру текста оригинала (к примеру, активный и пассивный залог).

5. Эквивалентность, которая также сохраняет уровень семантики языковых знаков, то есть является, по сути, дословным переводом текста [6, с. 128].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что адекватность – это уровень воспроизведения значения исходного сообщения, тогда как эквивалентность подразумевает лингвистическую близость оригинала и перевода.

Художественный перевод – это своеобразная разновидность творчества, в основе которой лежат закономерности, действующие в сфере искусства. Здесь точно так же, с одной стороны, существуют свои приемы и методы, помогающие избежать субъективизма или неточностей, а с другой, – широкий диапазон творческой интерпретации. При этом исследователи все чаще отмечают оторванность переводческой теории от переводческой практики, их слабое взаимовлияние, что порождает проблемы в практике перевода художественного текста.

Литературные переводы всегда выполняются литературным языком, доступным для каждого и со многими преобразованиями, которые помогают достичь легкости и красоты оригинальной композиции. Число фраз и предложений в литературном переводе никогда не будет таким же, как в произведении языка-источника, не будут использоваться одни и те же средства выражения стилистических приемов. Различные преобразования (переводческие трансформации) также будут использоваться, чтобы передать особенности стиля и еще в большей мере жанровые особенности переводимого произведения.

Основная особенность перевода художественного текста заключается в выборе такого пути передачи исходной информации, который приводит к переводному тексту с адекватным исходным воздействием на получателя. Отсюда, главной проблемой при таком способе перевода оказывается не столько языковой состав исходного текста, сколько его содержание и эмоционально-эстетическое значение.

Также следует учитывать, что хотя и принято говорить о переводе «с одного языка на другой», но, в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим, происходит, можно сказать, столкновение различных культур, способов мышления, уровней развития, традиций, различных эпох. Поэтому, в интересах точности передачи смысла переводчики зачастую прибегают к изменению структуры переводимого предложения в соответствии с нормами языка перевода, т.е. переставляют или даже заменяют отдельные слова и выражения.

Таким образом можно отметить, что перевод говорящих имен является своеобразным вызовом для художественного переводчика.

Ю. М. Тынянов утверждал, что «в художественной литературе нет имен, не говорящих» [8, с. 27]. Ведь удачно выбранное имя становится дополнительным средством характеристики персонажа, усиливает эмоциональное воздействие от всего произведения. Собственное имя, включенное в разнообразные связи художественного текста, взаимодействуя как с ближайшим, минимальным контекстом, так и макроконтэкстом, который создает дискурс произведения, получает много содержательных связей и выступает сигналом, который пробуждает широкий комплекс многих содедержательных связей, сложных ассоциаций и коннотаций.

Хорошо известно, что при выборе имени для своего персонажа писатель обращает внимание на его фонемный и морфемный состав, которые способны передать дополнительный эмоционально-экспрессивный оттенок. Одновременно автор ориентируется на реальное существительное, общепринятую в культуре формулу, с помощью которой можно передать информацию о национальном, возрастном, социальном положении героя. Кроме того, состав и сочетание антропонимов зависит от социальных взглядов и эстетической позиции автора художественного произведения, от общей культуры писателя и культуры той среды, в которой живут персонажи.

А.Д. Шмелев предложил раскрывать смысл, заложенный в имена собственные, при помощи понятия «мысленное досье»

[9, с. 430]. Оно включает в себя информацию, заложенную у реципиента, связанную с тем или иным именем. Когда реципиент встречает имя, он автоматически проводит ассоциацию и описывает имя при помощи уже известной информации или досье. При этом автор отмечает, что досье одного имени у людей различно. В художественном тексте данная информация включена в общую информацию текста.

Известно, что в произведениях выдающихся писателей нет мелочей: все продумано, каждое слово стоит на своем месте и выполняет ту функцию, которой его наделил автор. Имена не являются исключением из этого правила. Очень часто им отводится уникальная роль – крайне лаконичных характеристик, состоящих из одного слова.

Имя персонажа – это его визитная карточка. Благодаря таким «маркерам» человек вспоминает целые произведения. Произнося фамилию Баскервиль, вспоминаешь повесть Артура Конан Дойла «Собака Баскервиль»; назвав имена Ромео и Джульетта, мы подразумеваем одноименную драму В. Шекспира; такие имена, как Отелло и Гамлет, являющиеся трагическими личностями пьес В. Шекспира, имеют особую популярность и обращают нас к пьесам «Отелло» и «Трагическая история Гамлета, принца датского»; ставшее интертекстом выражение «трое в одной лодке, не считая собаки» напоминает нам сюжет романа Джерома Клапки Джерома «Трое в лодке»; имена Робин Гуд и Айвенго, ставшие нарицательными, заставляют вспомнить романы Вальтера Скотта и Александра Дюма; услышав имя Гулливер, мы тут же вспоминаем произведение Джонатана Свифта «Путешествие Гулливера» и т.д.

Через определенное время имя главного героя произведения начинает служить для обозначения человека, который подходит под тип личности персонажа. Например, главный герой трагедии Шекспира – Отелло стал популярен для обозначения сильного и ревнивого человека, что может натолкнуть людей на однозначное понимание данного имени, если они не знают предыстории.

Персонажи в художественном тексте получают имена согласно определенным требованиям, которые возникают перед автором в процессе написания художественного произведения [2, с. 14].

Кроме того, как отмечает Л. Щетинин, «выбирая из арсенала общенародной речи имена, фамилии, прозвища своих героев, автор не ограничивается только наличием верного образца. Каждое литературное имя получает при «рождении» определенную стилистическую нагрузку, цель которой – сделать более выразительной фигурой названного таким именем героя» [10, с. 16].

Классифицируя имена литературных героев по их стилистической функции в произведении, Л. Щетинин выделяет следующие группы имен:

1) нейтральные имена, присвоение которых наиболее типично для главных героев английской литературы. Наиболее характерный тип – местные имена, образованные из прозвищ: Forsythe, Domby, Copperfield;

2) описательные имена, которые содержат прямую или косвенную характеристику их носителей: Sir Dedlock, Headstone, Ox head, Raise hell friday;

3) пародийные имена, среди которых автор выделяет имена-стереотипы, стилистическая функция которых – выражение массовости, стереотипности. Ч. Диккенс широко использовал следующие имена (Bleak House): Boodle, Duffy;

4) ассоциативные имена, которые своей зрительной и звуковой формой вызывают у читателя ассоциации, уточняют и углубляют характеристику персонажей: Miss Flite, Murdstone, Mister Tools, Mrs Pipchin.

В эпоху классицизма авторы часто заимствовали или создавали литературные имена на основе классических языков (латинского и греческого): Clarissa, Evelina. Классические собственные имена часто заимствовали вместе с персонажами из греческой, римской и библейской мифологии: Adam, Eve, Gabriel, Faun.

Для комедии характерны имена, подобные качествам персонажа: Lord Aimwell – «добрая цель»; Lady Touchwood «как бы ни было чего».

Авторы сентиментальных романов наделяют своих героев мелодичными, звучными собственными именами: Pamela, Clarissa, Tristan.

Характеризующие этимологические имена даются отрицательным героям: Lovelace.

В эпоху романтизма налицо две противоположные тенденции: в одних произведениях мы встречаем реальные имена (Robinson Crusoe), другие отличаются экзотической антропонимией (Rowena).

На первый план у писателей-реалистов выходит документализм собственных имен. Дж. Роу отмечает, что почти все имена и фамилии персонажей Диккенса взяты из жизни: Twist (be twisted – быть использованным), Fagin (прозвище настоящего преступника Ikey Solomon, который был известен тем, что учил детей карманным кражам), Sikes (имя настоящего преступника James Sikes, который имел прозвище «Ад и Ярость»). Иногда Ч. Диккенс пользовался именем-протоном, заменив всего одну букву в реальном имени (Edwin Drood от Edwin Trood, Toots от

Teets). Собственное имя и образ сливались у него в одно целое: Sir Morbury Dedlock (несет в себе намек на mort фр. – «смерть», bury – «хоронить» и deadlock – «тупик»).

Непревзойденным мастером имен и фамилий остается В. Теккерей. У него существует много примеров прозрачных имен: Charles Honeymen, миссионер Silas Hornblower, или таких, которые этимологизируются по контексту: пастор Felix Rabbits от лат. felix – «счастливый» и rabbit – «кролик» (у пастора было 14 дочерей). В «Ярмарке тщеславия» В. Теккерея хитроумная Бекки недаром носит фамилию Шарп (англ. sharp – «хитрый, ловкий, продувной»).

По мнению В. А. Никонова, имена персонажей художественного текста целесообразно рассматривать в их соотношении с антропонимической системой описанной в произведении эпохи, со стилем и с литературной традицией употребления имен персонажей. В современной филологии прослеживаются несколько путей изучения проприальных единиц в художественном тексте. При литературоведческом подходе поэтоним рассматривается в соответствии с определенной литературной традицией и анализируется с учетом историко-литературного контекста и образно-эстетической установки, ставшей предпосылкой создания и употребления имени при реализации авторского замысла.

Имя персонажа – это первое, что запоминает и на что обращает любой читатель. Без него невозможно создать образ, который бы отвечал определенным чертам характера, внешним особенностям героя. Подбор имени писатели осуществляют осознанно, то есть его дальнейшее соотношение с персонажем намеренно задумывается с истоков написания произведения. Имена главных героев определяют суть и характер героя. Выбор имени служит своеобразным ключом для раскрытия художественного замысла произведения. Зная только имя, мы можем уже понять, положительный или отрицательный будет этот герой (например, Лиходеев, Собакевич, Бездомный).

В русской классической литературе существует такое понятие как «говорящие имена и фамилии». Это понятие означает, что определенному персонажу в конкретном произведении присваивается специфическое имя или фамилия, которые без знания характеристики персонажа, могут многое рассказать об определенном герое произведения, его морально-этических качествах. Яркими примерами подобных «говорящих фамилий» могут быть следующие фамилии из произведений А.П. Чехова: Грязноруков, Перхоткин, Гнилодушкин. Также можно привести пример с персонажем А.П. Чехова – Чубуковым, у которого сперва

может показаться, будто легко передать такую русскую фамилию, как «Piper», но в таком случае персонаж Антона Павловича становится коренным жителем Великобритании. Стоит отметить, что фамилии, особенно в жанре «комедия» и «сатира», являются яркой образной характеристикой их носителей. Именно при семантическом переводе переводчик «создает», «конструирует» имена, что дает возможность передать каламбур, иронический подтекст и т.п., фактически он интерпретирует текст оригинала. Он идет в глубь текста, выявляя спрятанные в нем значения и оттенки, отображая в переводе импликации оригинала, очевидные для носителей исходного языка.

«Did you think that all outlaws were like *Faramond Openmouth*, who stole your pig?» [2, с. 95]. – «Ты думал, все разбойники такие, как *Фарамонд Открытый Рот*, что стащил вашу свинью?» [1, с. 30].

Однако далеко не всегда значимые имена собственные переводятся. Смысловые собственные имена переводятся. Так, например, Дон Кихот и Санчо Панса – тоже «говорящие» антропонимы: Quijote по-испански – это, во-первых, «часть рыцарских лат, защищающая бедра», во-вторых, «круп коня», наконец, «попона»; Panza – «брюхо, пузо». Однако эти имена транскрибированы, а не переведены.

Понятие «говорящих имен и фамилий» свойственно и английской художественной литературе. Например, «говорящие фамилии» из произведений Шеридана: Backbite, Snake, Captain Boastall, Miss Careless или Байрона: Showman, Rackrhyme, O'Tabby, Duke of Dash. Таким образом, мы можем видеть, что антропоним часто несет содержательную и подтекстовую информацию. Такие имена и называют значимыми.

А.В. Калашников впервые употребил этот термин: «Имена вымышленных персонажей, которые не только называют объект, но и присваивают ему определенное значение, которое содержит в себе имя, например, называют какие-либо внешние данные, качества характера, возраст, социальный статус или роль в произведении. Антропоним приобретает в тексте определенную смысловую нагрузку, цель которой – представить персонажа как можно более наглядно» [5, с. 54].

Образ любого литературного героя, так или иначе, связан с его именем, которое, чаще всего, в сознании читателя ассоциируется с определенными чертами характера этого персонажа. Читатель останавливает свое внимание на именах в произведениях, так как именно они формируют его первоначальное отношение к персонажу. Имена литературным героям даются не случайно. Смысл, вложенный в них, их визуальная форма и ситуация

употребления тесно связаны с художественно-изобразительными средствами, которые отображают авторский замысел.

Р.П. Зоривчак в своей работе о функционально-стилистической нагрузке имени собственного говорит, что каждый писатель использует антропонимы в соответствии со своим творческим методом и конкретными идейно-художественными задачами, стоящими в том или ином художественном произведении. Что же касается перевода имени собственного, то это дело не только переводческой техники, но и переводческого искусства, в зависимости от преобладания того или иного вида информации, которую несет реалия в каждом конкретном случае, от композиционной задачи реалии в ситуативном контексте, переводчики по-разному воспроизводят ее семантико-стилистические функции [4, с. 84].

Изучение поэтической ономастики вытекает, прежде всего, из потребности более глубоко понять смысл произведения. Значимые имена – это одно из средств, с помощью которых создается художественный образ. Помимо смысловой нагрузки, они могут иметь звуковой облик или обладать ассоциативным фоном, придают колорит изображаемой реальности. Такие имена являются неотъемлемой частью художественного произведения.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что задача переводчика – максимально точно передать идею произведения, не потерять «стержень» героев, вызвать задуманные эмоции у читателя, как если бы он читал оригинал. Этому способствует адекватность и эквивалентность перевода. Хотя данные понятия остаются ключевыми в переводоведении, разные ученые расходятся в их трактовке. В целом, многие теоретики перевода сходятся на том, что абсолютно эквивалентный перевод невозможен, с полным правом можно говорить лишь об адекватности перевода. При этом под адекватным переводом понимается воссоздание единства содержания и формы оригинала средствами другого языка. В целом, адекватность любого перевода, и в частности, перевода имен собственных, обусловлена не только пониманием особенностей культуры языка перевода, но также осознанием различий в мировоззрении культур, их менталитете, а также пониманием изначальной идеи автора. Конечная адекватность, т.е. адекватность перевода всего текста, отлично согласуется с некоторыми частными «неточностями» в переводе единиц того же текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бувеская М. В. Поэтонимосфера художественного текста / М. В. Бувеская. – К. : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 288 с.

2. Васильева С. П. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей. – Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2009. – 138 с.
3. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М. : Либроком, 2016. – 312 с.
4. Зорівчак Р. П. Реалія і переклад (на матеріалі англomовних перекладів української прози) Монографія / Р. П. Зорівчак. – Львів : Вид-во при ЛНУ, 1989. – 152 с.
5. Калашников А. В. Перевод значимых имен собственных : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. : Спец. 10.02.20 / А. В. Калашников ; [Моск. гос. лингвист. ун-т]. – М, 2004. – 24 с.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2004. – 424 с.
7. Сдобников В. В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 448 с.
8. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. – Л., 1929.
9. Шмелев А. Д., Булыгина Т.В. Именование и автономность имени // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997. – С. 425 – 434.
10. Щетинин Л. М. Слова, имена, вещи: Очерки об именах. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 222 с.

АННОТАЦИЯ

Дербенёва Л. В., Шлыгин Д. Ю. Адекватность и эквивалентность перевода «говорящих» имён как проблема переводоведения

Статья посвящена проблеме передачи «говорящих» имён при адекватности и эквивалентности перевода, так как качество перевода «говорящих» имен зависит от того, насколько удачно специалист подберет слово, его форму и насколько полно передаст смысл, вложенный автором в значимый антропоним.

Ключевые слова: адекватность, эквивалентность, перевод, имя, говорящее, переводчик, герой.

SUMMARY

Derbeneva L.V., Shlygin D. Y. Adequacy and Equivalence of the translation of «speaking» names as a problem of translation studies

The article is devoted to the problem of transferring «speaking» names with the adequacy and equivalence of the translation, since the quality of the translation of speaking names depends on how well

the specialist selects the word, its form and how fully he conveys the meaning put by the author in a significant anthroponym.

Key words: adequacy, equivalence, translation, name, speaker, translator, character.

*В. М. Калинин
(г. Горловка, РФ)*

УДК 811.161.1

КЛЕОПАТРА НЕВЫ. ПОЭТОНИМОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ РАСШИРЯЮЩЕГОСЯ КОНТЕКСТА

Писать «о наболевшем» – прерогатива скорее публицистических выступлений, чем научных работ. Однако возвращаться к вопросам, поставленным более 20 лет назад, но так и не нашедшим либо удовлетворительного ответа, либо широкого признания, несмотря на целый ряд публикаций, приходится. Задача эта не из самых актуальных, однако настоятельно требующих возвращения к началу. Это сообщение от предыдущего, только что завершённого и затрагивающего близкую проблематику¹, отделяют в буквальном смысле слова несколько дней. И если бы оно было рассчитано на читателей, пребывающих «в теме», то не содержало бы некоторых ставших уже тривиальными положений, которые приходится, как мантру², повторять и повторять в надежде на то, что поняты они будут именно так, как требуется для ориентации в проблематике поэтонимологии. Для экономии пространства публикации они будут введены в текст мелким шрифтом и подготовленным читателем могут быть опущены без ущерба для понимания основного содержания сообщения.

Текст – это письменная форма завершённого, целостного словесного художественного произведения.

Фрагмент – это изъятая для анализа часть художественного текста любой «конфигурации».

Поэтоним – это собственное имя любого разряда, функционирующее в художественном произведении.

Контекст поэтонима – это фрагмент текста художественного произведения, за вычетом самого поэтонима, необходимый и достаточный для определения добавленной семантики и выявления контекстной составляющей поэтики исследуемой

¹ Калинин В. М. «Контекст как “среда обитания” поэтонимов».

² Мантра – слог, слово или словосочетание, многократное произнесение которых, по мнению буддистов, имеет сакральный смысл и оказывает огромное воздействие на сознание человека.

единицы художественной речи. [Символом Х обозначается место любого поэтонима, тем самым отменяется влияние его свойств на характеристику исследуемого фрагмента речевого произведения (ФР), а влияние контекста, напротив, становится очевидным]. Контекст в этом случае равен избранному для анализа фрагменту речевого произведения за вычетом поэтонима: $K = \Phi P - \Pi$.

В зависимости от уровня сложности контекстов, их «протяжённости» принято различать минимальные, широкие и широчайшие контексты. Под последними понимается та область семиосферы культуры, в которой функционирует литературно-художественное произведение. При изучении свойственных поэтономам потенциалов приращения «значений» с учётом многообразия комбинаторики дополнительной эстетической информации в динамике текстового пространства, используется понятие расширяющийся контекст. О нём будет сказано особо.

Исследовать текст, содержащий поэтоним, можно тремя способами: 1) элиминируя контекст, изучать аккумулированную в поэтономе потенциальную семантическую и фигуративную информацию; 2) исключая поэтоним, анализировать роль контекста и его компонентов в семантике и поэтике избранного фрагмента текста; 3) рассматривая совокупные синергетическую семантику и конгенеративную поэтику избранного для анализа фрагмента художественного текста. В поэтономологии предпочтение отдаётся третьему способу, но в следующем далее изложении будут использованы все три подхода.

Развивая, дополняя или совершенствуя соответствующий (уже существующий) раздел теории, условно именуемый «поэтоним и контекст»³, исследователи, с одной стороны, следуют традиции⁴, а с другой, стремятся по возможности творчески осваивать всё то новое в науке, что может быть полезным для поэтономологии.

Междисциплинарная по самой сути задач, которые она призвана решать, поэтономология неразрывно связана с целым рядом наук, но наиболее прочны её узы с лингвистикой и литературоведением. Они были и останутся неиссякаемым источником идей, подходов, приёмов и методов изучения, а также интерпретации получаемых результатов. В то же время, следует подчеркнуть, что поэтономология, родившаяся в недрах лингвистической науки ономастики, не только вобрала в себя все уже добытые ономастикой знания о проприальных

³ Общепризнанного термина для обозначения этого раздела поэтономологии нет, если не считать нашей попытки именовать его контекстология.

⁴ Традиции в данном случае – это ряд фундаментальных положений науки, исследующей собственные имена, заложенных трудами основоположника Донецкой ономастической школы Е. С. Отина.

единицах языка, но снова и снова осваивает достижения тех направлений языкознания, интерес которых сосредоточен на творческих аспектах использования языка, то есть, остаётся лингвистически акцентированной, в том числе, тогда, когда речь идёт о поэтиках и стилистике не только лингвистических, но и литературоведческих⁵.

Отдельное, принципиальное для дальнейшего изложения, замечание о расширяющемся контексте. В используемой в сообщении рабочей (!) классификации контекстов расширяющийся занимает особое место. Если контексты определяются прилагательными (минимальный, фрагментальный, сверхфразовый, широкий, широчайший), то, по существу, они обозначают устойчивые структурные и количественные параметры изъятых для анализа фрагментов речевых произведений. Иными словами, они статичны и как материал неизменны. А определение расширяющийся, обозначенное (*sic!*) причастием, характеризует функционирующее и, следовательно, динамическое состояние контекста. Поэтому рассмотрение в нём предмета, избранного для анализа, чревато фактически бесконечным множеством интерпретаций.

До тех пор, пока поэтонимолог оперирует любым исследовательским инструментарием (приёмами, способами, методами), оставаясь в границах художественного текста, избранного для анализа, расширяющийся контекст «нарастает» порциями, каждая из которых так или иначе может быть описана, охарактеризована метаязыковыми средствами либо традиционного языкознания, либо лингвистики текста и даже оценена в составе исследуемого целого.

Однако контекст может расширяться и за пределы текста. В этом случае он превращается в окружение самого текста. Для того, чтобы «обойти» возникающую при этом метаязыковую проблему, в некоторых своих работах автор сообщения пользовался понятием дискурс [3, с.248–251 и др.] в значении, отличающемся от принимаемого некоторыми исследователями отождествления понятий текст и дискурс. В поэтонимологии под дискурсом понимается объект исследования, который условно можно обозначить «текст плюс» (Т+). То есть, дискурс всегда больше, чем текст. Текст внутри дискурса это фактически то же, что X внутри контекста. Дискурс – это культурный контекст исследуемого текста.

Чтобы не возвращаться дважды к обсуждению одного литературно-стилистического факта, важно иметь в виду давно

⁵ Подобно вопросу о связях поэтонимологии (ранее “поэтики онима”) с языковедческими и литературоведческими дисциплинами см. в [4, с.73–104].

замеченное исследователями свойство поэтики и архитектоники пушкинского романа. Оно «строится на повторах, отражениях, перекличках, параллелизмах, сюжетных рифмах и регулярных челночных переходах-перелётах из главы в главу, от начала к концу и обратно. Без учёта этого важнейшего конструктивного принципа пушкинской романной поэтики проникнуть в смысл, значение и значимость того или иного лица, его имени (разрядка моя. – В.К.), его предметно бытового окружения, понятия-концепта, события и эпизода, проникнуться ими и адекватно определить их просто невозможно» [9, с.394]. Понятие расширяющегося контекста, как нельзя лучше, методически точно соответствует задачам данного сообщения: расширяющийся контекст может быть правым и левым, контактным и дистантным по отношению к анализируемой онимной единице.

Обсуждаемый в сообщении фрагмент художественной речи, содержащей поэтонимы, настолько привлекателен, что оказался в фокусе внимания огромного числа комментаторов и исследователей творчества А. С. Пушкина, а Пеньковского А. Б. подвиг на написание шестисотсорокстраничной монографии [9]. Автору сообщения также уже приходилось неоднократно, хоть и по разным поводам (в том числе, в публикации, упомянутой в сноске¹), возвращаться к этим стихам [см. также: 3, с.152; 4, с.252–254; 266–267 и др. работы]. Но, как обычно случается при анализе расширяющихся контекстов, многие стороны изучаемого объекта продолжают оставаться либо в тени главного вопроса, либо вообще за пределами рассмотрения.

Попытаемся, изредка осторожно приближаясь к зыбкой «трясине» «контекста как принципа» [5, с.58], пока остаться всё-таки в обозначенных пределах расширяющегося контекста для осмысления роли генетивной конструкции⁶ Клеопатра Невы и её перлокутивных потенций в образном строе избранного для анализа фрагмента.

Начнём с Клеопатры.

У Пушкина – это не только последняя царица Египта из династии Птолемеев (69 г. до н.э. – 30 г. до н.э.), сведения о которой были известны ему, несомненно, ещё в лицее, но и целый комплекс литературно-мифологических, порождённых русским культурным сознанием на рубеже XVIII – XIX веков,

⁶ Поэтонимологию интересуют генетивные конструкции, в которых по крайней мере один компонент является собственным именем. Здесь – крайне редкая форма поэтической генетивной конструкции, словосочетание из двух собственных имён, одно из которых является несогласованным определением в форме родительного падежа. Синергетической семантике и конгенеративной поэтике генетивных сочетаний с онимами в разных славянских языках посвящен специальный раздел в [4, с.257–272].

представлений. Проницательный и скрупулёзный исследователь мифа о Нине писал: «Имя и целостный сюжет жизни Клеопатры, воплотившей вечную трагическую связь Любви и Смерти, Эроса и Танатоса, вошли в его сознание ещё в лицейские годы и дали о себе знать, вырвавшись впервые на поверхность, за четыре года до того, как был написан первый посвящённый ей текст («Клеопатра», 1824), в 1819 г. на вечере в доме Олениных, где разыгрывались *charades en action* и живые картины, в одной из которых роль Клеопатры должна была исполнять А. П. Керн. «И когда я держала корзину с цветами, – вспоминала она, – Пушкин вместе с братом Александром Полторацким подошёл ко мне, посмотрел на корзину и, указывая на брата, сказал: «*Et c'est sans doute Monsieur qui fera l'aspis?*»⁷ <А роль змеи, как видно, предназначается этому господину?> Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла» [9, с.403].

В романе «Евгений Онегин» имя Клеопатра употреблено дважды: в первой и восьмой главах. В первой главе романа, в «театральной» строфе XVII (стихи 5–14):

Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать *entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).

[ЕО, 1, XVII]

Как и главный герой его романа, театра злой законодатель и почётный гражданин кулис, А. С. Пушкин был, однако, в отличие от Онегина⁸, несомненно, знатоком и тонким ценителем драматического и театрального искусства. Свидетельств тому множество. Прочитирую статью П. Б. Городецкого в мемориальном, вышедшем к 100-летию с момента гибели поэта, сборнике статей «Пушкин и искусство», автор которой обратил внимание исследователей на то, что А. С. Пушкин уже в юности воспринимал понятие театр «как сложный комплекс взаимодействующих друг на друга частей, как сложную сумму иногда противоречивых друг другу слагаемых» [2, с.4]. А

⁷ Имя, образ и сюжет жизни и смерти Клеопатры (покончила жизнь самоубийством, положив себе на грудь ядовитую змею,) “были известны каждому мало-мальски образованному человеку этого времени и <...> входили в основной фонд общекультурных знаний” [9, с.577].

⁸ (Всегда я рад заметить разность / Между Онегиным и мной [ЕО, 1, LVI]).

далее ограничусь указанием на [11; 12], и письмо Вяземскому [13, с.57–59], безусловно подтверждающими достоверность сказанного исследователем. Именно поэтому появление в первой главе «Евгения Онегина», в метонимическом перечне исполнительниц (сценических воплощений) ролей в популярных трагедиях, среди прочих, имени Клеопатры (строфа XVII, стих 12) до сих пор тревожит пушкинovedов, так и не установивших, какую именно Клеопатру имел в виду поэт⁹.

В 1824 г. у Пушкина, узнавшего из текста латинского историка Аврелия Виктора, что «Клеопатра торговала своею красотою <...> многие купили ее ночи ценою своей жизни» [10, т.VIII, с.421], возник замысел произведения, работа над которым продолжалась до 1828 г.¹⁰ Широко известны разыскания Б. В. Томашевского, специально уделившего внимание стихотворению «Клеопатра» и развитию интереса к образу Клеопатры в творчестве поэта, сохранившиеся фактически до последних лет жизни.

Вторично имя Клеопатра упомянуто в выбранном для дальнейшего обсуждения фрагментом из 8 главы романа, в котором в сравнительно-отождествительной функции, предидирующей черты образа сравнения описываемому объекту отождествления, снова фигурирует поэтоним Клеопатра. Здесь однако следует указать, что если в первом случае именем Клеопатра обозначена либо театральная роль, либо её исполнительница (скорее, конечно, последнее, а значит, имя – суть артипоэтоним), если в стихотворении «Клеопатра» художественный образ обозначен антропоэтонимом, то о квалификации поэтонима Клеопатра, функционирующем в нижеследующем фрагменте, предстоит подумать.

⁹ Б. В. Томашевский, редактор первого академического 10-томного Пушкина, комментируя строфу XVII первой главы романа, отметил: *Федра, Клеопатра, Моина* – имена трагических героинь. Федра — из одноименной трагедии Расина (шла на русской сцене в переводе М. Лобанова с 1823 г.); Моина — из трагедии Озерова «Фингал» (1805); <...> о какой именно роли Клеопатры идет речь, не установлено» [10, т.5, с.489] Н. Л. Бродский указал: «Клеопатра – имя героини из пьесы, до сих пор не установленной» [1, с.73]; Ю. М. Лотман [Л, с. 717] и В. Набоков единодушно соглашались, что установить пьесу и исполнительницу роли Клеопатры пока не удалось. При этом Набоков сетует, что неудача связана с запретом побывать в Ленинграде и ознакомиться с театральными афишами первой четверти 18 века [7 с.82-84].

¹⁰ Рекомендация заинтересованному читателю: в широко известном монографическом двухтомнике «Пушкин» [14] Б. В. Томашевский специально уделит внимание и стихотворению «Клеопатра» и всей истории, связанной с разработкой Пушкиным образа Клеопатры в дальнейшем (повестям «Мы проводили вечер на даче» (неоконч.) и «Египетские ночи»).

Приведённая ниже часть XVI строфы представляет читателю Татьяну (в девичестве – Ларину¹¹) такой, какой её увидел и, заметим, вначале даже не узнал вернувшийся из путешествия Онегин.

Беспечной прелестью мила,
Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы;
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красую
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была.

[ЕО, 8, XVI]

В ней несомненно интересна синонимия средств, представляющих главную (но так и не названную по имени) героиню романа¹². В стихе 6, предшествующем процитированным, Пушкин использовал «метаязыковую» (по отношению к тексту романа) вставку: Но обращаюсь к нашей даме, – затем употребил местоимение она и после не сразу давшегося ему продолжения¹³ вместо имени применил «косвенный» аппеллятив: Затмить соседку не могла. В общем, Татьяны нет! Есть заинтересовавшая Онегина соседка Нины Воронской «в малиновом берете». Простого читателя это положение несомненно интригует, а исследователя должно заинтересовать. Принято считать, что к этому времени поэт уже испытал необоримое влияние художественного образа на волю автора. В ряду русских культурных мифологем бытует пушкинская фраза: «Представь, какую штуку удрала со мной Татьяна. Она вышла замуж. Этого я от неё не ожидал».

Для автора сообщения, в данном случае, особо привлекательна онимная номинация другого персонажа строфы, другой «дамы», которая Онегину (как ни старался Пушкин), затмить Татьяну не смогла. Она поименована трижды и все три раза по-разному: Нина Воронская, Клеопатра Невы и Нина. Особое же место в этом перечне именовании принадлежит генетивной конструкции, словосочетанию Клеопатра Невы. Совокупная семантика таких

¹¹ Фамилии для юной княгини N сам Пушкин не придумал. Возможно, поэтому так много нареканий вызвала фамилия мужа Татьяны, придуманная К. С. Шиловским, “одарённым дилетантом”, либреттистом оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Но то – жанр другого вида искусства, и Пушкин к рождению князя Гремينا отношения не имел.

¹² В сообщении лишь упоминаются, хотя в контексте поэтики умолчаний и косвенных характеристик персонажа заслуживают специального изучения с пользой для особого раздела поэтономологии.

¹³ В автографе белой рукописи строфы зафиксировались поиски нужного “тона”: (7 и 8 стихи) Она сидела на софе / Меж страшной Леди Барифе, и (вариант 7 стиха) Она сидела у стола.

сочетаний строится на метонимическом употреблении главного компонента, что позволяет из сферы коннотаций, связанных с онимом, вычлениить лишь единственную или наиболее известные (общескультурные или интерлингвальные). Так, имя Клеопатра содержит в себе идею 'красота'. Однако в романе А. С. Пушкина оно «обрастает» значительным количеством новой информации, не только расширяющей семантическую зону поэтонама, но вводящей в его коннотативный ореол новые, в том числе, индивидуально-авторские коннотемы.

Преобразовав анализируемый фрагмент в формулу «Сей Х Невы» можно оценить грамматическую и семантическую роль правого компонента Невы¹⁴, но безошибочно определить роль левого компонента сей невозможно, потому что он омонимичен формам им. пад. указательного местоимения мужского рода и четырём падежам того же местоимения, но женского рода. Обращение к части контекста, расширяющейся влево, проблему снимает: перед нами форма родительного падежа единственного числа женского рода. А «ритмический узор» стиха требует от Х быть словом из пяти слогов с ударением на третьем.

Важно отметить, что генетивная конструкция Клеопатра Невы, при всей мелиоративности, заданной предшествующими употреблениями топопоэтонама Нева и бытовавшими в русской культуре представлениями о царице древнего Египта, отличавшейся не только образованностью, но и феноменальным искусством обольщать мужчин [8, с.259], формирует и ограничительные коннотемы: всё-таки, Нева – не весь мир.

«Прогулка влево», обращение к предшествующему контексту, содержащему «фамильное» уточнение – Воронская – открывает возможности для анализа имплицитной перлокутивности избранного фрагмента романа, роскошно представленной А. Б. Пеньковским: «За всеми действиями Онегина и их разрушительными последствиями стоит «соткавшийся» (по слову Булгакова) из звуков её рокового имени чёрный призрак Нины – Нины Воронской, которая недаром Воронская. Её фамилия, сложившаяся на скрещении стоявших в сознании Пушкина фамилий Таранская х Волховская – Воронская (8, XVI белой рукописи [Пушкин 1937/1995: 6, 624]), вобрала в себя и звуки, и смыслы первичных производящих – и разрушительную силу тарана, и злую, чародейскую силу волхов, и связь с Волховом – бесовской Мутной рекой, и дьявольскую и хтоническую природу Чёрного

¹⁴ Топопоэтоним, название реки, на берегах которой была построена столица России город Санкт-Петербург. В генетивной конструкции, выполняя функцию определения, семантически метафоричен.

Ворона, связанного с миром мёртвых и несущего в себе мотив крови, объединяющий имя героини с его носителем, – напомним: «Всё в ней алкало слёз и стона, / Питалось кровию моею» (см.: [Мифология 1995: 110-111; 116-118]¹⁵; <...> Эти мрачные коннотации фамильного имени Воронская оказались для Пушкина важнее, чем поверхностная «речная» связь имен Онегин – Волховская, не говоря уж о том, что одновременно протвоставление Татьяна («птичка ранняя моя» – 3, XXXIII) – Нина («чёрный ворон») существенно углублялось и обретало новые смысловые и эмоционально-экспрессивные признаки» [9, 302–303].

Синергия латентной семантики фамильного поэтонима Воронская и образной насыщенности перифрастической конструкции Клеопатра Невы в расширяющемся контексте становится базовой конструкцией для дальнейшего изучения ассоциаций, аллюзий и реминисценций в формировании конгенеративной поэтики «теневого сюжета»¹⁶ «Евгения Онегина». А рассмотренные в сообщении явления, несомненно, послужат делу совершенствования теории поэтономимологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский Н. Л. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителя. Издание пятое. – М.: Издательство «Просвещение», 1964. – 415 с.
2. Городецкий Б. П. Пушкин и драма // Пушкин и искусство. – Л. – М.: Искусство, 1937. – С. 3 – 27.
3. Калинин В. М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина). – Донецк: Юго-Восток, 1999а. – 247 с.
4. Калинин В. М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999б. – 408 с.
5. Лосев А. Ф. Аксиоматика знаковой теории языка // А. Ф. Лосев. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с. (С. 28–64).
6. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя // Ю. М. Лотман. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб.: Искусство–СПб, 1995. – С. 472 – 62.

¹⁵ Ссылка сделана А.Б. Пеньковским, автором цитаты, и из текста не изъята, поскольку «прозрачна» для читателя.

¹⁶ А.Б. Пеньковский называет его скрытым мифологическим сюжетом романа, развивающимся параллельно с двумя открытыми, повествовательным и поэтическим [ПАБ, с.395].

7. Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Пер. с англ. / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 1999. – 1008 с.
8. Отин Е. С. Клеопатра // Словарь коннотативных собственных имён / Е. С. Отин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Донецк: Юго-Восток, 2010. – 518 с.
9. Пеньковский А. Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: Издательство «Индрик», 2003. – 640 с.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. – 4-е изд. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977–1979. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. – 1978. – 527 с.
11. Пушкин А. С. <О трагедии> // Полное собрание сочинений. В XIX томах. (Воспроизведение академического издания 1937–1959 гг.). – Т. XI. Критика и публицистика. 1819–1834. – М.: Воскресенье, 1996. – 600 с.
12. Пушкин А. С. Мои замечания об русском театре // Полное собрание сочинений. В XIX томах. (Воспроизведение академического издания 1937–1959 гг.). – Т. XI. Критика и публицистика. 1819–1834. – М.: Воскресенье, 1996. – С. 9–13.
13. Пушкин А. С. Письмо Вяземскому П. А., 6 февраля 1823 г. Кишинев // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 13. Переписка, 1815–1827. – 1937. – С. 57 – 59.
14. Томашевский Б. В. Пушкин. Книга первая (1813–1824). – М.– Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956. – 744 с.

АННОТАЦИЯ

Калинкин В. М. Клеопатра Невы. Поэтонимологическое освещение расширяющегося контекста

В сообщении продолжено обсуждение проблем совершенствования теории контекстной семантики и поэтики онимов для нужд развития поэтонимологии. На примере 7–14 стихов XVI строфы восьмой главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» показаны результаты анализа совокупной семантики и поэтики проприальной лексики с расширяющимся контекстом.

Ключевые слова: контекст, поэтика, поэтоним, поэтонимология, расширяющийся контекст, семантика.

SUMMARY

Kalinkin V. M. Cleopatras of the Neva. Poetonymological coverage of context expanding

The present paper continues the discussion of the problems of improving the theory of contextual semantics and the poetics of onyms for the needs of the development of poetonymology. Using the example of verses 7-14 of the XVIth stanza of the eighth chapter of A. S. Pushkin's novel «Eugene Onegin», the author presents the results of the analysis of the aggregate semantics and proprietary vocabulary poetics with an expanding context.

Key words: context, poetics, poetonym, poetonymology, expanding context, semantics.

*М. Л. Лантева
(г. Астрахань, РФ)*

УДК 811.161.1

**ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

Фразеосемантическая структура инокультурных устойчивых единиц, составляющих в русском языке небольшую (по нашим подсчетам – около 300 единиц) группу, постоянно развивается и остается значимым фрагментом «чужого», интегрированного в «свою» лингвокультуру.

Цель настоящей статьи – выявить динамику функционирования в современном русскоязычном пространстве инокультурных фразеологизмов.

Во-первых, результатом динамических процессов, затрагивающих область фразеологии, становится тот факт, что среди инокультурных фразеологизмов можно найти не только единицы, которые появились в далеком прошлом и не теряют своей актуальности по сей день (например, *развести гарем*, *цыганская натура (душа)* и др.), но и те, что возникли в языке относительно недавно и еще не успели найти отражения во фразеологических словарях. Вспомним устойчивое выражение *еврейский звонок (дозвон)*, вошедшее в употребление в 2000-х годах: пытаюсь сэкономить собственные средства или обнаружив недостаток средств на счете телефона, абонент начинает звонить, но прерывает связь, как только адресат снимает трубку, тем самым вынуждая его перезванивать. Например: *«Еврейский звонок, один гудок и бросили трубку – в надежде что я тут же пофигачу перезванивать ... Наивные»* (<https://voprosoff.net/kto-zvonil/>). Выбор определения еврейский как меткой

характеристики такого рода звонка основан на сложившемся стереотипе о жадности евреев, наиболее полно отраженном, в частности, в устойчивом сравнении *жадный как еврей*. В настоящее время в связи с развитием интернет-коммуникации нет необходимости делать подобные дозвонки, поэтому утрачивает актуальность и употребление языковой единицы *еврейский звонок*. В то же время продолжает оставаться употребительным другой фразеологизм с компонентом «еврейский» – *еврейский ответ*, т.е. «хитрый, неоднозначный, уклончивый», семантикой которого и детерминирована его широкая употребительность: *В понедельник израильская больница ввела четвертую дозу вакцины против COVID-19 тестовой группе медицинских работников. Это – хитрый еврейский ответ на быстрораспространяющийся штамм «Омикрон»* (<https://a-nalgin.livejournal.com/2174768.html>).

Во-вторых, многие инокультурные фразеологизмы довольно активно функционируют и проявляют вариативность структуры и семантики, что свидетельствует о языковой динамике этой части фразеологической картины мира. Так, единицы с инокультурным компонентом «китайский» в образной форме могут описывать (а) поведение человека (например, полисемантическое устойчивое сравнение <как> *китайский болванчик* характеризует и «человека, соглашающегося со всем», и «самодовольного и ограниченного человека»); (б) отдельные объекты (сравним: китайская грамота – «о чем-то непонятном, незнакомом»; китайские иероглифы – «о чем-то сложном для восприятия и понимания», китайская стена – «о препятствии, непреодолимой преграде»). Китай, существующий в русском сознании как географически далекая страна, отличная от российской цивилизация, как загадочная культура, становится образным основанием фразеологизма *как до Китая*, в семантической структуре которого акцентируются семы 'далеко', 'долго' или 'труднодостижимо'. Можно предположить, что выражение функционирует в языке не одно столетие, поскольку от места расселения древних славян Китай действительно находился далеко и русские стали проникать из Западной Сибири в Восточную Сибирь и на Дальний Восток только в XVII веке.

Обратим внимание на функционал фразеологизма *как до Китая* <раком> (варианты: *как до китайской границы* <пешком, пешим ходом, пешим шагом, гусиным шагом, ползком>), где указание на пространственную удаленность служит номинаций далеко не географических объектов.

Например: 1) *«Но – завораживает. Как и откровенный пиар, до уровня которого саратовцам, как до Китая всеми известными способами передвижения»* (С.И. Трунев. Найди десять отличий //

«Волга», 2008. – НКРЯ); 2) «Люсе с ее тяжеловесной кружкой (это же надо – так извратить кофейную церемонию!) до его матери – как до китайской границы» (Алина Егорова. Дар богов. – НКРЯ); 3) «Но до известного журналиста мне, как до китайской границы пешиим ходом» (Полина Раевская. Убийственно красива, или Кто развел светскую львицу. – НКРЯ); 4) «После поражений от «Спартака», ничьей в Перми, все громче голоса скептиков. Мол, с такой игрой «Зениту» до чемпионства, как до китайской границы» (Советский спорт. 2007. №4. – НКРЯ). Приведенные высказывания, включающие инокультурный фразеологизм, строятся по модели кому-то (чему-то) до кого-то (чего-то), как до китайской границы, являющейся оценочной характеристикой лица или группы лиц, уступающих по определенным параметрам объекту, относительно которого проводится сравнение, не соответствующих ему, не достигающих его уровня. При этом слово, выражающее общий признак сравниваемых предметов, основание сравнения, в данной модели не представлено, синтаксическая конструкция формально является неполной. Однако в закрепленных лексикографически нелитературных языковых знаках сходной структуры *до кого-то доходит как до жирафа* – «о недогадливом, медленно соображающем человеке» [3, с. 137] и в народном варианте *до кого-то доходит как до утки на пятые (седьмые) сутки* такая сопроводительная часть вербализована – доходит, т.е. «достигает понимания».

Большинство зафиксированных нами контекстов употребления названной инокультурной единицы встречается в оценочном значении в газетном дискурсе, где вариант как до Китая по количеству употреблений превалирует над вариантом как до китайской границы, характерным в большей степени для разговорного дискурса.

В остальных случаях рассматриваемый фразеологизм имеет либо пространственное, либо временное значение – «далеко» или «долго» (данные значения нередко смешиваются в языковом сознании говорящих). Сравним: «Как так – российский город-стотысячник вдруг объявил себя пограничной зоной, отгородившись от всей страны? Ведь до ближайшей северной границы – как до Китая...» (Комсомольская правда. 2012. №12. – НКРЯ) и «До чистого четверга еще как до китайской границы» (<https://flot.com/blog/k-433-1/1914.php?ysclid=159fn81ek8234946849>).

Лексическим вариантом компонентов устойчивого сравнения является луна – как до луны <на тракторе>, как до луны <и обратно>. Е.В. Глазанова и Е.В. Ерофеева рассматривают такие фразеологизмы в качестве градуальных

эталонов расстояний, причем в результате проведенного психолингвистического эксперимента фразеологизм *как до Китая* отнесен исследователями к зоне «Очень далеко», а фразеологизм *как до луны на тракторе* – к зоне «Неизвестно где (территория чертей)» [2, с. 47], т.е. данные единицы находятся в разных частях ментальной шкалы расстояний: до луны мыслится носителями русского языка как более далекое расстояние, чем расстояние до Китая, что вполне, на наш взгляд, логично и соответствует объективной действительности, поскольку Луна, в отличие от Китая, иного государства, относится уже к инопланетному пространству. Заметим, что в последнее время в социальных сетях, мессенджерах и в разговорной практике представление о пространственной удаленности Луны часто выступает своеобразным эталоном проявления глубины и полноты чувства любви адресанта речи по отношению к объекту: *Люблю тебя до Луны и обратно!* Фраза эта стала набирать популярность после того, как в 2005 году был сделан перевод книги для малышей «Знаешь, как я тебя люблю?» ирландского писателя Сэма Макбрэтни (оригинал получил широкую известность еще в 1994 году). В книге эти слова большой заяц говорит маленькому, именно поэтому употребляют их, по нашим наблюдениям, действительно часто родители, делая такие надписи на торте ко дню рождения ребенка, подписывая фотографии с изображением своих детей и пр.

В пространственном значении выражение *до Луны и обратно* («об очень большом расстоянии») встречается и в более ранних контекстах. Например: *«Много поездила Маруся, поди, до луны и обратно, трудно досталось ее ноженькам»* (В. Личутин. Любостай) [7].

Ярко выраженный смысловой элемент усиления признака или свойства всегда свойствен устойчивым сравнениям. Это наглядно видно даже при сопоставлении значений фразеологизмов, содержащих один и тот же компонент. Так, образуют градуальный ряд единицы *как до китайской границы* и *как до китайской пасхи*. Причем градации подвергаются не время и не расстояние – степень возможности осуществления каких-либо действий, приобретения каких-либо свойств меняется с труднодостижимого (*как до китайской границы* – «трудно, но возможно») до неисполнимого, несбыточного (*как до китайской пасхи* – «настолько трудно, что становится невозможным»). Например: 1) *«Я прочитал в интернетах, что в принципе с риелторами можно было торговаться за гонорар, но до этого нам было еще далеко, как до Китайской границы гусиным шагом,*

потому что подходящих квартир для нас не было вообще» (<https://pikabu.ru/search.php?q>); 2) «То есть <Украина> не создала предпосылок для возвращения Донбасса в общее политическое и правовое поле. Украине на сегодняшний день далеко до этого, как до китайской пасхи» (Московский комсомолец. 2017. №11) [7]. Несмотря на эксплицированный компонент далеко, выступающий основанием сравнения, пространственное (временное) значение оборотов является вторичным. В первом примере говорящий утверждает, что само совершение такого действия, как «торговаться за гонорар», видится им на данный момент осуществимым с большим трудом, но все же вполне реальным после того, как будет подобрана квартира. Во втором примере с помощью фразеологического средства подчеркивается, что «возвращение Донбасса в... правовое поле» не представляется возможным, что подтверждается и современной политической ситуацией.

Семантика фразеологизма как до китайской пасхи базируется на оксюморе, широко распространенном приеме фразеомообразования единиц со сходным значением: на турецкую пасху и на русский байрам – «об откладывании, отсрочивании чего-л. на неопределенный срок; никогда». Фразеологизмы построены путем соединения компонентов, номинирующих элементы «своей» и «чужой» культуры. В таком случае объективируются кванты знания, отражающие картину мира «своего» и «иног» этноса, задействуются два дискурсивных пространства – этнокультурное и инокультурное пространство религиозных обычаев: русские являются христианами, следовательно, не могут отмечать традиционный мусульманский праздник байрам так же, как и исповедующие ислам турки или исповедующие даосизм или буддизм китайцы – христианскую пасху.

Еще одной кодифицированной единицей (встречается в словарях М.И. Михельсона и В.И. Даля) с прототипическим пространственным значением является единица *хоть до Кракова, так все одинаково*. Однако, в отличие от названных выше фразеологизмов, выбор топонимического компонента обусловлен лишь ритмической организацией структуры пословичного типа. Выражение передает значение так называемой «нулевой» оценки – «безразлично, не имеет значения, на все согласен» [5, с. 105]. Сравним: «– Так ты что, – удивился Лева – на помывку в бассейн что ли ходишь? – Ну, елы-палы, а я что говорю? Не все равно где чиститься-то? Хоть до Кракова – везде одинаково. Чем там плохо? Не каждый же день! А так на любой случай годится» (В. Торчилин. Елы-Палы) [7].

С позиций когнитивной лингвистики каждый акт заимствования на уровне познания обусловлен рядом причин: востребованностью той или иной единицы для языковой картины мира коммуникантов, необходимостью замещения неких ментальных и соответственно семантических лакун языкового сознания, актуализацией ценностно-культурной значимости единицы для данного лингвокультурного сообщества.

Развивая мысль о языковой динамике корпуса инокультурных фразеологизмов, не можем не назвать наиболее частотное фразеологическое обозначение коронавируса – *китайская болезнь* (сделаем акцент на фразеомообразовательном потенциале именно этого компонента). Очевидным становится влияние внеязыкового фактора, т.к. вирусное заболевание возникло в китайском городе Ухань. Тем более, что характеристика пневмонии именно как китайской болезни фиксируется в массмедийном дискурсе не в последние два года, а намного раньше. Вспомним, что атипичная пневмония получила распространение в России еще в 2002-2003 годах. Тогда же в массмедиа начинает употребляться и устойчивое сочетание *китайская болезнь*. Однако нами не отмечено ни одного примера употребления данного сочетания в период с 2003 до 2019 год, но с началом пандемии, т.е. с начала 2020 года, данный устойчивый оборот актуализируется в публицистическом дискурсе. Сравним: «*Загадочная китайская болезнь распространяется по всей стране*» (24.01.2020 г.); «*Симптомы новой китайской болезни: какие изменения в здоровье должны насторожить*» (25.01.2020 г.); «*Китайская болезнь косит не только людей, но и сами основы современной экономики*» (05.02.2020 г.) и мн. др.

Безусловно, конкретный исторический период, характеризующийся своими веяниями, тенденциями, событиями, проблемами, вызывает к жизни конкретные фразеологические единицы. Например, Т.В. Козлова совершенно определенно отмечает, что метафорическое выражение *новые русские* для обозначения первоначально «только преуспевающих бизнесменов, которые разбогатели сравнительно недавно и внезапно» появилось в российской прессе с 1990-91 гг. [4, с. 98]. Исследователь называет это выражение социальной метафорой, которая «допускает множество следствий, что, в свою очередь, дает начало новым устойчивым выражениям» [4, с. 107]. Действительно, *новые русские развивают целый ряд подобных наименований, в том числе и с «чужими» этнонимическими компонентами: новые грузины, новые казахи, новые китайцы, новые цыгане, новые американцы, новые шведы* и под. [1, с. 618]. Такие иронически маркированные обороты можно встретить

и современном массмедийном дискурсе. Например: «... *Словосочетание новые китайцы приобретает знаковое значение в отношении некоторых жителей «Поднебесной». Благосостояние китайцев растет как на дрожжах*» (здесь: новые китайцы – «современные китайские миллионеры») (<https://www.inmogl.ru/2011/03/>); «*Новые цыгане Европы. Посудите сами: приехали табором, творят бесчинства, ведут себя легкомысленно, воруют и попрошайничают*» (здесь: новые цыгане – «украинские беженцы») (<https://rex-net.livejournal.com/6652628.html>); «*Новые казахи*»: кто они и нужны ли они Казахстану? Казахстан становится все более привлекательным для желающих сменить место жительства. <...> (здесь: новые казахи – «люди, недавно переехавшие на постоянное место жительства в Казахстан») (<https://camonitor.kz/33796-novyje-kazahi-kto-oni-i-nuzhny-li-oni-kazahstanu.html>). Данным инновациям в области фразеологии только предстоит стать объектами фразеографического описания.

Более того, этнонимы в метонимическом значении нередко употребляются для наименования автомобилей, произведенных в той или иной стране, отсюда – и употребление выражения типа *новые китайцы* применительно к китайским автомобилям, появившимся на российском рынке в 2022 году в связи с кризисом автомобильной промышленности: «*Новые «китайцы» выходят на ижевский рынок*» (<https://www.zr.ru/content/articles/101466-novyje-kitajcy>). Сравним: «Торжество абстракционизма или новые американцы. В середине января этого года состоялся ребрендинг одной из крупнейших авиакомпаний США – American Airlines» (здесь: новые американцы – «обновленные самолеты американской авиакомпании») (<https://aviaglobus.ru/2013/01/25/5344>).

Вернемся к выражению *новые русские*, относящемуся к единицам фразеологического уровня языка, среду появления которых нельзя однозначно определить как этно- или инокультурную («свою» или «чужую»). Х. Вальтер и В.М. Мокиенко подчеркивают: «Парадоксально, но факт: хотя явление, вызвавшее его к жизни, – собственно российское, сам этот оборот – американизм *new Russians* с французским (*nouveaux riches*) языковым прототипом» [1, с. 618]. И таких «парадоксальных» единиц в русском языке немало. Одна из них – *успеем добежать до канадской границы* в значении «располагаем временем, чтобы завершить какое-либо дело» [5, с. 54]. Фраза стала популярной благодаря отечественному кинофильму «Деловые люди», снятому Л. Гайдаем в 1963 году, но оригиналом являются слова из концовки рассказа американского писателя О. Генри.

Среди источников происхождения косвенно-производной единицы выделяем интеркультурное дискурсивное пространство, т.е. пространственно-временное когнитивное поле, в пределах которого проявляется связь семантики фразеологизма с элементами «своей» и «чужой» культуры, происходит кодирование этно- и инокультурной информации в одном языковом знаке. Таким образом нами характеризуется взаимодействие между «своим» и «чужим» дискурсом порождения, интеграция и пересечение нескольких различных культурных пластов человеческого знания и практики, зафиксированных во внутренней форме образного выражения.

Рассредоточенная в разных дискурсивных формациях культурная информация находит во фразеологических знаках всевозможные комбинации преломления. Наиболее часто когнитивной базой фразеологической семантики служит определенный культурный сценарий, репрезентирующий значимый контекст социального взаимодействия, поведенческой и мыслительной деятельности носителей разных культур. Обратимся к примеру. Несмотря на то что инокультурный фразеологизм *И в Африке* зафиксирован в «Большом словаре русских поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной (2007) как молодежный жаргонизм в значении «о постоянном качестве, стабильности чего-либо» [6, с. 22], наши наблюдения показали, что он обладает более широкими структурно-семантическими возможностями и большими стилистическими ресурсами.

На наш взгляд, следует рассматривать не отдельный фразеологизм, а целую фразеомодель *Имя сущ. в Им. п. + он (оно, она, они) и в Африке + Имя сущ. в Им. п.*, где постоянным компонентом является «чужеродный» топоним «Африка», выбор которого объясняется наивными представлениями членов российского лингвокультурного сообщества об Африке как о далеко расположенном континенте с формами жизни, бытом и культурой, существенно отличными от традиционных. Поэтому, указывая на то, что субъект, названный переменным компонентом, не меняется даже в Африке, говорящий подчеркивает постоянство, устойчивость его свойств. Усиливает эти свойства и тавтологический характер самого переменного компонента. Сравним с другими продуктивными в русском языке фразеомоделями тавтологического типа с тождественным значением: *Имя сущ. в Им. п. + есть + Имя сущ. в Им. п.* (*ребенок есть ребенок, работа есть работа, дом есть дом* и др.) и *Имя сущ. в Им. п. + есть + Имя сущ. в Им. п.* (*школа как школа, мастер как мастер, погода как погода* и др.).

Структурной особенностью рассматриваемой нами фразеомодели выступает удвоение подлежащего (отпуск – он и в Африке отпуск), являющееся, с одной стороны, нарушением синтаксической нормы, а с другой стороны, служащее все той же усилительной функции, как и тире (реже – запятая), которое встречается в большинстве употреблений единиц, организованных по данной фразеосхеме. Например: *«По выражению Алексея: «Постмодерн – он и в Африке постмодерн» (С.Н. Есин. Дневник) [7].*

Переменным компонентом модели преимущественно являются одушевленные существительные, при этом фразеомодель выполняет прагматическую функцию оценочной (эмоционально-оценочной) характеристики лица. Функционирование единиц, организованных по данной модели, показывает, что с их помощью выделяются не только отрицательные качества личности, но и достоинства, т.е. в смысловой структуре актуализируются различные коннотативные семы. Сравним: 1) *«Да я не думаю, что кабаны погрызли дуб из-за того, что собирали трюфели. Просто такая скотская порода. Они, вон, и одомашненные грызут дерево в загонах. Кабан, он и в Африке кабан» (Форум: Интересные находки. Интересные встречи и находки в лесу (2010) [7].* Говорящий подчеркивает отрицательное свойство животного, указывая на его способность бездумно грызть дерево, нанося ему вред. 2) *«Публике постарше художник предложил оценить впечатления от <...> текста А. Вертинского «Желтый ангел» в виде обрамления для тоже ангела и тоже желтого, но уже чугаевского. Оценили: Вертинский он и в Африке Вертинский» (Пермский стиль // «Уральская новь», 2002) [7].* В данном случае дается положительная оценка лицу и реализуется смысл 'Вертинский для всех является талантливым человеком'.

Описанная фразеологическая структура настолько «открыта», а степень десемантизации постоянного компонента Африка настолько высока, что включение в состав фразеосхемы некоторых переменных элементов создает оксюморон, не осознаваемый говорящим: *А Египет – он и в Африке Египет. Мертвенный, палящий, доменный жар – днем, и такой же мертвящий холодок – ночью (<http://zagrandom.ru>)*. Адресат речи не осознал, что Египет – это действительно государство, расположенное на севере Африки. Хотя возможно расценивать это употребление и как пример языковой игры, к которой прибегает говорящий (пишущий).

Единицы, организованные по модели Имя сущ. в Им. п. + он (оно, она, они) и в Африке + Имя сущ. в Им. п., отнюдь не принадлежат к субстандарту, хотя стилистически сниженных

речевых оборотов встречается действительно немало. Стилистически маркирована не сама модель, а каждая конкретная единица, функциональные параметры которой определяются все-таки лексическими – стилистической принадлежностью переменного компонента. Например: *«Для Студента, как и для большинства самостоятельных поселковых мужиков, мент не мог быть нормальным человеком. Мент был противоположностью вольной природы, на которой они жили. Самой воле вообще. – Мент, он и в Африке мент... – поддержал кто-то. – Это точно»* (В. Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013) [7]. Включение арготизма мент – «милиционер» – обуславливает сниженный характер употребления всей фразеологической модели.

Однако Национальный корпус русского языка дает данные о функционировании подобных фразеологизмов и в газетном дискурсе, в таких федеральных изданиях, как «Московский комсомолец», «Новая газета», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Труд», «Коммерсант», «Ведомости» и др.

В заключение скажем, что «чужое» непрерывно проникает в русское культурное пространство, и актуальным каналом в настоящее время, без сомнения, являются средства массовой информации. Устойчивые сочетания нередко появляются впервые именно в публицистическом дискурсе, на страницах периодических изданий, в сетевых изданиях, в пабликах, где темы межкультурного взаимодействия обсуждаются довольно часто. Развитие фразеологической системы русского языка на современном этапе характеризуется активным появлением фразеологизмов, когнитивно-дискурсивную основу которых составляют знания об инокультурных («чужих») реалиях. Вектор фразеомообразования таких единиц направлен на взаимодействие участвующих в данном процессе компонентов, что приводит к асимметрии вновь образованного фразеологического знака, к противоречивому соотношению исходной формы и нового содержания. Большинство инокультурных фразеологизмов представляет собой структуры с «чужим» топонимическим или этнонимическим компонентом, некоторые из которых в дальнейшем становятся фразеосхемами. Не все из рассмотренных нами фразеологических единиц нашли отражение во фразеологических словарях толково-культурологического типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальтер Х. Новые и старые реалии в новой русской фразеологии / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Русское слово в многоязычном мире. Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. Редкол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина

- [и др.]. – СПб.: Изд-во: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2019. – С. 610 – 620.
2. Глазанова Е.В. «Как до луны на тракторе»: опыт построения градуального эталона расстояний, зафиксированных в русских фразеологизмах / Е.В. Глазанова, Е.В. Ерофеева // Социо- и психолингвистические исследования. – 2015. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 07.07.2022).
 3. Елистратов В.С. Словарь русского арго / В.С. Елистратов. – М.: Рус. слов., 2000. – 693 с.
 4. Козлова Т.В. «Новые русские»: понятие и дискурс / Т.В. Козлова // Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 97 – 107.
 5. Лаптева М.Л. «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве: познавательный словарь-справочник / М.Л. Лаптева. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2019. – 204 с.
 6. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
 7. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.07.2022).
 8. Ши Ся Китай, китайский, китаец в русской фразеологии / Ши Ся // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология. – 2008. – № 2. – С. 120 –126.

АННОТАЦИЯ

Лаптева М. Л. Динамика функционирования в русском языке инокультурных фразеологизмов

В статье рассматриваются динамические процессы в области функционирования в русском языке фразеологизмов, являющихся отражением представлений о «чужом» культурном пространстве. Группу инокультурных фразеологизмов составляют как единицы, имеющие давнюю историю существования и не потерявшие актуальности, так и единицы, возникшие в языке относительно недавно и еще не закрепленные фразеографически. Анализируется структурно-семантическая вариантивность отдельных инокультурных фразеологизмов, построенных по продуктивным моделям: *как до Китая; ... и в Африке...* и др.

Ключевые слова: инокультурный фразеологизм, «свое» и «чужое», функционирование, семантика.

SUMMARY

Lapteva M. L. Dynamics of functioning of foreign cultural phraseological units in the Russian language

The article examines the dynamic processes in the field of functioning of phraseologisms in the Russian language, which reflect ideas about the «alien» cultural space. A group of foreign cultural phraseologisms consists of both units that have a long history of existence and have not lost relevance, and units that have arisen in the language relatively recently and have not yet been fixed phraseographically. The author considers structural and semantic variability of individual foreign cultural phraseologisms constructed according to productive models: *like to China*; ... *and in Africa*... etc.

Key words: foreign cultural phraseologism, «one's own» and «alien», functioning, semantics.

*О. В. Шаталова,
О. Н. Бладысик
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81.373.2

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОД КАК ПРИНЦИП ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА (ПО РОМАНУ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»)

Каждое художественное произведение содержит зашифрованную автором информацию. И только от «информационного опыта» читателя зависит успешность восприятия, расшифровки и понимания данной информации.

Эстетическая информация художественного текста обладает кодовой природой. Расшифровка уникального эстетического информационного кода сообщения художественного текста, восприятие и дешифровка сигналов его эстетической информации – очень сложный процесс восприятия и понимания информации художественного произведения субъектом восприятия текста.

Процесс понимания художественного текста состоит из последовательности этапов расшифровки информации. Он предполагает снятие различных информационных препятствий. Успешность процесса понимания текста определяется социальным и индивидуальным статусом субъекта восприятия [1, с. 62], который обуславливается его образованием, жизненным, культурным опытом.

Важную роль в восприятии, понимании и расшифровке эстетической информации художественного текста играет наличие как у автора, так и у читателя общей культурной информации и памяти. Художественный текст осуществляет хранение и передачу эстетической и культурной информации и памяти как в оригинальной форме, так и во вторичных формах.

Одну из важнейших ролей в создании кодовой природы оригинала играет ономастический код художественного текста. Важное значение для формирования уникального эстетического кода художественного текста играют имена собственные, выполняющие как экспрессивную, так и конструктивную функции. Имена собственные способствуют формированию ономастического пространства художественного текста. Они накапливают и транслируют культурную информацию в «другие» культуры.

Поиск имен героев, которые четко соответствуют художественному замыслу, является невероятно трудным для автора. Существует литература, которая посвящена происхождению имен в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.А. Булгакова и других писателей. Антропонимы, находящиеся в пространстве художественного текста, количественно наращивают и качественно усиливают свои экспрессивные и эстетические потенциалы [3, с. 334-336].

Ю.Н. Тынянов писал, что все имена собственные в художественном произведении «говорят». Он утверждал, что «каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно» [4, с. 269].

Исследователи считают, что имена собственные, которые не имеют в языке своего предметно-логического или коннотативного значения, приобретают в художественном тексте семантический и эмоциональный потенциал, накапливающийся в процессе разговора текста через характеристики автора или персонажа, являющихся носителями имен.

Являясь языковыми единицами, которые закреплены за элементами различных культур – культуронимами, антропонимы в художественном тексте, который создан в определенной культуре средствами определенного языка, могут принадлежать к группам полионимов, идионимов или ксеонимов в зависимости от культурной информации, представленной в них.

Особое место среди жанрового и тематического разнообразия современной русскоязычной прозы занимает роман Е.Г. Водолазкина «Лавр». Этот роман был опубликован в 2012 году и уже получил различные премии и награды. Уже к 2018

году роман был переведен более чем на 30 языков. Названием данного романа стало имя собственное Лавр, сохраненное практически во всех переводах романа за исключением финского и французского переводов, которые получили название «Четыре жизни Арсения». Роман написан в жанре жития.

В данном романе мы наблюдаем пример «суженного» ономастического пространства, представляющего собой ряд имен, которые характеризуют одного и того же персонажа [2, с. 103].

Вступительная часть романа является предисловием ко всей истории жизни главного героя. Также в ней находится указание на выявленное автором оригинальное восприятие особого факта – существование нескольких имен у персонажа. В романе рассказывается о жизни средневекового лекаря, которая невероятно разнообразна. Герой имел в различных обстоятельствах своей жизни разные имена, такие как травник Арсений, юродивый Устин, монах Амвросий и схимник Лавр.

Смена личного имени героя романа – сигнал о новом этапе его жизни. Появление в каждом этапе жизни героя его нового имени, с одной стороны, означает эволюцию героя как человека, а с другой, может быть воспринята как переход от его земного призвания лекаря до благословения Бога на то, чтобы принимать на себя всевозможные пороки и болезни людей. Своей сменой имен и жизненной историей герой символизирует идею восхождения к миссии служения миру [2, с. 104].

Герою при рождении дается имя греческого происхождения Арсений. Оно переводится как «мужчина; мужественный». Герой олицетворяет Адама, который по божьей воле берет на себя ответственность за целый мир, за все свои поступки и за людей, которые его окружают. При этом в романе упоминается и Арсений Великий, являющийся для главного героя идеалом. Герой старается искупить все свои грехи, молится за близких ему людей, за целый мир, спасает людей от болезней. Он становится покорным судьбе.

Прозвище героя Рукинец можно объясняется тем, что, с одной стороны, герой рожден в Рукиной слободке, а с другой стороны, что с его помощью характеризуется дар Арсения – исцеление людей с помощью рук. Герой также имел прозвище Врач, что соответствовало реальной жизни героя.

Когда умирает возлюбленная героя – Устина, он называет себя именем латинского происхождения Устин, которое образовано от слова «justus» и означающее «справедливый». Герой, чувствуя свою вину перед любимой женой, с которой они так и не успели обвенчаться, собирается жить за нее. Поэтому он и берет имя

Устин. Данное имя с этимологической стороны относится к имени бога Марса, которое на латинском языке звучит как «Устин». Первоначальная функция бога Марса состояла в плодородии, дикой природе. Его священные животные – волк и дятел. Это является неслучайным фактом, так как у Арсения в подростковом возрасте был самый верный и преданный друг – волк, спасший героя от смерти. Именно дружба с волком и его защита как бы предрекла будущее героя, который сменил свое имя в связи с горестными обстоятельствами жизни, и назвал себя Устином. Герой всю жизнь помогал людям несмотря ни на что, но при этом он всегда оставался одиноким человеком.

После этого, юродивый Фома дает герою, который к тому времени становится монахом, имя Амвросий, использующееся в России как монашеское имя и имеющее греческое происхождение, означающее «неумирающий; божественный».

Зеркальным отражением русского средневекового героя является итальянец Амброджо Флеккиа. Он приехал в Новгород для выяснения обоснованности представления русских о приближающемся конце света, которого ожидали в те времена в 1492 году. Когда герой постригается в схиму, он сразу же получает имя латинского происхождения Лавр, которое и становится названием романа. Данное имя обозначает вечнозеленое растение лавр, из которого в античные имена делали лавровые венки, являющиеся символом победы. Также, одним из символических значений слова «лавр» является мученичество, которое совпадает с идеей автора романа, проявляющейся в жертвенности героя. Ведь главный герой посвятил всю жизнь памяти своей любимой Устины и друга Амброзо. Лавр опровергал все напрасные обвинения и несправедливое отношение к нему и ложь, так как считал себя справедливо наказанным за свои грехи. Лавр воспринимается читателями как победитель, как свет, который озаряет все вокруг.

Перечисленные антропонимические знаки относятся к именослову христиан. Они являются носителями русской культурной памяти и информации. Антропонимы, будучи средством обозначения и различения индивидов в обществе, являются особым кодом, социальным знаком статуса личности именуемого.

Еще раз отметим, что в романе «Лавр» все четыре имени употребляются для именования одного человека на протяжении всей его жизни. При этом эти имена отражают разные этапы жизни героя. Е. Водолазкин создал в художественном тексте уникальное имя Арсений-Устин-Амвросий-Лавр, которое используется для именования главного героя. Данное четырехчастное имя совпадает с четырехчастной структурой романа. Такое имя-

код является неотъемлемым от большого ономастического пространства романа.

В романе представлено огромное разнообразие имен собственных различного происхождения. К ним относятся русские имена, такие как Агафья, Марфа, Демид, немецкие имена, как Вилггельм, Гуго, Мюллер, итальянские имена, как Джованни, Лаура, Леонардо, греческие имена, как Артистид, Сократ, Филон, а также французские, английские, польские и другие имена. Русские онимы часто имеют греческое происхождение, но они представляются в форме русской традиции называния.

«Игра времен» в романе Водолазкина «Лавр» позволила автору в итоге прийти к выводу о том, то времени не существует.

Таким образом, при интерпретации имени героя художественного произведения очень важно ономастическое пространство произведения, являющееся упорядоченной, структурированной совокупностью имен собственных, в котором находятся системно-структурные связи. Ономастическое пространство романа «Лавр» включает все слова и словосочетания, которые используются автором для того, чтобы выделить именуемое, идентифицировать его. Это и будет авторским дополнением, отразит скрытые замыслы, которые связаны с интерпретацией имен героя в романе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елина Е. А. Этапы декодирования эстетического сообщения и его помехи [Электронный ресурс] / Е.А. Елина // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации. – Ростов н/Д: Изд-во ИХБиП, 2002. – Вып. 1. – С. 57 – 63. – Режим доступа : <https://studylib.ru/doc/549255/e-tapy-dekodirovaniya-e-steticheskogo-soobshheniya-i-ego-pomehi>. – 29.12.2022.
2. Кочетова, С. А. Имена героя в романе Е. Водолазкина «Лавр» [Электронный ресурс] / С.А. Кочетова // XIII Крымские Международные Михайловские литературно-ономастические чтения : Материалы конференции, Симферополь, 18 сентября 2019 года / Главный редактор А.В. Петров. Ответственный редактор В.М. Калинин. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. – С. 102 – 107. – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=41178118>. – 22.12.2022.
3. Разумовская, В. А. Ономастический код романа «Лавр»: переводческий аспект [Электронный ресурс] / В.А. Разумовская // Индустрия перевода. – 2018. – Т. 1. –

С. 333 – 339. – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=36964207>. – 22.12.2022.

4. Тынянов Ю.Н. Литературный факт / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.

АННОТАЦИЯ

Шаталова О. В., Бладысик О. Н. Ономастический код как принцип формирования художественного пространства (по роману Е. Водолазкина «Лавр»)

В статье рассматриваются имена собственные как средства формирования ономастического кода, который становится одним из принципов формирования художественного пространства романа. Имена собственные выполняют в художественном тексте экспрессивную и конструктивную функции. Они накапливают культурную информацию и связаны с ее переходом в «другие» культуры, что определяет их исключительную значимость для интерпретации читателями художественного текста. Материалом для исследования послужили имена героев романа Е. Г. Водолазкина «Лавр».

Ключевые слова: художественный текст, художественное пространство, антропонимы, онимы, ономастический код.

SUMMARY

Shatalova O.V., Bladysik O. N. Onomastic code as the principle of the formation of literary space (based on the novel by E. Vodolazkin «Laurus»)

The article discusses proper names as a means of forming an onomastic code, which becomes one of the principles of the formation of the literary space of the novel. Proper names perform expressive and constructive functions in a literary text. They accumulate cultural information and are associated with its transition to «other» cultures, which determines their exceptional importance for readers' interpretation of a literary text. The names of the characters of E.G. Vodolazkin's novel «Laurus» served as the material for the study.

Key words: literary text, literary space, anthroponyms, onyms, onomastic code.

*О. В. Балан,
Л. Л. Косташ*

(г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика)
УДК 811.111'373.23

**ОСОБЕННОСТИ ИМЁН
СОБСТВЕННЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ
«WORLD OF WARKRAFT»)**

Имена собственные с давних пор привлекали внимание исследователей. Учёных интересовала история их возникновения, значение и смысл, связь с историей общества, с мировоззрением и верованиями людей, с окружающей природой. В настоящее время интерес к ономастике значительно возрос. Он проявляется в появлении всевозможного рода книг, посвящённых тайнам имени собственного, в издании многочисленных словарей личных имён и фамилий, а также в значительном количестве научных публикаций.

Материалом для нашей работы послужила компьютерная игра в жанре фэнтези под названием «World of Warcraft». Хотя игры как форма многими не воспринимаются всерьёз, неспроста в последние годы их всё чаще и чаще называют новым видом искусства, ставя в один ряд с музыкой, литературой и кинематографом. В наше время игровая индустрия очень широко развивается. Сюжеты в играх с каждым десятилетием становятся всё сложнее и глубже, уходя при этом от примитивных и банальных историй. Немаловажен и тот факт, что в своих творениях игровые разработчики и сценаристы зачастую создают различные образы, изображают исторические события или же проводят параллели с оными в своих собственных вымышленных сюжетах, отражая при этом те же социальные, экономические, политические и другие проблемы, с которыми сталкиваются люди в разных частях света. Именно по этим причинам игры можно отнести к искусству, а именно – к его интерактивной форме. Поэтому мы считаем уместным сравнивать данную компьютерную игру с художественным текстом, а именно с художественным произведением в жанре фэнтези.

Ономастика (от греческого «onomastika» – «искусство давать имена») – раздел языкознания, изучающий собственные имена [2, с. 279].

Многие авторы пытались определить, чем же отличаются имена собственные от имён нарицательных. Были созданы целые теории по этому вопросу. Например, А.В. Суперанская в своей книге рассматривала специфику имён собственных

и учений о них, выделив при этом три отличительных признака, позволяющих, с её точки зрения, разграничить имя собственное и имя нарицательное. Основные отличительные признаки собственного имени заключаются, по её мнению, в том, что:

- оно даётся индивидуальному объекту, а не классу объектов, имеющих черту, характерную для всех индивидов, входящих в этот класс;
- именуемый с помощью имени собственного объект всегда чётко определён, ограничен, очерчен;
- имя собственное не связано непосредственно с понятием и не имеет на уровне языка чёткой и однозначной коннотации [4, с. 324].

В работе В.Д. Бондалетова «Русская ономастика» после краткого анализа даётся обзор основных теорий и исследований, касающихся статуса имён собственных в лингвистике. Основные тезисы можно сформулировать следующим образом.

1. Имена собственные являются единицами языка, чаще всего словами, и потому должны рассматриваться как вполне законченный объект языкознания.

2. Имена собственные относятся к номинативным, а не коммуникативным единицам языка и входят в большинство языков мира в класс конкретных имён существительных (имён субстантивов).

3. Специфика имени собственного заметна как на уровне языка – при их рассмотрении «вообще», вне конкретного употребления, так и на уровне речи – в конкретных контекстах и ситуациях.

4. Специфика имени собственного касается и его структурно-языковой стороны, и функциональной.

5. В функциональном плане специфика имени собственного позволила выделить следующие основные функции: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую. В качестве второстепенных называют функции: социальную, эмоциональную, аккумулятивную, дейктическую (указательную), функцию «введения в ряд», адресную, эстетическую, стилистическую [1, с. 20].

Все многообразие имён собственных подвергается классификации. В современной ономастике оптимальное структурирование ономастического пространства предложено А.В. Суперанской. Принимая во внимание лингвистические и экстралингвистические характеристики имён собственных, А.В. Суперанская представила следующую классификацию:

Классификация имён в связи с именуемыми объектами:

1. Имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые:

- антропонимы – личные имена людей;
- зоонимы – клички животных;
- мифонимы – имя любой сферы ономастического пространства в мифах, эпopeях, сказках, былинах;

2. Наименования неодушевленных предметов:

- топонимы – наименования населённых пунктов;
- космонимы и астронимы – наименования космических объектов;

- фитонимы – наименования растений;

- названия средств передвижения;

- сортовые и фирменные названия;

3. Имена собственные комплексных объектов:

- названия предприятий, учреждений;

- хрононимы – имя исторически значимого отрезка времени;

- названия праздников, юбилеев, торжеств;

- названия мероприятий, войн;

- названия произведений литературы;

- документонимы;

- названия стихийных бедствий;

- фалеронимы – имена собственные любого ордена, медали.

По мнению А.В. Суперанской, именно данная классификация является ведущей, поскольку «соотнесённость с предметом, как правило, определяет «лицо» имени и его характеристики» [4, с. 66]. Классификация А.В. Суперанской является полной и чётко структурированной.

Рассмотрим употребление имён собственных в компьютерной игре «World of Warcraft» на материале статей англоязычных интернет-ресурсов Wowpedia и Wowhead, посвящённых данной видеоигре. Все представленные ниже примеры будут распределены на группы согласно выбранной нами классификации.

Считаем необходимым ввести в курс дела тех, кто незнаком с данной видеоигрой. «World of Warcraft» – это многопользовательская онлайн-игра в сеттинге фэнтези с элементами стимпанка. Фэнтези – это жанр современного искусства, который является разновидностью фантастики и основывается на использовании мифологических и сказочных мотивов в современном виде. Самыми известными представителями жанра фэнтези являются такие художественные произведения, как: роман-эпопея «Властелин колец» Джона Толкина и серия романов о Гарри Поттере за авторством

Джоан Роулинг. Стимпанк – направление научной фантастики, включающее технологию и декоративно-прикладное искусство, вдохновлённое паровой энергией конца XIX века. Одно из наиболее популярных художественных произведений в таком жанре – «Война миров» Герберта Уэллса.

Далее мы рассмотрим, собственно, сами примеры употребления имён собственных.

Антропонимы – личные имена людей:

Malfurion Stormrage has tried his best to maintain unity within the Alliance, but his duties as a druid caused him to focus more on the wilds [6].

Малфурион Ярость Бури – ночной эльф, сильнейший и первый из друидов во вселенной «World of Warcraft». Сыграл значительную роль во время одной из самых жестоких войн, развязанной Древними богами, защищал собственный народ и всё живое в родном королевстве.

Зоонимы – клички животных:

Rexxar is always seen with his loyal bear companion Misha [6].

После Третьей войны Рексар оказался на материке Калимдор, где по-прежнему самостоятельно исследовал здешние неизведанные территории региона под названием Степи в компании верного друга, медведя Миши, и оставаясь при этом вдали от цивилизации.

Мифонимы – имена любой сфера ономастического пространства в мифах, эпopeях, сказках, былинах:

Now, freed by Thaurissan's call, Ragnaros erupted into being once again. Ragnaros' apocalyptic rebirth into Azeroth shattered the Redridge Mountains and created a raging volcano at the center of the devastation [6].

Рагнарос – невероятно сильный Лорд-Элементаль и правитель элементалей огня, который был одним из главных прислужников Древних Богов и сражался с титанами, когда они обнаружили Азерот. Имя Рагнароса похоже на «Рагнарёк» – слово, которым в норвежской мифологии обозначали конец света (образ его происходит скорее от лидера Огненных Великанов, Сурта). В Рагнарёк должна произойти битва между богами и йотунами: морозными великанами и огненными великанами вместе с Локи и его детьми. Рагнарёк переводится с норвежского как «Сумерки Богов».

Топонимы – наименования населённых пунктов:

In Arthas' absence, the Dark Lady, Sylvanas Windrunner, led the rebel Forsaken to the Undercity and claimed it for her own [6].

Подгород – столица Отрекшихся, нежити Орды. Он располагается под руинами исторического города Лордерона.

Глубоко под дворцом прежнего города ранее находились древние склепы правителей Лордерона, а также катакомбы и подземелья.

Космонимы и астронимы – наименования космических объектов:

However, thousands of years after the War of the Ancients, the Burning Legion attempted to destroy Azeroth once more, this time indirectly [6].

Азерот – название планеты, на которой происходила почти вся известная на данный момент история вселенной World of Warcraft. Азерот стал местом рождения разных рас, многие из которых – эльфы (ночные, высшие, и эльфы крови). Помимо них существуют также: люди, дворфы, таурены, гоблины, тролли, гномы, пандарены, драконы и т.д. Существует легенда о том, что Азерот был создан Титанами, огромными богами с металлической кожей, прибывшими из дальних уголков космоса.

Фитонимы – наименования растений:

*The Bloodhoof tribe uses **peacebloom** as sacred tinder in the funeral pyres during ceremonies [6].*

Мироцвет – это трава, используемая в качестве одного из ингредиентов для приготовления лечебного зелья, зелья омоложения, эликсира стойкости и зелья троллей крови.

Названия средств передвижения:

The Turbo-Charged Flying Machine is a special Engineering-only epic flying mount [6].

Турбоветролёт – летальное средство передвижения, который собрали и которым умеют пользоваться только инженеры Орды. Является невероятно редким и дорогим транспортом.

Названия предприятий, учреждений:

*When Overseer Kraggosh and his overseers moved into the Undercity, the **Royal Apothecary Society** was forced to do their real work in secret [6].*

Королевское фармацевтическое общество – это сообщество алхимиков, расположенное в Подгороде. Оно было создано Сильваной Ветрокрылой, и в нём состоят только представители нежити, которые постоянно изобретают новые болезни и яды, чтобы использовать их против врагов Сильваны.

Хрононимы – названия исторически значимых отрезков времени:

The Age of Dragons is over [6].

Эпоха драконов – времена, когда ещё не возникли люди, эльфы и прочие расы и создания. Драконы были одними из первых разумных существ в Азероте. До сих пор неясно были ли они созданы титанами, или они существовали ещё до их прибытия.

Названия праздников, юбилеев, торжеств:

The Feast of Winter Veil is upon us, and Greatfather Winter is busy spreading holiday cheer in major cities across the land [6]!

Праздник Зимнего Покрова – это внутриигровое праздничное событие, являющееся аналогом рождественских, новогодних и других праздников, которые отмечаются в конце года. Название праздника произошло от имени сверхъестественного существа, известного во многих культурах вселенной World of Warcraft как Дедушка Зима. Он пролетает над землями Азерота, укутывая их в зимнее одеяло. Это знаменует скорое возрождение и обновление земли.

Названия мероприятий, войн:

One of the largest and most costly wars in Azeroth's history, the War of the Ancients influenced the fate of all life on the planet for millennia to come [6].

Война Древних – древняя битва между демонами Пылающего Легиона и жителями Азерота, ставшая крупнейшей войной в истории смертных рас. И хотя планете удалось спасти, погибло множество представителей различных рас, а единый континент Калимдор был расколот на несколько материков и островов.

Названия произведений литературы:

The Book of the Dead is a dangerous artifact that belonged to the dreadlord Balnazzar [6].

Книга мёртвых – опасный артефакт. Руны и заклинания, содержащиеся внутри, написаны кровью, а не чернилам. Учёные Азерота предполагают, что тексты были написаны кровью существ, которых потом принесли в жертву.

1. Имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые:

- антропонимы – 63 (50%);
- зоонимы – 5 (4%);
- мифонимы – 9 (7%).

2. Наименования неодушевлённых предметов:

- топонимы – 13 (10%);
- космонимы и астронимы – 5 (4%);
- фитонимы – 8 (6%);
- названия средств передвижения – 4 (3%).

3. Имена собственные комплексных объектов:

- названия предприятий, учреждений – 6 (5%);
- хронимы – 2 (2%);
- названия праздников, юбилеев, торжеств – 4 (3%);
- названия мероприятий, войн – 5 (4%);
- названия произведений литературы – 2 (2%).

В изученных статьях данных интернет-ресурсов нами не были найдены следующие подразряды имён собственных:

- сортовые и фирменные названия;
- документонимы;
- названия стихийных бедствий;
- фалеронимы – имена собственные любого ордена, медали.

Можем сделать вывод, что на сегодняшний день проблему использования имени собственного в компьютерных играх в качестве художественного приёма следует рассматривать не только с позиции литературоведения и этимологии, но и с позиции ономастики. Актуальность темы на сегодняшний день безусловно возрастает, потому как игровая индустрия развивается, а вместе с ней растёт и число игр, в которых особое внимание уделяется не только сюжетам (они, безусловно, становятся всё более проработанными), но и именам собственным. В них разработчики, помимо эстетической составляющей, стараются вложить дополнительные смыслы, делая при этом отсылки как на массовую культуру и мировую историю, так и на события, не получившие известность во всём мире, но являющиеся важными, по мнению авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. – М., 1993. – 224 с.
2. Караулов Ю.Н. Энциклопедия «Русский язык». – М., 1998 – 703 с.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд. – М., 1988. – Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL:

<http://tapemark.narod.ru/les/346a.html> (дата обращения: 10.03.2022).

4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М., 1973. – 366 с.
5. Wowhead [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wowhead.com/> (дата обращения: 11.03.2022).
6. Wowpedia [Электронный ресурс]. – URL: <https://wowpedia.fandom.com/wiki/Wowpedia> (дата обращения: 11.03.2022).

АННОТАЦИЯ

Балан О. В., Косташ Л. Л. Особенности имён собственных в английском языке (на материале компьютерной игры «World of Warcraft»)

Статья посвящена изучению имён собственных в компьютерных играх жанра фэнтези. Данные лексемы представляют собой новый объект ономастики.

Материалом настоящего исследования выступают имена собственные, функционирующие в многопользовательской Интернет-игре «World of Warcraft».

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, лексика компьютерных игр.

SUMMARY

Balan O. V., Kostash L. L. Specific features of proper names in English (based on the material of the computer game «World of Warcraft»)

The article is devoted to the study of proper names in computer games of the fantasy genre. These lexemes are a new object of onomastics.

The material of this study is the proper names that function in the Multi User Internet game «World of Warcraft».

Key words: onomastics, proper name, vocabulary of computer games.

УДК 811.161.1

**СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ОБРАЗА ПОЛЯ
В СТИХОТВОРЕНИЯХ И МАЛЕНЬКИХ ПОЭМАХ
С. ЕСЕНИНА**

Аксиоматичен тезис о том, что модель воссоздает изучаемый объект для удобства его познания. Так, авторы коллективной монографии «Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте» указывают на необходимость пространственной модели для осмысления разного вида отношений. Ср.: «... пространственные модели осмысления действительности оказываются естественным и удобным механизмом для осмысления отношений типа «человек – человек», «человек – общество», «человек – мир»» [5, с. 13].

Модель в самом общем виде, согласно Н.Ф. Алефиренко, представляет собой схему, которая заполняется отображенными в сознании индивида образами объектов действительности. Проще всего и доступнее для познания признано пространство, с которым человек взаимодействует ежедневно. Однако оно в современной лингвистике не имеет единого определения. Мы рассматриваем пространство как некий исчисляемый, моделируемый феномен, подлежащий типологии. Пространственную модель мира определяем как представление об устройстве пространства, как воспринимаемого человеком непосредственного, так и недоступного такому восприятию.

Если модель мира, являясь, согласно Н.Ф. Алефиренко, каркасом картины мира [1, с. 101], то пространственная модель мира, по мнению Р.Н. Порядиной, Л.Г. Гынгазовой и др., задает структуру и границы отображения мира в сознании человека.

Кроме того, Н.Ф. Алефиренко, соотнося понятия «картина мира» и «модель мира», приходит к выводу о первичности модели мира, которая «представляет собой результат концептуализации мировоззренческих категорий культуры» [1, с. 103], в число которых входит и пространство. Отметим, что дефиниционная модель «пространство – категория» является одной из наиболее распространенных (см. работы Н.С. Болотновой, Т.В. Матвеевой, Н.А. Николиной, Л.Г. Бабенко, П.Ю. Повалко, Л.Н. Федосеевой, Т.Е. Алексеевой, А.В. Бондарко, В.Г. Гака, Е.В. Рахилиной, Ф.И. Панкова и др.). Данная дефиниция зафиксирована и в

этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под редакцией Н.И. Толстого.

Л.Г. Гынгазова, описывая пространство как модель мира, отмечает его космологичность и тесную связь с жизнедеятельностью человека. Ср.: «Космологическое видение пространства объективируется в идиолекте словами *свет, мир, земля* в их включенности во фразеологические сочетания, в семантике которых глобальное пространство мира ориентировано относительно человека: в нем рождаются и живут; по нему ходят, ездят; в нем существует определенный порядок; оно выступает как обобщенный объект восприятия» [5, с. 83]. Исследователь отмечает, что «переживаемость» человеком пространства (см. также работы В.Н. Топорова, Р.Н. Порядиной, Ю.А. Эмер и др.) обуславливает его отображение в сознании индивидуума в виде ряда образов. В их число включаем и образ поля, который ранее не был объектом исследовательского интереса в данном аспекте.

Цель статьи – выявление и описание средств вербализации образа поля в горизонтально ориентированной пространственной модели мира произведений С. Есенина. Материалом изучения послужили тексты стихотворений и маленьких поэм автора, вошедшие в первый и второй тома полного собрания сочинений «последнего поэта деревни».

Образ рассматриваем как вербализированное отображение основных признаков объекта (его цвета, формы, фактуры, консистенции, положения в пространстве и т.д.). Как единица лингвокультуры образ проходит несколько этапов формирования: от чувственного (информацию человек получает при непосредственном контакте с познаваемой реальией онтологического мира) до метафорического. Кроме того, образ может выступать эталоном, а также вносить в структуру слова основную культураносную информацию [ДМмон, с. 47]. И.А. Стернин, З.Д. Попова, Е.Ю. Мягкова, Е.Г. Беляевская М.Я. Розенфельд, Я.Н. Рожнина, Е.А. Юрина и др. отмечают фиксацию образа уже в словарной дефиниции слова. Так, за лексемой *поле* в языковом сознании этноса закреплено несколько значений: во-первых, «безлесая равнина» [2]; во-вторых, «обрабатываемая под посев земля, возделанный участок» [Там же]; в-третьих, «обширное природное пространство. Пространство, поверхность, используемые для каких-либо действий» [Там же]. В приведенных семемах объективированы следующие признаки: «обширность», «природное пространство, не поросшее лесом» (или культурно не ассимилированное), «пространство, которое подлежит обработке» (или культурно ассимилированное пространство).

Данные признаки выражены и в произведениях С. Есенина. Ср.: *Опять раскинулся узорно / Над белым полем багрянец* [7, т. 1, с. 24]; *В поле, склоняясь к побегам, / Ходят грачи в полосе* [Там же, с. 34]; *Пошли стрелыцы, запылили по полю* [7, т. 2, с. 9]; *Воят в сумерки долгие, зимние, / Волки грозные с тощих полей* [Там же, с. 17] и т.д.

Однако в приведенных примерах зафиксирован и ряд других когнитивных признаков. Так, в примере *Опять раскинулся узорно / Над белым полем багрянец* [7, т. 1, с. 24] колоратив *белый* передает не столько цвет воспринимаемого лирическим субъектом локуса, сколько представление о безграничности и необжитости воспринимаемого пространства. Так, согласно данным «Энциклопедии знаков и символов» О.В. Вовка за данным цветом закреплено несколько полярных значений. Это одновременно и природный символ света и дня (о времени указывает вербальный знак *багрянец*, объективирующий цвет неба в анализируемом тексте), «истины и добра, чистоты и невинности, божественности и жертвенности» [3, с. 133], и пустоты, холодности, а также смерти. В устном народно-поэтическом творчестве восточных славян поле описывается как пустое, незаполненное, обширное пространство. Соответственно, в примере *Опять раскинулся узорно / Над белым полем багрянец* [7, т. 1, с. 24] объективированы признаки «обширность» и «природное пространство, не поросшее лесом». Кроме того, предлог *над* указывает на один из параметров горизонтально ориентированной пространственной модели мира: геометрическую позицию объектов. Поле располагается внизу, а над ним небо, окрашенное в определенный цвет.

В другом фрагменте *В поле, склоняясь к побегам, / Ходят грачи в полосе* [7, т. 1, с. 34] объективирован когнитивный признак «пространство, которое подлежит обработке», на что указывают также вербальные знаки *побег* и *полоса*, за которыми в языковом опыте этноса закреплены следующие значения: «Побег – молодой стебель растения вместе с листьями и почками; отросток» [2]; «Полоса – узкий участок пахотной земли (обычно при индивидуальном землепользовании), отделенный межей от соседнего с ним участка» [Там же].

В строках из маленькой поэмы «Русь» *Пошли стрелыцы, запылили по полю* [7, т. 2, с. 9] вербализован признак «обширность», однако нет указания на то, относится ли локус к культурно ассимилированному или природному пространству. Скорее это место, по которому совершается перемещение из одного локуса в другой. Такое определение характерно для границы между пространственными зонами горизонтально ориентированной пространственной модели мира. Оно отобразено и в фрагменте

стихотворения *По полям бредя с кошелками, / Улыбались старики* [7, т. 1, с. 49].

Наконец, в другом примере из указанного произведения образ поля объективирован сочетанием с *тощих полей*, которое выражает как представление о беспредельности, так и отношение к дикой природе (лексема *волки*, называющая объект, который локализуется в соответствующей зоне). Кроме того, в тексте *Воют в сумерки долгие, зимние, / Волки грозные с тощих полей* [7, т. 2, с. 17] образ поля охарактеризован вербальным знаком *тощий*, выражающим представление о состоянии локуса. Ср.: «Тощий – Чахлый, хилый (о растительности): *Т-ая растительность. Т. колос. Т-ие хлеба. Т-ие поля, сады, леса*» [2] (курсив сохранен в соответствии с выделением, принятым в лексикографическом источнике – прим. Ю.Д.).

Отметим, что когнитивный признак «обширность» зафиксирован не только в словарной дефиниции слова *поле*, но и присущ ряду других, которые объединяются в русской лингвокультуре для обозначения «локуса, наделяемого признаком бесконечности, безграничности и потому трактуемого как культурная периферия, граница «своего» и «чужого» миров» [8, т. 4, с. 133]. К ним относятся, согласно Т.А. Агапкиной, *нива* и *пашня*. За ними закреплены значения, соответственно, «засеянное поле или пашня» [2] и «вспаханное поле» [Там же]. Однако данные лексемы объективируют представление о культурно ассимилированном пространстве, т.е. репрезентируют когнитивный признак «пространство, которое подлежит обработке». Ср.: *По лощинам черных пашен* – / *Пряжа выснежного льна* [7, т. 2, с. 16]; *Я улыбаюсь пашням и лесам* [Там же, с. 91]; *За перепашанною нивой* / *Малиновая лебеда* [7, т. 1, с. 78]; *Нивы сжаты, рощи голы* [Там же, с. 122].

Отметим, что совмещение признаков «природное пространство, не поросшее лесом» и «пространство, которое подлежит обработке» позволяет дифференцировать объект в соответствии с категорией «свой – чужой». Кроме того, данные признаки также влияют на восприятие рассматриваемого образа в горизонтально ориентированной пространственной модели мира: осознание ее центром (лирическим субъектом) отнесенности образа к «своему» или «чужому» регламентирует соответствующее поведение субъекта и описание реалии. Пограничность анализируемого образа отмечена и автором словарной статьи этнолингвистического словаря «Славянские древности» Т.А. Агапкиной. Ученый пишет, что поле – «в мифологии и фольклоре локус, наделяемый признаком бесконечности, безграничности и потому трактуемый как

культурная периферия, граница «своего» и «чужого» миров» [8, т. 4, с. 133]. В русской лингвокультуре образ поля мыслится как своеобразная граница, пространство, в рамках которого жизнь встречается со смертью. Однако в пространственной модели мира произведений С. Есенина данное представление не актуализировано. Для лирического субъекта локус поля всегда связан либо с родной стороной, либо с дикой природой.

Так, в лирике рязанского поэта рассматриваемый образ категоризируется как «свой» с помощью относительных прилагательных *русский, отчий*, качественного прилагательного *родной*, а также местоимений *наш, мой, твой, свой* и падежной формы личного местоимения *мы*:

- в примере *Как захожий богомолец, / Я смотрю твои поля* [7, т. 1, с. 50] местоимение *твои* выражает принадлежность локуса конкретному адресату – родине, к которой обращается вернувшийся после длительного отсутствия лирический герой;

- в строках *Еще молимся, братья, о вере, / Чтобы Бог нам поля оросил* [7, т. 1, с. 62] местоимение *нам* передает не только категоризацию локуса как «своего», но и совместность владения;

- в фрагменте *Наше поле издавна знакомо / С августовской дрожью поутру* [7, т. 1, с. 153] притяжательное местоимение объективирует представления об отнесении локуса к «своему»;

- в тексте *Да! Теперь решено. Без возврата / Я покинул родные поля* [7, т. 1, с. 167] имя прилагательное объективирует как категоризацию к «своему», связанному с родом, семьей, так и отношение лирического субъекта к описываемому. Кроме того, сочетание *родные поля* в приведенном контексте рассматривает как номинацию родного края в целом. Аналогичное представление зафиксировано и в примерах *Но никто под окрик журавлиный / Не разлюбил отчие поля* [Там же, с. 226]; *О Родина, / Мое русское поле* [7, т. 2, с. 26] и т.д.

В рассмотренных примерах актуализирован когнитивный признак образа поля «пространство, которое подлежит обработке». Более того, в пространственной модели мира, объективированной в лирике поэта, образ поля выступает символом родного края лирического субъекта (на это указывают вербальные знаки *отчий, родной, наш, мой*), а также в целом обозначением родины (*О Родина, / Мое русское поле* [7, т. 2, с. 26]).

В соответствии с горизонтально ориентированной пространственной моделью мира, зафиксированной в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (см. [8, с. 581–582]), образ поля находится за границей населенного пункта и граничит с максимально удаленным от центра локусом –

образом леса. Соответственно, в восприятии лирического субъекта образ поля может быть отнесен и к «чужому», т.е. миру природы, или культурно не ассимилированному пространству. «Как «свое», культурное пространство поле входит в один ряд с домом/двором/садом/огородом, – пишет Т.А. Агапкина, – а как «чужое», природное – синонимично и изофункционально лесу/горе/морю» [8, с. 135]. Так, в пространственной модели мира, воссоздаваемой в лирике С. Есенина, образ поля репрезентируется как культурно не ассимилированное пространство. Ср.: *Узнаю, что был снег / На полях / И поемах* [7, т. 2, с. 37]; *Скачет по полю стужа* [Там же, с. 78]; *Там в полях, за синей гущей лога* [Там же, с. 68]. На удаление от центра пространственной модели мира, т.е. лирического субъекта, указывает, например, местоименное наречие *там*, т.е. «в том месте, не здесь» [2]. Кроме того, в приведенных строках лирических произведений «последнего поэта деревни» объективирован когнитивный признак «обширность».

Однако и относимое к «чужому» поле может использоваться человеком для своих нужд. Так, в примере *Тебе, твоим туманам / И овцам на полях, / Несу, как сноп овсяный, / Я солнце на руках* [7, т. 2, с. 41] репрезентирован когнитивный признак образа поля «природное пространство, не поросшее лесом». Однако лексема *овца*, номинирующая сельскохозяйственное животное, указывает на то, что индивид приспособил даже «чужое» пространство для своих нужд.

Кроме того, «чуждость» стирается для определенных людей, которые по роду занятий тесно связаны с культурно не ассимилированным пространством. Так, например, лирический субъект строк *Я пастух, мои палаты – / Межи зыбистых полей* [7, т. 1, с. 52] воспринимает поле как дом, т.е. максимально безопасное пространство, которое, по замечанию Т.В. Цивьян, перенимает на себя функции центра пространственной модели мира.

В стихотворениях и маленьких поэмах С. Есенина образ поля предстает как бесконечное пространство, которое живет по своим законам и тяжело для осознания человеком. Оно может служить как для выполнения ним каких-либо поручений (например, выпас скота), так и являться своеобразной границей между локусами пространственной модели мира. Когнитивный признак «обширность» выражен в языке поэзии также с помощью имени существительного *ширь*, которое функционирует в языковом опыте этноса в значении «широкое пространство, видимое глазом; простор» [2]. Ср.: *Уже давно мне стала сниться / Полей малиновая ширь* [7, т. 1, с. 24].

Отметим, что в произведениях поэта образ поля объективирован также метафорической моделью «человек ↔ поле». Так, образ поля наделяется чертами человека, однако и индивид объясняет сложные для понимания реалии и/или объекты с помощью отождествления с полем. Ср.: *И душа моя – поле безбрежное* [7, т. 1, с. 215]; *Стынет поле в тоске волоокой* [Там же, с. 157]; *У полей родного лика / Позабыть свою печаль* [Там же, с. 305]; *На ладонях твоих полей* [7, т. 2, с. 66].

Однако для пространственной модели мира произведений рязанского поэта характерен синкретизм: горизонтальное и вертикальное измерение пространства накладываются друг на друга и активно взаимодействуют. Согласно О.Е. Вороновой, такое восприятие характерно для С. Есенина как носителя русской лингвокультуры, тонко чувствовавшего особенности языческо-христианское мировосприятия своего народа. «Образ мира изначально несет у него на себе духовную печать «обстающего нас храма вечности», – пишет исследователь, – что заметно уже в самых ранних стихах поэта» [4, с. 86]. Так, в строках *Я пришел к твоей вечерне, / Полевая глухомань* [7, т. 1, с. 305] и *У полей родного лика / Позабыть свою печаль* [Там же, с. 305] образ поля репрезентирован как некое сакральное пространство, в котором совершается обряд общения (лексема *вечерня*) с высшими силами, а также как объект духовного поклонения (модель «лик иконы → лик поля»).

Итак, пространство в современной лингвистике не имеет единого определения. Мы рассматриваем его как моделируемый феномен, который воспроизводится в сознании человека по ряду параметров. Являясь непосредственно данным для восприятия и взаимодействия, пространство легче всего познается и отображается в сознании индивида рядом образов, одним из которых является образ поля. В языковом сознании этноса образ поля вербализован прежде всего полисемантом *поле*, в лексическом значении которого зафиксированы основные когнитивные признаки анализируемого образа: «обширность», «природное пространство, не поросшее лесом», а также вербальными знаками *нива* и *пашня*, выражающими когнитивный признак «пространство, которое подлежит обработке». Данные признаки объективированы и в текстах носителя русской лингвокультуры С. Есенина. Кроме того, в соответствии с традиционными для нашего народа представлениями образ поля является пограничным: он одновременно может быть отнесен и к «своему» (вербальные знаки *свой, твой, наш, родной, отчий, русский*), и к «чужому» пространству (лексемы *там* и т.д.). Пограничность данного образа объективируется

в текстах поэта как соотнесение представления о поле как о границе между локусами горизонтально ориентированной пространственной модели мира. В произведениях поэта образ поля становится символом родного для лирического героя края и страны в целом. Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, Наука, 2010. – 224 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2004. – Сайт – электронный. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 20.02.2022)
3. Вовк, О.В. Энциклопедия знаков и символов / О.В. Вовк. – М. : Вече, 2006. – 528 с.
4. Воронова, О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: научное издание / О.Е. Воронова. – Рязань : Узорочье, 2002. – 520 с.
5. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. Отв. ред. проф. З.И. Резанова. – Томск: UFO-Plus, 2007. – 384 с.
6. Дмитриева, Ю.Л. Образ дерева в русской лингвокультуре: монография / Ю.Л. Дмитриева. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. – 176 с.
7. Есенин, С.А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах / С.А. Есенин ; Подготовка текста и коммент. С. И. Субботина. – М. : Наука-Голос, 1995. – Т. 1. Стихотворения. – 1995. – 672 с.; Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). – 1997. – 464 с.
8. Славянские древности : этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4 / Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики; [Т.А. Агапкина и др.]; Под ред. Н.И. Толстого; [Авт. предисл. Н.И. и С.М. Толстые]. – М. : «Международные отношения», 2009. – 656 с.
9. Цивьян, Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) / Т.В. Цивьян // Семантика культуры : труды по знаковым системам / Редкол. : Б.М. Гаспаров, Б.Ф. Егоров, И. Кууль, Ю.М. Лотман ; Ред. тома А. Мальц. – Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1978. – С. 65 – 85.

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю. Л. Средства объективации образа поля в стихотворениях и маленьких поэмах С. Есенина

В работе пространство рассматривается как одна из базовых категорий культуры, дается определение пространственной модели мира, которая задает структуру и границы мира, воспринимаемого человеком. Пространство определяется как исчисляемый, моделируемый феномен, который отображается в сознании индивида рядом образов. Одним из них является образ поля, который в русской лингвокультуре трактуется как пограничный локус, который одновременно относится как к «своему», так и к «чужому». Проанализированы средства объективации образа поля в стихотворениях и маленьких поэмах С. Есенина, выделены основные когнитивные признаки образа и метафорические модели, с помощью которых он объективируется в текстах поэта. Отмечено, что образ поля в произведении носителя русской лингвокультуры выступает как репрезентант родного края и, шире, страны в целом.

Ключевые слова: лингвокультура, пространство, модель, когнитивный признак, образ, категория.

SUMMARY

Dmitrieva J. L. Means of objectification of the field image in poems and short poems by S. Yesenin

The work considers space as one of the basic categories of culture, defines the spatial model of the world, which sets the structure and boundaries of the world perceived by man. Space is defined as a calculable, modeled phenomenon that is displayed in the mind of an individual by a number of images. One of them is the image of the field, which in Russian linguistic culture is interpreted as a boundary locus, which simultaneously refers to both «one's own» and «alien». The author analyzes the means of objectifying the image of the field in poems and small poems by S. Yesenin, and identifies the main cognitive features of the image and metaphorical models, with the help of which it is objectified in the poet's texts. It is noted that the image of the field in the works of the bearer of Russian linguistic culture acts as a representative of the native land and, more broadly, the country as a whole.

Key words: linguistic culture, space, model, cognitive feature, image, category.

*К. А. Калинин,**Р. Н. Загердинов**(г. Набережные Челны, РФ)*

УДК 811.161.1

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ НОМИНАЦИИ
ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ Э. ЛИМОНОВА
«У НАС БЫЛА ВЕЛИКАЯ ЭПОХА»**

Ономастическая лексика является неотъемлемой частью поэтики художественного произведения, важным текстообразующим элементом, который выполняет особую стилистическую функцию. Эта лексика участвует в построении композиции литературного текста, составляет его ономастическое пространство и позволяет автору выразить художественный замысел произведения. Значимость изучения употребления онимов в художественном тексте определяется, по замечанию ономастологов, тем, что «аккумулированная в собственных именах содержательная, аллюзивная и коннотативная информация настолько значима для литературного текста, что подчас от нее зависит понимание произведения» [1, с. 94].

Онимы в художественном тексте вступают в различные семантические отношения. Чаще всего имена оказываются противопоставленными друг другу по одному или нескольким признакам. Такие онимы выстраиваются в определённую образную систему и выражают авторскую идею. Важные замечания в области оппозиций имён собственных в ономастическом мире художественного произведения принадлежат О. И. Фоняковой. Исследователь выявляет ряд оппозиций антропонимов по соотношению с национальным именем языка народа [6, с. 40].

Особый интерес в этом аспекте изучения художественного текста представляет документальный роман Эдуарда Лимонова «У нас была Великая Эпоха». Интерес употребления онимов в нём заключается в том, что противопоставленными оказываются имена разных героев, а различные наименования главного героя. В этом контексте идея о роли оппозиций имён в художественном тексте получает продолжение и возможность для построения интерпретаций текста.

В творчестве Э. Лимонова, особенно в его ранних автобиографических произведениях, создаётся и развивается уникальный ономастикон со своими определёнными правилами. С одной стороны, в произведениях он использует своё собственное имя, в котором соединяются образы автора, рассказчика и главного героя. Различные варианты имени главного героя складываются

в словесный ряд, являющийся одним из элементов композиции романа. Этот ономастический словесный ряд соединяет в себе точки видения автора, рассказчика и героя. Как отмечает Ю. М. Папян, «словесные ряды, расчленённые по семантико-стилистическим признакам, позволяют понять, как организован отрывок и как выражены образы, или, точнее, принадлежащие им точки видения» [5, с. 40]. Это теоретическое положение находит яркую иллюстрацию в романном творчестве Э. Лимонова.

С другой стороны, Э. Лимонов использует разные варианты своего имени в зависимости от ситуации общения или повествования. Важно отметить, что онимы меняются разными способами: усечение основы имени (*Эд*, *Эдь*), добавление к основе имени диминутивных суффиксов (*Эдик*, *Эдичка*, *Эдинька*), изменение звучания имени на манер других языков (*Эдвард*, *Эдди*). Такое употребление несёт в себе множество смыслов, раскрывающих авторскую идею. В современной ономастической науке нет единого подхода к трактовке этого явления, не совсем ясно, чем являются имена с их производными рядами: формами, вариантами, полионимами или синонимами. Особый интерес вызывает утверждение Т. Е. Никольской о том, что антропонимы и их производные ряды могут вступать в отношения языковой и речевой синонимии, т. е. являются синонимами. По утверждению исследователя, термин «форма имени», получивший прочную традицию употребления, не отражает в полной мере это явление, так как такие имена «употребляются в различных речевых ситуациях, несут неодинаковое эмоциональное содержание, отличаются стилистическим звучанием, т. е. дифференцируются не только по материальным, но и по внутренним характеристикам» [4, с. 7]. Т. Е. Никольская допускает возможность использования термина «вариант», если имена имеют общую корневую часть и материальные (звуковые) различия не выражают лексико-семантических различий [4, с. 8]. Таким образом, анализируемое явление нуждается как в теоретическом, так и практическом осмыслении.

Рассмотрим сказанное на материале анализа текста. В романе «У нас была Великая Эпоха» Э. Лимонов даёт главному герою своё имя в силу ряда причин. Во-первых, это придаёт произведению автобиографический характер, во-вторых, это позволяет задокументировать происхождение главного героя, указать на принадлежность к семье Савенко и, наконец, таким образом он смог вписать в эпоху своё личное бытие, прочертить свой вектор развития в Великой Эпохе.

Употребление полного имени *Эдуард* и его диминутивных форм *Эдик*, *Эдичка*, *Эдинька*, *Эдя* позволяет выделить главную оппозицию онимов во всей «Харьковской трилогии»: **«официальный – неофициальный»**. Использование гипокористических форм имени показывает влияние определённого общества, социальной группы на его персонажа. Официальное имя героя *Эдуард* раскрывает человека лишь как представителя биологического вида: *«Горело бы электричество, фонарик был бы не нужен, солдат не осветил бы ступени, они бы не познакомились, и не было бы Эдуарда. Планетам, и Млечному Пути, и Галактикам, может, это и все равно, но автор – заинтересованное лицо – одобряет выбор судьбы»* [2, с. 14]. В этом примере автор намеренно использует оним *Эдуард* вместе со словами, лишёнными индивидуальной характеристики (*электричество, фонарик, солдат*), чтобы убрать дополнительные коннотации имени собственного. Даже отца рассказчик называет не по имени, только отмечает принадлежность к определённой социальной группе.

Гипокористические имена же указывают на человека, развивающегося в системе социальных отношений. Входя в различные социальные группы, герой из представителя биологического вида становится биосоциальным. Именно поэтому в романе в качестве первого имени главного героя употребляется официальное **Эдуард**, которое встречается редко по сравнению с производными от него именами. Диминутивные формы же не употребляются в хаотичном порядке, каждое имя имеет свою стилистическую и ситуативную обусловленность. Так, *Эдик* используется в качестве действующего лица на протяжении всего романа и является самым употребляемым: *«Вениамин, Рая и Эдик занимали комнату в 26 кв. метров»* [2, с. 67]. Диминутив *Эдинька* употребляется лишь в речи бабушек главного героя, как наиболее уменьшительно-ласкательная вокативная форма: *«Не слушай ты эти сипы-дерги, Эдинька, – ласково говорила бабка. – Наша, русская музыка-то лучше...»* [2, с. 20].

В ряду гипокористических имён следует отметить имя *Эдик*, к которому автор добавляет существительные *сын* и *дядя*: *«Сын Эдик, испугавшись сирены, стал выражать свой страх единственным доступным ему способом – криком»* [2, с. 34]; *«И сегодня, о, как глубоко и сильно влияние среды первых лет младенчества, выросший дядя Эдик подсознательно считает «гражданских» людьми второго сорта»* [2, с. 133]. Эти конструкции находятся в разных главах, однако они соединены общей авторской мыслью. Лимонов использует имя **Эдик** с контекстуальными

антонимами *сын – дядя* в момент критики и выражения неприязни окружавшего его народа. Для полного понимания этого примера, стоит обратиться к сюжету: в первом примере автор вспоминает историю матери, которую не пустили в бомбоубежище с новорождённым Эдуардом в момент обстрела. Автор отмечает, что этот эпизод наложил *«вечный отпечаток на отношения выросшего младенца к народу и, в частности, к рабочему классу»* и заложил *«первый камень в здание антигуманизма»* [2, с. 34]. Во втором же случае, Э. Лимонов завершает описание персонажа, сообщая, что у него после таких эпизодов сложилось определённое мнение о «гражданских» людях. Контекстуальные антонимы *сын – дядя* с диминутивным именем Эдик являются маркерами, указателями связи этих двух примеров. *Сын* Эдик, в первую очередь, ребёнок с маленьким кругозором, *дядя* Эдик – автор-рассказчик, который активно включается в пространство текста, он смотрит на Великую Эпоху с высоты птичьего полета, анализирует всё произошедшее с ним. Таким образом, в ономастическом пространстве романа «У нас была Великая Эпоха» возникает и другая оппозиция **«ребенок – взрослый»**.

Особый интерес представляет следующий отрывок романа: *«Впоследствии на многочисленных работах советские и американские боссы отмечали, что у анархиста Эдуарда-Эдварда, Эдди-Эдички «руки не из жопы растут»* [2, с. 147]. В отрывке выбранные онимы представляют градационный ряд. В этом ряду реализуется сразу же несколько вариантов оппозиций. Эти противопоставления интересны ещё тем, что они обретают свое истинное стилистическое значение в контексте всего творчества Э. Лимонова в таких произведениях, как «Это я – Эдичка», «История его слуги», «Дневник неудачника». Так, употребление онимов *Эдуард* и *Эдвард* в одном ономастическом пространстве позволяет продолжить лейтмотивный концепт всего творчества Эдуарда Лимонова **«Свой – Чужой»**. Известно, что Лимонов начинает писать прозаические произведения, находясь в эмиграции. В дебютном своем романе «Это я – Эдичка» он отмечает, что свобода и демократия других стран для русских эмигрантов оказалась иллюзией: *«уеду в тот мир, там, говорят, писателям повсюбодней дышитесь. И приехал сюда. Теперь вижу... что здесь, что там. Те же шайки в каждой области. Но здесь я еще дополнительно проигрываю, потому что писатель-то я русский»* [3, с. 29]. Однако все же автор, используя онимы *Эдуард* и *Эдвард*, делит жизнь на до и после эмиграции. Посредством фонетической англизации имени *Эдуард* автор показывает влияние чужой страны на его личность.

В анализируемом отрывке представлен и другой вид семантической оппозиции имени персонажа **«наивный – опытный»**. Градационный ряд в этом примере построен по принципу кольцевой структуры, где первый оним является нейтральным, который впоследствии изменяется до *Эдички*. Первое имя (*Эдуард*) противоположно последнему (*Эдичка*), а второе (*Эдвард*) – третьему (*Эдди*). Это употребление отсылает читателя к первому роману Лимонова – «Это я – Эдичка», в котором герой примеряет на себя ролевую модель юродивого, характерного образа постмодернистской литературы. Автор раскрывает этот образ именно через употребление неофициального имени с диминутивным суффиксом *-чик-*. Гипокористический ряд в этом случае показывает разочарование, рождает ощущение ненужности в чуждой стране. Также через оппозицию имен *Эдуард – Эдичка* и *Эдвард – Эдди* автор показывает изменение своего персонажа под влиянием американской цивилизации: *«Я считаю, что я подонок, отброс общества, нет во мне стыда и совести <...> И зовут меня Эдичка»* [3, с. 7].

Таким образом, анализ ономастического пространства произведения Э. Лимонова «У нас была Великая Эпоха» позволяет выделить ряды оппозиций: «официальный – неофициальный», «Свой – Чужой», «ребенок – взрослый», «наивный – опытный». В произведениях Э. Лимонова семантические оппозиции формируются использованием не различных имен, а диминутивными формами одного имени. Использование онима *Эдуард* и его производных основ всегда сюжетно и стилистически обусловлено. Автор сознательно использует диминутивные формы как способ передачи коммуникативной ситуации и характеристики главного героя. Такое изменение личного имени *Эдуард* в произведениях Э. Лимонова является художественной особенностью, организующей не только индивидуальную ономастическую норму писателя, но и его идиостиль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бражник Л. М. Основы русской ономастики: учебное пособие / Л. М. Бражник. – М.: Директ-Медиа, 2022. – 196 с.
2. Лимонов Э. У нас была Великая Эпоха / Э. Лимонов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 184 с.
3. Лимонов Э. Это я – Эдичка / Э. Лимонов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 360 с.
4. Никольская Т. Е. Синонимия личных имен в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Е. Никольская. – Нижний Новгород, 1996. – 15 с.

5. Папян Ю. М. Индивидуальный стиль в образах романа / Ю. М. Папян // Язык как материал словесности: XXI научные чтения. – Казань: Бук, 2018. – С. 30 – 43.
6. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фоякова. – Л.: Ленинградский университет, 1990. – 103 с.

АННОТАЦИЯ

Калинин К.А., Загертдинов Р.Н. Семантические оппозиции номинации главного героя в романе Э. Лимонова «У нас была Великая Эпоха»

В статье описаны оппозиционные отношения в антропонимическом пространстве романа Э. Лимонова «У нас была Великая Эпоха». Характерной чертой его поэтики является использование в произведении целого ряда производных имён главного героя. Формы имени Эдуард образуют различные оппозиции, среди которых можно выделить следующие: «официальный – неофициальный», «ребенок – взрослый», «Свой – Чужой», «наивный – опытный». Анализ этих оппозиций в романе «У нас была Великая Эпоха» позволяет проследить за развитием образа главного героя. Семантически и ситуативно обусловленное употребление вариантов имени Эдуард является индивидуальным художественным приёмом творчества Э. Лимонова.

Ключевые слова: оним, ономастическое пространство текста, семантические оппозиции, употребление языка, идиостиль, Э. Лимонов.

SUMMARY

Kalinin K. A., Zagertdinov R. N. Semantic oppositions of the nomination of the main character in E. Limonov's novel «We had a Great Epoch»

The article describes oppositional relations in the anthroponymic space of E. Limonov's novel «We had a Great Epoch». A characteristic feature of his poetics is the use of a number of derived names of the main character in the work. The forms of the name Eduard create various oppositions, among which the following can be distinguished: «official – unofficial», «child – adult», «Friend – Stranger», «naive – experienced». The analysis of these oppositions in the novel «We had a Great Epoch» allows us to trace the development of the image of the main character. Semantically and situationally conditioned use of variants of the name Eduard is an individual artistic technique of E. Limonov's creativity.

Key words: onym, onomastic space of the text, semantic oppositions, use of language, idiostyle, E. Limonov.

*Н. В. Леишкова
(г. Горловка, РФ)*

УДК 811.161.1

РЕЛИГИЯ И ЯЗЫК КАК ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Концептосфера «религия» представляет собой совокупность концептов, которые образованы в сознании носителя языка, независимо от его вероисповедания или атеистической ориентации. Базовой моделью концептосферы «религия» в сознании носителей языка является понимание ее как формы человеческого сознания, основанной на универсальном понимании сил добра и зла, которые противопоставляются в религии.

Итак, главным концептом мировоззрения как набожного, так и атеистически настроенного носителя языка является концепт Бог как высшая инстанция, Высший суд, дифференцирующий добро и зло – две движущие силы бытия. Для христиан это Бог – Святая Троица. Именно вера или отсутствие веры в Бога распределяет членов общества на верующих и атеистов. Для атеистов ключевыми концептами бытия являются Бог / Дьявол, которые для верующих, фактически, являются неким детектором самооценки и социальной оценки их поступков, их мировоззрения, отнесенности к миру «Божьего» или другой стороны. Добродетель, следование христианскому образу жизни и морали, праведный труд, изучение Священного Писания и трудов Отцов Церкви – это благословенный способ жизнедеятельности праведника, который по окончании земной жизни приведет его к Богу на лоно Авраамово. Соответственно, пренебрежение этими добродетелями, попираание Божьих заповедей – это путь грешника, за поступки которого Бог и Ангел-Хранитель отступаются от человека, давая доступ демоническим силам искушать его; и это путь в ад, которого человек может избежать путем корректировки своих действий, покаяния и очищения через Святое Причастие.

Специфическим для мировоззрения христиан является понимание чистилища – места в потустороннем мире, где душа умершего ожидает страшного суда Божия. Именно так представлена в сознании верующих людей религия как мировоззрение, как форма общественного сознания.

Концепт «религия» в общественных и гуманитарных науках понимается как институт общества, его структурная единица (схема 1), которая прежде всего ассоциируется с церковью и местом проведения богослужений, и приходом в целом. То есть

это общественная неприбыльная организация, которая оказывает человеку моральную, духовную и другую возможную поддержку. Для прихожан участие в жизни прихода является бесплатным; они сами для себя определяют величину и частоту пожертвований для церкви, если желают сделать такую благотворительность. Главным для православных верующих является участие в духовной жизни прихода – богослужениях, молебнах, паломничествах, а также – регулярное принятие Святого Причастия.

Схема 1. Концепт РЕЛИГИЯ как институт общества

Я				
госу- дарство	церковь	семья	школа и другие социальные группы	Другие институты общества
РЕЛИГИЯ				
вероиспо- ведение	религиоведение	теология	предвззудки	психология коллективного й личности
ОБЩЕСТВО				

В таком понимании религия является неким посредником между человеком и обществом. Она влияет на формирование личности опосредованно через государство, церковь, семью, другие социальные группы и отчасти – другие институты общества. Соответственно, сформированная таким образом личность через вероисповедание, научные знания о религии в целом (религиоведение) и об отдельной, личности детерминированной ее разновидности (теология), собственные и коллективные суеверия и сформированную под влиянием их психологию личного и коллективного определяют общественную ориентацию, влияют на состояние общества и его жизнедеятельность.

«Религия» также может употребляться и как условное название научной дисциплины – религиоведения, что более распространено среди учащихся, студентов, преподавателей.

Все охарактеризованные выше определения концепта «религия» воспроизведены в языке. Язык и религия являются

формами общественного сознания, между которыми существует сложная взаимосвязь, поскольку они пересекают различные аспекты жизнедеятельности человека, человеческой психологии, морали, культуры. Эта взаимосвязь в значительной мере была исследована в разных работах Н.Б. Мечковской, В.И. Карасика, Д.М. Угриновича, Э.Б. Тайлора, У. Джеймса, М. Вебера и др.

В истории духовной культуры большинства мировых сообществ язык и религия занимают особое место. Это древнейшие, важные, но не тождественные формы общественного сознания. Своеобразие языка как формы общественного сознания состоит в том, что язык, наряду с психофизиологической способностью воспроизводить мир, является предпосылкой общественного сознания, его семантическим «фундаментом и универсальной оболочкой разных форм общественного сознания. По своему содержанию концептуально-семантическая система сознания и речи наиболее близка к повседневному сознанию. Посредством языка осуществляется специфически человеческая форма передачи социального опыта (культурных норм и традиций, естественно-научных и технологических знаний и т.п.). Своеобразие языка как общественного явления заключается в его двух особенностях: во-первых, в универсальности языка как средства общения и, во-вторых, в том, что язык – это средство, а не содержание и не цель общения. Роль языка по отношению к духовной культуре общества можно сравнить с ролью словаря по отношению ко всему многообразию текстов, которые можно написать с использованием этого словаря. И сам язык может быть средством выражения полярных идеологий, различных философских концепций, бесчисленных вариантов житейской мудрости. Итак, язык функционирует в обществе как универсальное средство общения народа – его носителя. Он сохраняет единство народа в исторической смене поколений и общественных формаций, иногда и вопреки социальным барьерам, тем самым объединяя народ во времени, в географическом и социальном пространстве. Если язык – это универсальная «оболочка» общественного сознания, то религия, то есть, мифолого-религиозное сознание человечества является источником самых глубоких, жизненно важных смыслов общественного сознания. Из мифолого-религиозного сознания развивалось все содержание человеческой культуры, постепенно приобретая семиотически различные формы общественного сознания (таких как обыденное сознание, искусство, этика, право, философия, наука). Язык и религия: две семиотики, два

образа мира, две стихии в душе человека, которые находятся глубоко в подсознание, два самых глубоких, несхожих и взаимосвязанных начала в человеческой культуре» [4].

С философско-онтологической точки зрения язык и религия относятся к категориям духовной культуры человечества. Это две формы общественного сознания (наряду с обычным или массовым сознанием, моралью и правом, искусством, наукой, философией, идеологией), то есть два типа отражения мира в сознании человека / социума. Язык и религия, являясь двумя разными образами мира, имеют разное содержание, аккумулируют разносторонние знания о мире, который сам по себе является разнообразным как по объему и характеру информации, так и по роли и месту этого знания в структуре общественного сознания.

Н. Б. Мечковская вполне справедливо определяет отношения религии и языка как «источник жизненно важных смыслов», из которого развилось все содержание человеческой культуры», и «семантического фундамента», «универсальной оболочки» этих смыслов [4]. Язык и религия, действительно, в определенной степени связаны с менталитетом народа. Религия (по крайней мере мировая религия, такая как христианство) в силу своего наднационального характера обычно не является специфической национальной системой взглядов. Язык же, напротив, может восприниматься как фактор этнической самобытности; с помощью языка осуществляется передача социального опыта от поколения к поколению [4]. Итак, язык – это сокровищница культурного наследия народа и шире – всего человечества, которая выступает мощным транслятором культурной информации от одного поколения к другому. Язык является универсальной формой концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразителем знания о мире и его создателе, исторической памятью о социально и культурно важных событиях в жизни человека. Отражение реальности в сознании человека заключается в восприятии этой реальности сквозь призму культурно-религиозных традиций [2, с. 225-237].

В языке отражаются духовные и ментальные ценности народа, поскольку язык выступает посредником между человеком и внешним миром и воспроизводит его картину в соответствии с зафиксированным в языке мировоззрением. Внутренняя форма языка фиксирует особенности видения мира, в т. ч. и религиозного. Язык является базовым элементом культуры, средством выражения и воплощения культурной реальности. Исследование языка религии способствует изучению религиозной культуры во всех ее проявлениях.

В кругу измерений человека и социума особое место занимают три признака: язык, этничность (национальность) и конфессионально-вероисповедная принадлежность. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены определенным образом, поэтому их иногда смешивают (в частности, часто определяют этничность, основываясь на признаках языка или конфессии). Эти измерения являются главными факторами, которые создают своеобразие культуры и ментальности народа (своеобразие его психического склада, мировосприятия, поведения).

Нередко и определение языка основывают на его связи с исследуемыми формами человеческого сознания, например: язык – это «Совокупность произвольно воспроизводимых общепринятых в пределах данного общества звуковых знаков для объективно существующих явлений и понятий, а также общепринятых правил их комбинирования в процессе выражения мыслей» [7].

Язык религии – это подсистема языковых средств (слов, словосочетаний, высказываний и др.), употребляемых в рамках религиозного поведения, с помощью которых индивиды выражают веру в существование сверхъестественного, связь с Богом. Язык религии служит средством коммуникации как между людьми, так и с Богом как онтологически иной и высшей силой. Религиозный язык представлен в следующих типах научно-популярных текстов: Библия, молитвы, утверждения, которые функционируют в деятельности Церкви – доктрины, моральные основы и т. д. то есть как агиографическая, так и апокрифическая литература. Как специальное средство создания определенной окраски, придания речевой характеристики персонажу или контрастирования определенного художественного образа язык религии может употребляться и в художественных текстах. Он представляет собой материальную оболочку религиозного мышления, непосредственную действительность религиозной мысли в ее знаково-символическом воплощении – в формах устных и письменных сакральных текстов и речевых действий с ними или на их основе. Осмыслить можно те религиозные предметы, процессы и явления, которые зафиксированы языком религии. Религиозные термины преимущественно обозначают четыре группы ценностей: а) абсолютную ценность (Бог), б) ценности предельных целей (Царство Божие, бессмертие души, рай); в) земные средства достижения этих целей (религия, церковь, вера, культ); г) ценности повседневной жизни, сакрализованные религией [5].

«Религия» сочетает в себе верования и действия, с помощью которых люди решают «конечные» проблемы своего

существования. Внешние проявления религии – это совокупность взглядов на мир, основанных на вере в Бога. Религиозные верования составляют мировоззренческий, интеллектуальный компоненты религии; это совокупность действий, составляющих культ, в которых верующие выражают свое отношение к Богу. Это нормы и правила поведения, которых должен придерживаться верующий человек, ведь они базируются на 10 заповедях блаженства, открытых Иисусом Христом человечеству в Нагорной проповеди в Тиверии во время Своего земного пути. Об их значимости для верующих свидетельствует и то, что их традиционно зачитывают во время Евхаристии, что является канонически закрепленным для христиан всех официальных конфессий. И, в конце концов, религия и вера объединяют людей в те или иные религиозные организации [6, с. 4].

Слово религия происходит от латинского religio «связь» [2]. В толковании богословов религия – это все то, что связывает, соединяет человека с Божеством (Священное Писание, культ и т. д.). Богословское определение религии исходит из догматической веры в существование Бога, в чем кроется его определенная конфессиональность, односторонность, которая объясняется бесспорной и абсолютной незыблемостью Закона Божьего.

Религия является многогранным продуктом жизнедеятельности социума, содержанием его исторического опыта, основанном на вере, посланной от Бога. Она – явление очень сложное и имеет социальный характер, то есть возникла в обществе вполне закономерно и существует вместе с ним; она сочетает в себе элементы рационального (например, моральные наставления) и иррационального (например, фантастические образы сверхъестественных существ – ангелов, чертей и т. п.). Религия является одной из древнейших форм общественного сознания.

Религия удовлетворяет и нерелигиозные потребности индивидов, такие как потребности в общении, моральной поддержке, социальной активности, реализуется в жизнедеятельности религиозной общины. Религиозная община осуществляет повседневное влияние на своих членов, в т. ч. и путем удовлетворения потребностей в общении. Так, человек чаще посещает церковь, если имеет поддержку со стороны тех, с кем там общается. Если он не получает поддержки или этой поддержки недостаточно, может возникнуть конфликтная ситуация: возникает ощущение одиночества, изоляции, уныния. Социальное значение таким образом организованной религиозной жизни заключается в поддержании общения

и взаимодействия в микромире, который обеспечивает определенный уровень общности взглядов и сплоченности. Если же в общине внимание сосредоточено только на проведении культово-обрядовых мероприятий, ее настоятель перестает быть открытым для верующих, изолируется от исполнения пастырских и проповеднических обязанностей, то значительная часть прихожан остается элементарно непосвященными в главные концепты вероучения, не знает толкование текстов Священного Писания, не понимает сакрального смысла литургических действий, не осознают нравственных установок религии. В этом случае институт профессиональных служителей в состоянии обеспечить удовлетворение мировоззренческих и духовных запросов набожного индивида, которые реализуются в общении.

История формирования современной религии насчитывает тысячелетия. Как справедливо замечает Н.Б. Мечковская, первобытные верования представляются современному человеку такими, рассыпаются на сотни мелких магических приемов и поверий, не объединенных общей идеей, безразличных к вопросам смысла бытия, далекие от той любви к Богу, которая в религии придает вере человека глубоко личного и эмоционального звучания. Древнейшие религии очень практичны, утилитарны: они учат действовать, несмотря на мироустройство, и выживать любой ценой, используя и природные, и сверхприродные силы [4].

В период Средневековья после падения Римской империи и арабомусульманского нашествия в Западной Европе именно христианство стало той мощной силой, которая смогла пробудить национальное сознание людей, вдохновить их пройти сложные периоды, стать основой формирования национально-культурных ценностей, языка и стереотипов поведения, на основе которых вскоре образовались одно за другим крепкие, централизованные европейские государства.

География надэтнических религий совпадала с границами распространения вероисповедных текстов на языках, которые приобретали культовый характер. Такие языки стали называть «профэтическими» или «апостольскими». Это те, которыми впервые было изложено, а затем канонизировано то или иное вероучение.

Другой тип языков – надэтнические конфессиональные языки – это языки мировых религий, которые сложились в средневековье, причем некоторые профэтические языки стали надэтническими конфессиональными (в частности, греческий, латинский, церковнославянский языки). Обретение тем или иным профэтическим языком сверхэтнического характера напрямую зависело от распространения среди различных этносов священных текстов [4].

Итак, эволюция мифолого-религиозного содержания и своеобразие религиозного общения являются теми главными факторами, которые определили историю книжно-письменных культур, формируемых на основе христианства. Переводы Библии часто становились материально-языковой базой над диалектным (общенациональным) литературным языком [3]. Догматичность и незыблемость религии, запечатленные в народном сознании – это те ценности, которые стойко пронесены через века и переданы нашими предками нынешним поколениям.

В условиях глобализации религиозная коммуникация является важным инструментом социальной активности, благодаря которому происходит масштабный межкультурный диалог на всех уровнях религиозного социума, что способствует его интеграции, унифицирует язык религии.

Термин «язык религии» используют в широком и узком значениях. В широком смысле «язык религии» – это знаковая система, которая включает в себя широкий спектр вербальных и невербальных средств, а вербализованный язык является лишь одним из компонентов этой системы. В узком смысле – это устные и письменные тексты, которые используют в религиозной теории и практике, все языковые компоненты, которые используются в религиозной идеологии, теории и практике.

Содержание и сущность религиозного языка в наше время активно исследуют ученые всего мира. Религиозный язык, то есть проявления религии, которые закреплены и отражены в языке, исследован с позиции теолингвистики. Язык обычно используется для воздействия на слушателей / читателей.

Итак, феномен религиозного языка связывается, прежде всего, с проблемой воспроизведения картины мира в сознании и языке: религиозный язык – это языковые средства «религиозной языковой картины мира, «которые используются для отражения концептуальной» религиозной картины мира» [1, с. 288].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадомский А. К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Филология. – Симферополь : ТНУ, 2007. – Т. 20 (59). – № 1. – С. 287 – 292.
2. Маликова О. В. Эпистолярный жанр и разновидность христианского теологического дискурса: когнитивно-прагматический аспект // Лингвистика XXI столетия: новые исследования и перспективы / О.В.Маликова. – К. : Логос, 2011. – С. 225 – 237.

3. Маковский М. М. Большой этимологический словарь современного английского языка / М. М. Маковский. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2005. – 526 с.
4. Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий / Н. Б. Мечковская. – М. : ФАИР, 1998. – 352 с.
5. Пивоваров Д. В. Проблемы теологии : Материалы Третьей межд. богосл. науч.-практ. конф., м. Екатеринбург, 2–3 марта 2006 г. Выпуск 3, часть 2. – Екатеринбург, 2006.
6. Религия и общество: хрестоматия по социологии / сост. В. И. Гараджа, С. Д. Рубкевич. – М. : Наука, 1994. – 300 с.
7. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь // В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

АННОТАЦИЯ

Лешкова Н. В. Религия и язык как формы отражения общественного мировоззрения

Религия является формой человеческого сознания, это институт социума, нацеленный на централизацию социума путем внедрения и поддержания признанных сообществом норм и правил поведения, этичности, морали. В широком смысле концепт «религия» реализован в сознании и языке верующего человека также как форма мировоззрения человека и социума, как условное название научной отрасли, предметом которой является религия в целом.

Концептосфера «религия» содержит дуалистическое мировосприятие как верующего, так и атеиста, детерминированное общечеловеческими понятиями «добро» и «зло». Центральным концептом анализируемой концептосферы является Бог, вокруг которого идут силы добра и зла, соответствующие формы пространства и времени.

Религия является определенным проявлением духовной культуры общества, отражением окружающего мира в сознании человека. Средством коммуникации верующего с Богом является язык религии, который реализует религиозную мысль в знаково-символическом воплощении в виде определенного типа текста религиозного дискурса.

Ключевые слова: религия, концепт, концептосфера, общество, коммуникация, язык религии, религиозный дискурс.

SUMMARY

Leshkova N. V. Religion and language as forms of reflection of the social worldview

Religion is a form of human consciousness, it is an institution of society aimed at the centralization of society through the introduction

and maintenance of community-recognized norms and rules of behaviour, ethics, morality. In a broad sense, the concept of «religion» is realized in the consciousness and language of a believer as well as a form of the worldview of a person and society, as a conditional name of a scientific branch, the subject of which is religion as a whole.

The concept sphere «religion» contains a dualistic worldview of both a believer and an atheist, determined by the universal concepts of «good» and «evil». The central concept of the analyzed conceptsphere is God, around whom the forces of good and evil, corresponding forms of space and time, are moving.

Religion is a certain manifestation of the spiritual culture of society, a reflection of the surrounding world in the human mind. The means of communication of a believer with God is the language of religion, which implements religious thought in a symbolic embodiment in the form of a certain type of text of religious discourse.

Key words: religion, concept, conceptsphere, society, communication, language of religion, religious discourse.

И. М. Петрачкова

(г. Гомель, Республика Беларусь)

УДК 811.161.1'373.23:821.161.1-2Галин
**АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ОНОМАПОЭТИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ
В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ГАЛИНА**

Интерпретация художественного текста (ХТ) посредством осмысления проприальных единиц, позволяет глубже раскрыть образ литературного персонажа, его внутренние свойства и качества, авторскую концепцию, выявить лингвистические и экстралингвистические прагматические смыслы самих номинаций, принадлежащих разным классам и группам, с учетом их структуры, стилистических вариантов имен собственных (ИС) и прочих возможностей поэтонимов. Ведь любое имя в художественном контексте (далее ХК) – это концентрация смысловых оттенков и ассоциаций, одно из средств создания художественно-образной модели произведения, отражения его идейного содержания и авторской концепции.

ИС по происхождению представляет собой своеобразный троп – переносное употребление некоего общего понятия (какого-нибудь более или менее существенного признака) как наименования для индивидуального явления произведения [об этом: 10, с. 33–34]. Литературная ономастика – это междисциплинарная дисциплина,

находящаяся на стыке языкознания и литературоведения, и поэтому вполне закономерно использование методологии интерпретации как лингвистической, так и литературоведческой. Корреляция же в пользу первой или второй будет зависеть от взаимодействия ИС и ХК конкретного произведения. В словаре под термином интерпретация понимается «толкование, объяснение, раскрытие смысла чего-либо», либо «творческое раскрытие образа или музыкального произведения исполнителем [от лат. *interpretatio* – *разъяснение*]», глагол же интерпретировать имеет значение «дать (давать) интерпретацию чего-либо, объяснить (объяснять), истолковать (истолковывать)» [11, с.673]. В нашем случае, безусловно, речь пойдет о прочтении ИС, функционирующих в произведениях известного современного русского драматурга А.М. Галина. Однако вопрос об установлении параметров, в соответствии с которыми будет осуществляться интерпретация поэтонимов в произведениях, написанных для театра, по-прежнему остается открытым. И в этой связи интересны исследования ономастологов, которые вводят понятие *ономастической матрицы*, или же в нашем случае *ономапоэтической матрицы*, поскольку речь идет о виртуальном, или фикциональном (вымышленном) ономастиконе, который, по мнению профессора В.М. Калинкина, коренным образом отличается от реального ономастикона [9, с.11–12].

Исследователь Н.И. Зубов в своей работе «Два примера ономастической парадигматики» представляет структурно-парадигматическую матрицу в ономапоэтическом пространстве рассказа В. Тендрякова «Пара гнедых» и романе-антиутопии Е. Замятина «Мы», где прослеживает взаимосвязь и взаимообусловленность ИС в ХК. Особенности ономастической организации художественного произведения исследователь находит «в наличии двух характеристических уровней художественно-смысловой нагрузки имён персонажей: их фамилии ассоциативны, тогда как их имена являются своеобразно говорящими» [8, с.350]. Ономастическая матрица, по мнению Н.И. Зубова, это так называемая «ономастическая гармония» ХТ, а именно такая «особенность ономастической организации» [8, с.350], благодаря которой через определенные ассоциативные значения фамилии персонажей вступают в парадигматические связи в образной системе ХТ.

Н.В. Васильева расширяет представление об ономапоэтической матрице и устанавливает ряд критериев, направленных на раскрытие смысла поэтонима в ХТ. Так, исследуя поэтонимосферу романа Е. Водолазкина «Оправдание Острова» с учетом доминанты авторской поэтики, Н.В. Васильева предлагает ввести анкету-матрицу, «которая описывает имя в

тексте (точнее, связку «антропоним↔персонаж») и является простой, но достаточной для репрезентации ономастического мира именно данного текста: 1) название имени, 2) этимология имени, 3) статус персонажа, носящего имя, 4) способ интродукции имени в текст, 5) наличие у антропонима «апеллятивного конвооя», т.е. сопровождающих его квалификативов в виде нарицательных имен, 6) участие / неучастие антропонима в онимическом трансфере, т.е. переходе в другой разряд ИС» [7, с.105–106]. Исследователь отмечает, что упоминаемый список является достаточным именно для изучаемого им произведения. Для других текстов, вполне вероятно, что он «будет иным» [7, с.106]. Однако его матричные свойства непременно должны позволить ему «служить ономастическим инструментом (сеткой) для выявления явных и неявных корреляций в персонажном мире» [7, с.106].

Как нам представляется подобную анкету-матрицу можно составить и для изучения ономапоэтического пространства не только отдельно взятого текста, но и ряда произведений одного писателя или же художественного метода, поскольку очень часто творчество мастера слова отличается определенной изобразительной общностью, в том числе и в создании и выборе литературных ИС. Прагматический потенциал такой ономапоэтической матрицы будет направлен на выявление общих закономерностей в выборе и создании проприальных единиц, присущих произведениям конкретного литератора. Подобную ономапоэтическую матрицу можно назвать универсальной. Однако это не значит, что все предложенные ее составляющие непременно станут обязательными компонентами для каждого ХТ. Безусловно, некоторые из них могут не найти своего отражения в ХК драматургического пространства того или иного произведения конкретного автора. Но тем не менее универсальная ономапоэтическая матрица позволит исследователю не упустить из вида наиболее значимые и весомые детали ХК, которые так или иначе связаны с прочтением ИС и воплощением художественной концепции драматурга. В целом вопрос о составлении и применении ономапоэтической матрицы является весьма конструктивным. Практическая польза уже проявляется на начальном этапе работы с ХТ, когда при его ономапоэтическом прочтении исследователь заранее нацелен на изучение заданных матрицей параметров. Это дает возможность следить за деталями ХК, обращать внимание на порой скрытые авторские интонации, целесообразность употребления номинации в конкретной коммуникативной ситуации и подобные моменты.

Одним из достаточно стабильных компонентов анкеты ономапоэтической матрицы в пьесах А.М. Галина является *авторская репрезентация*, а точнее *рефлексия*, с помощью которой драматург формирует в читательском сознании своё видение и смысл присвоенного тому или иному персонажу ХТ имени. Причем это такая разновидность интроспекции, которая находит выражение как в эксплицитных, так и имплицитных формах и может охватывать разные по объёму и эстетической значимости фрагменты ХТ при пояснении ИС, отражать писательскую оценку создаваемого в произведении образа.

Актуальность данной статьи определяется интересом исследователей к функционированию и интерпретации ИС в художественной литературе. Особый интерес представляет семантика поэтонимов как отражение авторской концепции и создания идиостиля писателя. Объектом исследования в этой статье выбраны фикциональные и прецедентные номинации, которые сопровождаются определенной авторской рефлексией, выраженной посредством реплик действующих лиц и часто выступающей в форме контекстуальной ономастической игры в драматургических произведениях.

Способы авторской рефлексии находятся в определённой зависимости от принадлежности произведения к тому или иному литературному роду и жанру. Так, в эпических и лиро-эпических текстах авторская рефлексия особенно ярко проявляется через речь автора-повествователя (нарратора), лирические отступления автора, а также развитие сюжета. Отметим, что в драматургическом пространстве в отличие от прозаического отсутствует текст нарратора (повествователя), который, как правило, дает возможность художнику слова охарактеризовать героя ХТ с разных сторон, описать его мысли, действия и поступки, а также использовать множество художественно-изобразительных средств с этой целью. В целом текст нарратора помогает не только исчерпывающе представить персонаж, интерпретировать сам ХК, проследить авторскую концепцию в плане характеристики и становления образов, но и выявить определенные закономерности в создании, осмыслении и использовании автором номинаций. В связи с отсутствием текста повествователя в драме значительно затруднены интродукция и репрезентация поэтонима героя в ХТ. Но в определенной мере это возможно осуществить благодаря репликам действующих лиц. Именно поэтому мы используем более корректный термин *авторская рефлексия*, т.е. отражение взглядов драматурга опосредованно, а не дефиницию *репрезентация*, которая в большей степени характерна для прозы, когда писатель имеет

возможность непосредственно высказать собственное отношение к имени персонажа.

В драме происходит субъективизация авторского текста, когда точки зрения из писательской сферы смещаются «в сферу одного из персонажей, субъектов» [6, с. 272] ХТ. Такой способ позволяет драматургу сделать пьесу более живой, достоверной, в результате чего впечатление от изображаемых событий «транслируется» читателю непринужденно, естественно, словно бы в процессе непосредственного свободного общения героев между собой.

Авторской рефлексии (порой достаточно субъективной) избранных драматургом многих индивидуально-авторских, или фикциональных, имен а также аллюзивных, или прецедентных, номинаций в каждой из пьес А.М. Галина отводится весомая роль. Такая рефлексия осуществляется чаще всего именно посредством реплик персонажей, реже в авторских ремарках, прологе или эпилоге. Так, главная героиня комедии «Сирена и Виктория» весьма заурядная женщина, роковая бизнесвумен из 90-х годов прошлого века, испытывающая непреодолимую тягу к спиртному, имеет звучное имя **Сирена** (ср. **Сирена** – «в древнегреческой мифологии: полуженщина-полуптица с волшебным голосом, которым она привлекает моряков в гибельные места» [13, с. 98]). Драматург контекстуально с иронией мотивирует оним: «СИРЕНА. ... Значит, тебя зовут Константин... А меня Сирена. Интересное имя, правда? КОНСТАНТИН. Имя не затёртое, прямо скажем. СИРЕНА. Имя – это мне мама дала, потому что её любимый человек утонул в фонтане» [4, с. 28–29], намекая тем самым на необычные обстоятельства гибели мужчины и его состояние (возможно, сильного алкогольного опьянения), которое поспособствовало такой нелепой смерти (словно древние мифические существа сирены заманили его в фонтан и погубили). Героини комедии «Сирена и Виктория» обсуждают своих поклонников. Виктории, доктору филологических наук (а значит, человеку, который весьма трепетно относится к словам), совершенно не нравится неблагозвучная стилистически сниженная, по ее мнению, фамилия нового знакомого: «ВИКТОРИЯ. ... Потом, его фамилия... СИРЕНА. ... Да какая же такая фамилия?! ВИКТОРИЯ. Он пришёл, <...> и говорит: «Моя фамилия Куль <...> Товарищи за глаза называют Кулёк». СИРЕНА. ... Ну, Куль и Куль. Какая разница тебе? ВИКТОРИЯ. Ты смогла бы жить с Кулёком? СИРЕНА. ... Ты знаешь, какие у этого Кулёка миллиарды? Одна моя подруга встретила мужчину с очень похожей фамилией, <...> Фамилия его была Пакет. ВИКТОРИЯ. Пакет – это всё-таки не Кулёк, это совсем другое

дело. Пакет... Это даже красиво... <...> **СИРЕНА**. ... Потом у другой подружки был француз по фамилии **Дебил**. Пишется фамилия: **Де Билль**, а произносится – **Дебил**. <...> Мне его так и представили, сказали: его зовут Дебил, в переводе на русский – **Дурак**. А он был поумней многих наших... <...> **ВИКТОРИЯ**. ... А у этого Кулька ещё ко всему прочему имя – **Герасим**. **Герасим Куль**... **СИРЕНА**. ... Да если он не **Кулёк** и не **Герасим** (переключка с тургеневским героем из рассказа «Муму» – И.П.), *то его знаешь, какая злая Муму* (аллюзивное ИС с «апеллятивным конвоем» употреблено в метафорическом значении «властная женщина» – И. П.) *держит на коротком поводке, если он не Герасим!*» [4, с.11]. Авторская рефлексия ИС, своеобразная контекстуальная ономастическая игра с антропонимами через диалог двух женщин – это не только важное средство характеристики ряда персонажей, их моральных и нравственных принципов, но и один из приемов реализации юмора, иронии, сарказма и создания комического эффекта в ХК.

Весьма яркая героиня в ХК пьесы «Звезды на утреннем небе» называет себя **Лоран**, объясняя так данную модификацию личного имени **Лариса**: «Мама нарекла меня **Лоран**. <...> Дедушка звал **Лариса**... Близкие называют просто **Лора**. <...> Папу звали **Флориан**» [3, с.6]. Валентина иронизирует относительно такого вычурного варианта: «**Лоран и Флориан! Так ты цветок душистых прерий...**» [3, с.6]. Личное имя, произносимое на иностранный манер, подчеркивает и «специфику» рода занятия девушки, которая, в отличие от других героинь, занимается проституцией с иностранцами. К тому же женщина всем своим поведением и репликами демонстрирует, что видит смысл своей жизни в том, чтобы быть красивой («**ЛОРА**. *Человек рожден, чтобы украсить землю*. **ВАЛЕНТИНА**. *Значит, украшаешь землю?*» [3, с. 7]), поэтому трансформирует имя, вероятно, считая такой вариант, как **Лоран**, более эстетичным и благозвучным. Более того необычному имени под стать и выдуманная «специальность» героини: «**ЛОРА**. *Я люфт-эквилибристка. Люфт – значит «воздух». Меня бросают под куполом цирка. Я летаю*» [3, с. 7]. **Лариса** (ср. этимологию онима от «греч. **laros** – чайка» [14; с.304–305]) называет себя воздушной гимнасткой, чем определяет свое стремление к полёту и высоте. Восприятие жизни героини, ее мечтательность, вера в счастье, нечто возвышенное, красивое и одновременно противопоставление реальных трудных обстоятельств в судьбе девушки, которые **Лоран** предпочитает не замечать либо же вовсе отрицать, напоминает нам **Ларису** Огудалову из ставшей классической пьесы «Бесприданница» А.Н. Островского. Следовательно, *авторская рефлексия*

как составляющая ономапоэтической матрицы содействует толкованию ИС, тесно переплетаясь со скрытой иноязычной этимологией онама, а также порождая суггестивную аллюзию с образом персонажа, созданного писателем-классиком.

В ХК «Аккомпаниатор» через реплики действующего лица пьесы «Аккомпаниатор» Изольда Тимофеевича Кукина А.М. Галин восхищается именем **Жанна**: *«Жанна – такое красивое имя! У меня была когда-то Жанна... с такими босаяцкими ногами... ходила, представляете ли, прыжками. Этакая кенгуру. Как, бывало, лягнет – леишь кубарем... черт возьми!»* [1, с.15]. Таким образом, благодаря писательской рефлексии относительно присвоенной номинации читательское сознание «впитывает» образ и насыщает его различными, в том числе и личными, смыслами, составляющими ономапоэтической матрицы ИС.

В пьесе «Аномалия» фамилия одного из военных также поясняется драматургом благодаря реплике самого носителя онама: *«ХРЕБЕТ. Меня можно по имени: Александр... Саша... Фамилия у меня редкая: **Хребет**... Многие думают, что кличка... НИНА. Я пью за вас, милый **Хребет**! <...> ГОЛДИН. Вы знаете, товарищ подполковник, когда я добрался до КПП, мне дежурный офицер говорит: «Иди к **Хребту**». Я думаю: «Боже мой, куда?!» Спрашиваю дежурного, к какому еще **хребту** – кругом равнина... МУСАТОВА. У тебя хорошая фамилия, подполковник! Не слушай никого. Мне она нравится... Мне также нравятся фамилии: **Суворов, Кутузов, Жуков**!»* [2, с.12]. Заезжие артисты кукольного театра искренне восхищаются смелостью, благородством, честностью и порядочностью подполковника, который не сгибается и не идет на сделки с совестью, не участвует в махинациях и коммерческих аферах, проворачиваемых высшим военным руководством с целью быстрого обогащения за счет хищений в армии. В связи с ХК возникает ассоциативная связь фамилии с лексемой **хребет** – «ряд гор, тянувшихся в одном направлении, горная цепь» [13, с.625]. Герой стойко борется с коррупцией и несправедливостью. Он, словно горная скала, один противостоит продажным генералам, которые во главу своей службы поставили наживу как раз в тот период, когда в обществе и армии (эпоха 1990-2000-х годов) царят хаос и неразбериха. Именно поэтому к действующему лицу драмы так тепло и почтительно относятся заезжие артисты. Подполковник **Хребет** в их глазах честный и мужественный герой, подобный **Суворову, Кутузову** или **Жукову**. Для усиления эффекта восхищения персонажем, в ХК вплетаются узуальные прецедентные номинации известных полководцев прошлого **Суворова, Кутузова, Жукова**, которые поливалентны, т.е. обладают достаточно большим объемом

информации, порождающим в сознании широкой аудитории целый ряд позитивных свойств и коннотаций.

Авторская рефлексия кроме всего прочего выступает в качестве выразительного средства для реализации юмора, иронии, сарказма и создания комического эффекта в драме. Так, в диалоге Раздорского и Зудина из «Чешского фото» А.М. Галин использует подобную игру с именами-перекличками, чтобы высмеять необразованность успешного бизнесмена Павла Раздорского и подчеркнуть, что в обществе не всегда богаты и успешны те, кто умнее и эрудированнее: «РАЗДОРСКИЙ. ... Столько я переимел их (о женщинах – И.П.) за это время. Математик **Ковалевский** не смог бы подсчитать. <...> ЗУДИН. По-моему, математик была женщиной... Была математик **Ковалевская**... РАЗДОРСКИЙ. Это **Лобачевская** была женщиной... не путай. ЗУДИН. Да? По-моему, наоборот – женщины **Лобачевской** – не было. Была **Ковалевская** женщина, а **Лобачевский** был – мужчина. РАЗДОРСКИЙ. Мужчина **Ковалевский** был... ЗУДИН. Ты твердо уверен? РАЗДОРСКИЙ. Не очень твердо... В **Менделееве** я больше уверен. Я помню, у него была борода... <...> ЗУДИН. Не путай его с **Миклухо-Маклаем**... у того тоже была борода» [5, с. 11].

Таким образом, в драматургических произведениях А.М. Галина происходит субъективация текста через толкования ИС с помощью реплик героев пьес. Такая *авторская рефлексия* является значимой составляющей ономапоэтической матрицы ИС и задает направление для интерпретации номинации в ХК (в частности, связи поэтонима с этимологией, прецедентным именем, апеллятивом и проч.), способствуя выражению концепции драматурга посредством высказываний действующих лиц относительно избранной художником слова проприальной единицы. Кроме всего прочего, данный компонент в драматургическом пространстве (особенно комедийном жанре) является одним из действенных приемов реализации юмора, иронии, сарказма и создания комического эффекта в ХТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галин А.М. Аккомпаниатор. – М.: Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1998. – 32 с.
2. Галин А.М. Аномалия. – М.: Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1996. – 36 с.
3. Галин А.М. Звезды на утреннем небе. – М.: Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1993 – 34 с.
4. Галин А.М. Сирена и Виктория. – М.: Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1993. – 34 с.

5. Галин А.М. Чешское фото. – М.: Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1993. – 26 с.
6. Горшков А. И. Русская словесность: От слова к словесности: учеб. пособие для учащихся 10 - 11 кл. общеобразоват. учреждений. – 2-е изд. / А. И. Горшков. – М.: Просвещение, 1996. – 280 с.
7. Васильева Н.В. Ономастические матрицы в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова» // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Журнал научных публикаций. Электронное научное издание. – 2021. – № 2 (15). – С. 101–113.
8. Зубов Н.И. Два примера ономастической парадигматики художественного произведения // Материалы по русско-славянскому языкознанию // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 348 – 352.
9. Калинин В.М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия. Филологические науки и культурология. – 2017. – Т. 3. – Вып. 1(9). – С. 10 – 17.
10. Петрачкова И.М. Интерпретация ономапоэтической лексики в постмодернистской драме М.Ю. Угарова «Голуби» // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2023. – №1. – С.32 – 42.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. // Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. I. А - Й. – 1985. – 696 с.
12. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз. 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – Т. II (К – О). – 736 с.
13. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз. 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1988. – Т. IV (С– Я). – 800 с.
14. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание. – Москва: Айрис-пресс, 2005. – 384 с.

АННОТАЦИЯ

Петрачкова И. М. Авторская рефлексия как составляющая ономапоэтической матрицы в драматургическом пространстве Александра Михайловича Галина

В статье исследуются поэтонимы в контексте таких драматургических произведений А. М. Галина, как «Чешское фото», «Акомпаниатор», «Сирена и Виктория», «Аномалия», «Звезды на утреннем небе». Здесь рассматриваются роль

авторской рефлексии как составляющей ономапоэтической матрицы имени собственного, а также средства характеристики персонажей, создания комического эффекта. Данный прием активно транслирует авторские интенции и является одной из составляющих идиостиля драматурга А. М. Галина.

Ключевые слова: имя собственное, антропоэтоним, ономапоэтическая матрица, авторская рефлексия, драма, фикциональное имя, прецедентное имя.

SUMMARY

Petrachkova I. M. Author's reflection as a component of the onomapoetic matrix in the dramatic space by Alexander Mikhailovich Galin

The article examines poetonyms in the context of such dramatic works by A. M. Galin as «Czech Photo», «Accompanist», «Siren and Victoria», «Anomaly», «Stars in the Morning Sky». It considers the role of the author's reflection as a component of the onomapoetic matrix of the proper name, as well as a means of characterizing characters, creating a comic effect. This technique actively translates the author's intentions and is one of the components of the individual style of the playwright A.M. Galin.

Key words: proper name, anthropoetonym, onomapoetic matrix, author's reflection, drama, fictional name, precedent name.

*Р. В. Разумов
(г. Ярославль, РФ)*

УДК 811.161.1'373.2

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УРБАНОНИМОВ В ГОРОДСКОЙ ПРОЗЕ О МОСКВЕ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА «МОСКВА: МЕСТО ВСТРЕЧИ»)

Начало XXI века ознаменовалось появлением новых подходов к исследованию имен собственных – своеобразных памятников тех исторических эпох, в которые они возникли. При исследовании онимов стали активно использоваться достижения других отраслей языкознания: лингвистики текста, когнитивной лингвистики, психолингвистики и социолингвистики. Интерес ономатологов переключился с изучения этимологии и истории имени собственного, его структурных и семантических особенностей на специфику функционирования в речи, способов воплощения в нем разнообразной лингвокультурной информации, реализации в тексте онимических стереотипов [6].

Особый интерес для ономатологов представляет употребление онимов в текстах различных стилей и жанров. Анализ «Библиографии ономастики русской литературы по 2010 год» Г. Ф. Ковалева [2] показывает, что большинство подобных работ было создано на материале художественных текстов и посвящено анализу литературных антропонимов, прочие же разряды имен собственных исследовались значительно реже, что объясняется их периферийным положением в любом произведении [8, с. 118–119]. Практически не изучены онимы, функционирующие в произведениях, относимых к жанру нон-фикшн: в публицистической, мемуарной и документальной прозе, в том числе в авторских путеводителях по тем или иным городам и «топофилической» прозе [7, с. 136]. В последних большую роль играют урбанонимы, под которыми понимается «собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [4, с. 139].

Целью настоящей статьи является исследование особенностей функционирования урбанонимов в городской прозе – авторских воспоминаниях о городе. Мы рассмотрим данный вопрос на примере употребления онимов в текстах художественно-публицистического сборника «Москва: место встречи» [3]. Авторами произведений, включенных в данное издание, стали Л. Улицкая, Е. Бунимович, А. Козлов, С. Шаргунов, М. Кучерская, А. Архангельский, Р. Быков и многие другие авторы. Как отмечается в аннотации, у каждого из них «своя история и своя Москва, но на пересечении узких переулков и шумных проспектов так легко найти место встречи!» [3, с. 4].

В городской прозе урбанонимы могут выноситься в сильную позицию текста – в его название, что подчеркивает их особую роль в построении произведения. Заголовки лишь 2 из 32 текстов, включенных в сборник, не содержат подобных онимов: «*Моя Москва: сороковые–шестидесятые*» Л. Улицкой и «*Вышибленный зуб поставили на место*» Р. Быкова. Если в первом случае отсутствие урбанонима восполняется включением в название астионима *Москва*, то в эссе Р. Быкова заголовок представляет собой метафору, которая раскрывается в последнем абзаце текста: «*Каждое изменение в Москве для меня было болью. <...> Безумно счастлив, лично счастлив храму Христа Спасителя – как же он на месте, как он организует пространство, как его не хватало! Мне даже показалось, что он был как вышибленный зуб, и его поставили на место. И улыбка Москвы теперь стопроцентная*» [3, с. 304]. В заголовках других текстов, включенных в сборник, встречаются названия улиц и площадей («*Чернила февраля*».

Тверские-Ямские», В. Березин; «*Мой тучерез. Дом 10 в Большом Гнездиновском переулке*», М. Москвина; «*Трубниковский, Знаменка, Ольховка – мои Атлантиды*», М. Алексеева и др.), районов и микрорайонов («*Миуссы*», О. Трифонова; «*Замолк райоречник. Замосворечье*», С. Шаргунов; «*Таганка*», А. Минкин и др.), зданий и сооружений («*Под боком у Кремля*», А. Козлов; «*Сухарева башня*», Т. Щербина), станций метро («*Станция Арбатская*», М. Кучерская), архитектурно-парковых ансамблей («*Времена года.ВДНХ*», Ю. Арабов).

Каждый участник сборника показывает ту столицу, которую знает только он, впускает читателя в свое личное пространство, тем самым формируя особый авторский «московский» текст, не похожий на городской текст других жителей. Его основу составляют различные виды урбанонимов, фиксирующие основные географические координаты столицы, включенные в личную сферу говорящего, в которую входит «сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально, интеллектуально: некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку человек пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании» [1, с. 645–646]. Очевидно, что городские объекты также могут входить в личную сферу говорящего, способы их включения были нами проанализированы в статье «Городская топонимия и личная сфера говорящего» [5].

«Московский» текст каждого автора складывается из комбинации множества различных урбанонимов, формирующих своеобразный концепт столицы в сознании конкретной языковой личности. Так, открывающий сборник рассказ Людмилы Улицкой «Моя Москва: сороковые–шестидесятые» [3, с 11–20] позволяет судить о городском пространстве не только самого писателя, но и членов ее семьи. Основу «московского» текста автора составляют названия улиц, переулков, шоссе и площадей, с которыми была связана ее жизнь: *Башиловка, Большой Гнездиновский переулок, Варшавское шоссе, Волоколамское шоссе, Воротниковский переулок, Давыдов переулок, Долгоруковская улица / Каляевская улица, Каширское шоссе, Красноармейская улица, Ленинградское шоссе, Лесная улица, Остоженка, Поварская улица / улица Воровского, Пушкинская площадь, Садовая улица, Садовое кольцо, Сретенка, Старосадский переулок, Третья Миусская улица, Солянка*. Как видим, в перечне встречаются не только полные, но и народные варианты названий улиц (*Башиловка* ← Башиловская улица), как

старые, так и новые названия улиц: «**Каляевская** была окраинной улицей, то есть за Садовым кольцом. Мне нравилось это название – какой-то «каляй-валяй-катай» в ней присутствовал, а террориста Каляева в школе едва-едва проходили, но это будет еще не скоро... Про **Каляевскую** теперь забыли, она снова стала **Долгоруковской**, а из окраинной превратилась почти в центральную... И трамвай к Савеловскому вокзалу по ней давно не ходит, и станция метро «Новослободская» – помню открытие! – обветшала и давно ждет реставрации. И про **Ивана Каляева** забыли» [3, с 13], «Кроме географии окрестной, была еще география родственная – меня время от времени возили в гости: к бабушке Марии Петровне на **Поварскую**, которая называлась тогда **улицей Воровского**, и не все липы тогда еще умерли» [3, с 19]. Московский текст Л. Улицкой складывается из имен собственных множества других городских объектов, упоминаемых в тексте:

1) городских хоронимов: Заяузье, Измайлово, Котяшкина деревня (Котяшка), Лефортово, Миуссы, Собачья площадь, Хитровка;

2) ойкодомонимов: Английский клуб, Дом композиторов, дом Нирнзее, Консерватория, Кремль, Никольские ворота, Румянцевская библиотека;

3) экклезионимов: Пименовская церковь, церковь Рождества Богородицы, церковь Святого Владимира в Старых Садах;

4) названий станций метро и вокзалов: «Аэропорт», метро «Динамо», Савеловский вокзал, станция метро «Динамо», станция метро «Новослободская»;

5) названий парков и скверов: Миусский сквер, Петровский парк;

6) монументонимов: памятник Осипу Мандельштаму;

7) названий кладбищ: Введенское кладбище.

Анализ «городских» текстов позволяет воссоздать особенности восприятия образа того или иного места как у конкретного автора, так и у москвичей в целом.

Ойкодомоним *Дом Нирнзее* встречается в текстах Л. Улицкой и М. Москвиной, при этом в обоих эссе подчеркивается одна деталь – расположение в этом здании театра-кабаре «Летучая мышь»: «С **домом Нирнзее** в Большом Гнездниковском переулке связан яркий кусок московской культурной жизни – с **театром-кабаре «Летучая мышь»**. Бабушка Мария там бывала, когда начинала свою неудавшуюся театральную карьеру в Московском Свободном театре, у Марджанова» (Л Улицкая), «Неважно, прожил ты в этом доме жизнь или ненадолго снял

угол, ютился на антресолях у знакомых или заглянул на огонек, любовался закатами в кафе «Крыша», снимал фильмы под звуки фортепиано – на верхотуре когда-то был оборудован навильон «Киночайка», – шутил и танцевал **в подвальном кабаре «Летучая мышь»** или, волнуясь, возносил к небу рукопись в издательство на «голубятне» – надеясь, что она превратится в книгу и останется жить в веках» (М. Москвина). Текст Марины Москвиной «Мой тучерез. Дом 10 в Большом Гнездиновском переулке» [3, с. 109–133] более полно рисует портрет этого здания, являющегося не только памятником архитектуры, но и культуры, ведь с его стенами связаны имена многих известных писателей и поэтов (Михаила Булгакова, Давида Бурлюка, Владимира Маяковского, Велимира Хлебникова, Ильи Ильфа, Евгения Петрова, Валентина Катаева, Юрия Олеши, Льва Кассиля и др.), архитекторов (Григория Бархина, автора проекта здания газеты «Известия»), артистов (Рины Зеленой, Владимира Володина), директоров предприятий (Ивана Лихачева, директор автомобильного завода «АМО»): «Легче сказать, чья нога не коснулась метлахской плитки на полу подъездов этого дома, чем озвучить имена людей, голоса и шаги которых звучат и поныне в его гулких коридорах» [3, с. 110]. Заметим, что в своем тексте автор приводит множество официальных и неофициальных наименований дома, создающих его уникальный портрет в пространстве эпох: *Первый московский небоскреб, Дом Ниризе в Большом Гнездиновском переулке, «Московский тучерез», небывалая громадина, десятиэтажный доходный дом, дом дешевых квартир, дом холостяков, «каланча», дом-крыша («Теперь я точно знаю, что он тоже помнит меня, этот дом, где на **Крыше** осталось мое детство. Именно на **Крыше**, с большой буквы, на плоской кровле громадного Дома – она заменяла жильцам двор. Там были клуб, клумбы, качели, волейбольная площадка. Мы разъезжали по крыше на роликах и велосипедах. А вечерами в клубный телескоп разглядывали звезды и планеты»* [3, с. 112]), *Дом-корабль, Дом-призрак, Дом-океан, 4-й дом Моссовета («Чедомос»).*

В «московском» тексте разных авторов встречается ностальгия по прошлому, по ушедшим временам детства. Так, Майя Кучерская сравнивает Арбат своего детства и юности («**Арбат** стоял крепко, **Арбат** и был дом, крепость, с обжигающими наваристыми щами, шипящими на чугунной сковороде котлетами – растущими в миске горой, ешь скорей, остынет!» [3, с. 220]) и современную модную улицу («И изменился **Арбат**. Все вроде бы шло по-прежнему – варенья, рогастики, холодец. Но без деда словно бы не осталось уже ничего кроме. Ласковой доброты, невидимо разлитой в воздухе, стало

отчетливо меньше. И в самой квартире сделалось вдруг темней, или это просто деревья выросли во дворе? <...> Я сто раз потом бывала на **Арбате**, как и все, переживала его перерождение из живой улицы в глянцевою, ходила дивиться на хиппи, сидевших прямо на асфальте и что-то наигрывавших на гитаре, а потом привыкла и к такому Арбату. Без троллейбусов и «Зоомагазина», без «Охотника» и кафе-мороженого» [3, с. 233–234]. Евгений Бунимович вспоминает старую и новую Неглинку: «**Нынешняя натужная имитация Неглинки с ошалелыми церетелевскими зверушками у кремлевских стен – не в счет. Это водопровод. Подземная, потаенная, настоящая Неглинка** проявляет себя на поверхности иначе – в не характерной для московских широт активной растительности» [3, с. 48].

Как это ни странно, но ностальгию вызывают даже советские названия, замена которых на дореволюционные может печалить автора: «**Улицы Качалова, Герцена, Воровского, Щусева, Жолтовского, Алексея Толстого, Наташи Качуевской, Горького...** Из всего этого многообразия названий теперь, увы, ничего не осталось. Даже **площади Восстания и Маяковского** переименовали. Хорошо это или плохо – я не знаю. **По моим ощущениям – плохо**, поскольку я вырос в тех, советских названиях и, когда с **домов сдирали таблички, было чувство, что уничтожают мое детство**. С другой стороны, хорошо, что улицам вернули их исторические названия.» (И. Цыбин [3, с. 157]). Люди помнят старые, привычные им городские топонимы и не помнят новые, поскольку с последними не связаны личные воспоминания, они не смогли еще проникнуть в личную сферу автора. На это свойство человеческой памяти указывает и А. Минкин: «Посмотрите налево: улица Александра Солженицына, а на самом деле Большая Коммунистическая. И если десятки лет ходил по ней, и бегал, и катался на велосипеде, **то не смотришь на табличку, ты же не турист. Ты просто знаешь: это Большая Коммунистическая, а посредине – храм Святого Мартина Исповедника, всегда запертый мрачный склад запрещенной литературы, спецхран. Может, теперь там молятся**» [3, с. 305–306]. У этого же автора в другом контексте мы встречаем весьма ироническое отношение к произведенным в столице переименованиям: «И вот – Божьим промыслом – всё изменилось! **Родильный дом Клары Цеткин** (бывш. **Морозовская богадельня**; того самого Морозова, что дал денег Станиславскому на МХТ) – заброшен, гниёт. **Ульяновская** (Ульянов – настоящая фамилия Ленина) превратилась в **Николаямскую**. **Тулинская** (в честь одного из псевдонимов Ленина) превратилась в **улицу святого Сергия Радонежского**. **Большая Коммунистическая**, как уже сказано, – в **улицу Александра Солженицына**, **Малая Коммунистическая** – в

улицу Станиславского (только фамилия, без имени). Благолетие! Только Шоссе Энтузиастов еще не догадались или не успели переименовать обратно во Владимирку. А меня вообще ни разу не переименовали.» [3, с. 330].

И. Цыбин в своем эссе приводит пример сосуществования старого и советского названия, где последнее было вытеснено дореволюционным топонимом: «Единственное, что осталось со мной во все времена, – это Вспольный переулок. Мы по нему ходили с Булей гулять на Патриаршие пруды. Кстати, только году в 1990-м в какой-то газете я прочитал, что отныне Пионерским прудам возвращено историческое название – Патриаршие. Никто и никогда в нашей старой Москве семидесятых–восемидесятых не называл эти пруды Пионерскими! Всегда все говорили исключительно «Патриаршие»! Гуляли мы на Патриках всегда очень интересно, потому что там было много детей и много места для беготни» [3, с. 157–158].

Комбинация старых и новых названий объекта в рамках одного контекста часто используется авторами для показа произошедших изменений, противопоставления старого и нового: *«Деревянная моя улица упиралась в Суцевский Вал кривоватым сараем, гордо именовавшимся «Кинотеатр «Мир». Потом, ко Всемирному фестивалю молодежи, в самом центре Москвы на Цветном бульваре (на берегу всё той же невидимой миру Неглинки) воздвигли новый роскошный панорамный (ныне обветшавший) кинотеатр «Мир», а наш переименовали в «Труд». Следом за «миром» и «трудом» в тогдашней советской мантре-скороговорке шли еще свобода-равенство-братство-счастье, так что перед нашим киносараем открывались широкие перспективы. Однако до счастья так и не дошло – теперь на этом месте торчит покрытый веселеньким пластиком бизнес-центр. Неподалеку от сиротливого «Труда» стоял еще один деревянный сарай, выкрашенный в голубой цвет, – синагога» (Е. Бунимович [3, с. 52–53]); «С крыши «чедомосовцы» наблюдали, как меняется Москва: сносили и передвигали дома, превращая узкую Тверскую в широкую улицу Горького, на месте разрушенного Страстного монастыря появились кинотеатр «Россия» и сквер с фонтаном, куда переехал с бульвара Пушкин» (М. Москвина [3, с. 128]).*

Исследование особенностей функционирования урбанонимов в «городской» прозе открывает новое направление исследований поэтонимологического пространства текста. Подобный анализ может помочь в раскрытии лингвокультурных особенностей имен собственных. Исследование особенностей функционирования и трансформации городских онимов в речи поможет при создании новых названий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. – М. : Языки русской культуры, 1995. – С. 629 – 650.
2. Ковалев Г. Ф. Библиография ономастики русской литературы по 2010 год / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. – 346 с.
3. Москва: место встречи: городская проза / сост. Е. Шубина, А. Шлякова. М. : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. – 599 с.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб., и доп. / отв. ред. А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
5. Разумов Р. В. Городская топонимия и личная сфера говорящего / Р. В. Разумов // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома, 9–10 сент. 2020 г.: в 2 т. Т. 2. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – С. 145 – 149.
6. Разумов Р. В. Ономастические стереотипы современного городского пространства / Р. В. Разумов // Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство : Материалы международной лингвистической конференции, Самара, 21–23 сентября 2009 года: в 2 т. Т. 2. – Самара : Издательство «Самарский университет», 2009. – С. 148 – 153.
7. Соболев Д. М. «Топофилия»: Культурная география как жанр современной художественной прозы / Д. М. Соболев // Международный журнал исследований культуры. – 2011. – №4. – С. 136 – 155.
8. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 172 с.

АННОТАЦИЯ

Разумов Р.В. Функционирование урбанонимов в городской прозе о Москве (на примере сборника «Москва: место встречи»)

Статья посвящена рассмотрению особенностей употребления урбанонимов в городской прозе о Москве. Автор анализирует состав и типы городских топонимов, встречающихся в рассказах-воспоминаниях о столице, описывает существующие лингвокультурные сходства и различия в восприятии одного и

того же онима разными авторами. Материалом для исследования послужили тексты, включенные в сборник «Москва: место встречи».

Ключевые слова: городская проза, имя собственное, городское онимическое пространство, урбаноним, ойкодомоним, микроурбаноним.

SUMMARY

Razumov R. V. Functioning of urbanonyms in urban prose about Moscow (on the example of the collection «Moscow: a Meeting Place»)

The article is devoted to consideration of features of the use of urbanonyms in urban prose about Moscow. The author analyses structure and types of urban toponyms, which are used in memory-stories about the capital, depicts the existing linguocultural similarities and differences in the perception of the same onym by different authors. The material for the study consists of the works from the collection «Moscow: a meeting place».

Key words: urban prose, proper name, urban onymic space, urbanonym, oikodomonym; microuurbanonym.

*К. А. Бондаренко
(г. Луганск, РФ)*

УДК 811.521'373.231:821.521-343.09

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЯПОНСКИХ СКАЗКАХ

Имя – признак, определяющий каждого человека с рождения, оно проносит историю не конкретной личности, а целого социума, частью которого и является то или иное антропонимическое явление.

Собственное имя (оним) представляется в качестве объекта изучения отдельной области лингвистики – *ономастики*, которая исследует историю генезиса, развитие и поведение, структуру, а также передачу онимов в языке и речи, в литературной и диалектной сферах.

Так как вопрос литературной антропонимики всегда вызывал интерес для ученых в области лингвистики, переводоведения, когнитивной лингвистики, культурологии и литературоведения, следует выделить исследователей, которые добились определенных успехов в данной области изучения, а именно: В.А. Никонов, С.Б. Веселовский, Т.Н. Кондратьев, А.К. Матвеев, М.Э. Рут, В.И. Супрун, П.А. Флоренский, Ф.И. Буслаев, Т. Гоббс,

Г. Лейбниц, Дж.Ст. Милль, Дж. Лок, Г. Сэнсома и Е. Симидзу и др.

Антропоним (от древнегреческого *ἄνθρωπος* – **человек** и *ὄνομα* – **имя**) [4, с. 603] – отдельный раздел ономастики, рассматривающий имена собственные, но в контексте данного исследования преобладает акцент определения непосредственно *ὄνομα* – **имя**. В японской картине мира оним не просто несет в себе культурно-историческое направление, но также обладает магическими свойствами или *котадама* (言霊, «душа слова» – 言葉 *kotoba* – слово, речи; 魂 *tama* – душа). Руководствуясь русским аналогом «слово не воробей, вылетит – не поймаешь», японцы с древних времен верят, что обличив признак, сам предмет или некое определение в словесную форму, они вдыхают жизнь в это явление.

Все в мире имеет название. о В.В. Фёдоров в своей работе «О проблеме поэтического бытия» отмечает, что, не обладая онимом, персонаж не может существовать в рамках художественного пространства [5, с. 89]. С другой стороны, в японской культуре имя несет в себе сакральное значение, так, при рождении ребенок получает одно имя (幼名 *youtei* – *детское имя*), в день совершеннолетия – второе (氏名 *shimei* – *первое имя*) и – третье посмертно (改名 *kaimei* – *посмертное имя*) [3, с. 56].

Богослов и религиозный философ, Павел Флоренский, рассматривал имя и человека как одно целое и отмечал, что именно имя – объектно-субъектная связь, позволяющая аккумулировать опыт не одного поколения и определить характер и жизненную позицию своего обладателя [2, с. 75].

Чаще всего, выше указанные признаки, воплощались через фольклор или мифологическую составляющую мировосприятия. Мифы также четко и ясно репрезентировали тот или иной оним несущий важную семантику для народа.

Тем не менее, мифологический антропоним репрезентирует щепетильную версию мировосприятия конкретного этноса, а мифология, являясь частью фольклора, не может обойти стороной и сказки.

Опираясь на определение, данное словарем литературных терминов, **сказкой** является фольклорное или литературное произведение, где в сюжете присутствуют эпические отголоски, волшебство, героическая или бытовая составляющая [1, с. 227]. Стоит также отметить отсутствие претензий на историчность повествования в сказке и нескрываемую вымышленность сюжетно-фабульной линии.

Однако особое внимание всегда уделяется, героям фольклора и, в частности, персонажам сказок. Они коллируют между:

историко-культурной полагающей и социально-личностной составляющей.

В Японии сказки хоть и несут дидактику в основе, немаловажным считаются и имена героев, которые, так или иначе, раскрывают основную суть идеи рассказа.

Рассматривая японские сказки, стоит выделить уникальность имен собственных и их тесную связь с культурными характеристиками, которые несут в себе иногда узконаправленную информацию из-за хронотопа, геометрического рисунка сюжета и других составляющих.

Так, в сказке かぐや姫 *Kaguya-химэ* или «Сказание о принцессе Кагуя» главная героиня изначально ростом с палец, становится прекрасной, словно принцесса, отсюда и название, однако не все так просто, как кажется на первый взгляд, читателя ожидает литературный твист в конце, где и раскрывается тайна персонажа. На самом деле «Кагуя» прописывается хираганой (японская азбука), скрывая семантику без написания иероглифическим способом, чтобы читатель заранее не узнал секрет Принцессы, что в имени скрывается загадка (燿 *kaguyaku* – *блестать*; 夜 *yoru* – *ночь* – «сияющая ночью принцесса»), способствующая разоблачению девушки, она – Лунная принцесса, которая прибыла из лунного города (月の都 *Цуки но Мияко*, «Столица Луны»), так как из-за вздорного характера была наказана жить в смертном теле определенный отрезок времени, в конце сказки героине пришлось вернуться на родину. Имя не просто говорящее в данном случае, а раскрывает все суть сюжета и главную интригу произведения.

Есть и другое название у данной сказки 竹取物語 *Такэтори Моногатари*, «Сказание о резчике бамбука». Так как, изначально, повествование ведется о мужчине, который собирает и продает бамбук (и именно в бамбуке Старик находит Кагую, когда срезает траву, обнаруживает маленькую девочку), есть перевод и «Повесть о старике Такэтори», однако хоть в тексте и используется слово Окина (翁 *старик*), мужчина едва ли по возрасту в современных реалиях считается стариком, но стоит учитывать, что в древней Ямато (архаизм, обозначающий Японию) девочек выдавали замуж и в 12 лет, а обряд инициации или взросления у мальчиков начинался с 11.

Другая же сказка, схожая по сюжету, раскрывает таинство рождения Момотаро 桃太郎 *томо* – *персик*, 太郎 *tarou* – *одно из самых типичных распространенных японских мужских имен по типу Иван – персиковый мальчик*. Название сказки определяется особенностью рождения юноши, а именно появление на свет из большого персика (здесь можно провести параллель с

русским Мальчиком с пальчиком и украинским Котыгорошком), женщина занималась стиркой у реки и увидела огромный персик, разрешила фрукт, из него вышел маленький мальчик, который вырос доблестным воином и стал путешествовать по миру, чтобы бороться с демонами. Стоило бы озадачиться, почему же в сказке присутствует именно данный плод, ответ прост: персик в японской культуре считается символом борьбы с нечистой силой или в данном случае с демонами, также необходимо отметить миф об **Идзанаги** и **Идзанами**, как Бог-прародитель Идзанаги (伊弉諾) отправился за возлюбленной Идзанами (イザナミ) в царство мертвых Еми-но-куни (黄泉の国 – «*страна желтых вод*»), и именно с помощью персика Идзанаги боролся со служками-демоницами *Шикоми*. Здесь же проявляется также прерогатива в форме топонима, который несет в себе фундаментальное значение в сказке, Момотаро борется с демонами в месте *Онигасима* (или остров демонов (鬼ヶ島)). Также, персик в японской мифологии определяют в качестве эликсира бессмертия, но только для возлюбленных, что снова делает отсылку на пару божеств-прародителей японской нации, а именно Идзанами и Идзанаги.

«**Повесть о прекрасной Очикубо**» хоть и не является по своему определению сказкой, но ее сюжет перекликается с известной европейской сказкой «Золушка», а также считается японским вариантом этого произведения. Согласно кальке европейской вариации как золушка получила свой оним из-за постоянной работы в золе и ее плачевно-убогого вида, так главную героиню называют Очикубо 落窪 *кладовка* («и жила она в самом убогом уголке дворца»). Прозвище героине в данной сказке раскрывает уклад и традиции Японской знати или *кугэ* (公家) во времена эпохи Хэйан (9-12 вв). А также повествование подробно демонстрирует архитектуру того периода. Ведь не только Очикубо носит имя из-за помещения, где она проживает, ее мачеха зовется не по имени, а Госпожа северного дома – *Китаноката* 北の方 (Самая лучшая часть замка), что демонстрирует ее высокий статус и главенствующее положение в семье.

«**Ямато но Орочи**» или 八岐の大蛇 – восьмиглавый змей, в японской мифологии его еще называют драконом, предстает как главный злодей (его сущность также повлияла на формирование разных образов, которые являются клишированными героями в разных культурных направлениях: аниме, манга и т.д.). Большой змей был побежден богом ветров и покровителем рыбаков Сусано-о 須佐之男命 *суса но о но микото*, «*доблестный быстрый ярый бог-муж из Суса*» здесь прослеживается параллель с русскими народными сказками про Змея Горыныча, где нужно спасти красну девицу от чудовища, также и Сусано-о

спас последнюю невинную деву в деревне, где их пожирал Орочи. Образ змея-дракона не совсем определен, ведь в его теле содержится одно из трех сокровищ императорский власти – *Кусанаги или меч-кладенец* (天叢雲劍, «небесный меч из кучащихся облаков»). В конкретном случае, можно также наблюдать один из самых известных японских *онимов*, так как в Японии было принято давать имя оружию, *Кусанаги* считается одним из важнейших исторических артефактов для развития японской истории.

С другой стороны, числительное, которое содержится в имени змея, также для Японии символично, так как в восприятии японцев нет ничего вечного, но существует круговорот перерождений, создавая свою собственную цикличность или подобие спирали вечности. Тем не менее, именно за недолговечность японцы так ценят жизнь, а созерцательность и философско-лиричное настроение – часть культуры этого народа. Поэтому 8 демонстрирует бесконечность бед жителей деревни, а еще в данном произведении присутствует метафора борьбы местных жителей с рекой **Хии**, которая обнаруживается в сказке (簸川, в древности произносилась как «Пи», нынешняя Хии), в старину причинявшей большой ущерб своими наводнениями.

Сказка о Кинтаро (金太郎 *кинтаро*, «Золотой мальчик») ярко демонстрирует японское мышление, в данном **ониме** не кроется большая загадка, всего лишь японский менталитет. Так как в основу имени главного героя входит Тароу, а ранее уже указывалось, что в Японии это одно из самых распространенных, типичных и скучных имен, а префикс Кин (означает золото, деньги) добавляет значимости персонажа. Так, Кинтаро обладает нечеловеческой силой, он может понимать язык животных и в конце концов становится главой четверки небесных царей *шитэнно* (四天王). Поэтому его и называют «золотой мальчик», которому все удается, за что бы ни взялся, а еще имя Кинтаро стало нарицательным, и по отношению к сильным мальчикам часто в Японии говорят «*силен, как Кинтаро*» или «*Силад Кинтаро*».

Называя предмет, объект или субъект, мы определяем дальнейшую судьбу, историю и набор признаков, которые впоследствии влияют не только на личностное, но и на весь социальный спектр, не только на конкретное, но и на общее, ведь имя – это не столько частное лицо, сколько оним присутствует везде, без него существование героя в произведении, человека в социуме, истории в культуре не представляются возможным. Поэтому, опираясь на изложенные факты, можно наблюдать, насколько неотъемлемым компонентом как в историко-

культурном, так и в конкретно сюжетно-фабульном аспектах является имя собственное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2007. – 513 с.
2. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74 – 87.
3. Накарчевский А.А. Синто / А.А. Накарчевский. – М.: Азбука, 2003. – 448 с.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1993. – 940 с.
5. Федоров В. В. О природе поэтической реальности / В.В. Федоров. – М. : Сов. писатель, 1984. – 184 с.

АННОТАЦИЯ

Бондаренко К. А. Имена собственные в японских сказках

Статья рассматривает определение понятия ономастики, в частности отдельного раздела – антропонимов или имен собственных. Также анализируются имена собственные в японских сказках, которые демонстрируют историко-культурные особенности японской нации. Данное исследование отображает межкультурно-литературную параллель, а использование имен собственных как способ репрезентации сюжетно-фабульной составляющей.

Ключевые слова: имя собственное, японская сказка, антропоним, оним.

SUMMARY

Bondarenko K. A. Proper names in Japanese fairy tales

The article considers the definition of the concept of onomastics, in particular a separate section – anthroponyms or proper names. It also analyzes proper names in Japanese fairy tales, which include the historical and cultural features of the Japanese nation. This study reflects the intercultural-literary parallel, and the use of proper names as a way of representing the plot structure component.

Key words: proper name, Japanese fairy tale, anthroponym, onym.

*И. Г. Коловерова**(г. Горловка, РФ)*

УДК 811.134.2:811.161.1:8'373.7(045)
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗООМОРФИЗМОВ
ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Осуществить глобальное исследование всех семантических полей языка – задача очень сложная, еще сложнее, когда сравниваются два абсолютно разных языка, как в нашем случае испанский и русский. Вот почему большинство лингвистов выбирают репрезентативное семантическое поле для проведения этого типа фразеологических контрастных исследований, которые довольно часто встречаются в странах центральной и Восточной Европы, прежде всего в странах, возникших после распада СССР.

Зооморфизмы, как фразеологические единицы (далее ФЕ), являются объектом исследования не только российских ученых, таких как Кунин А. А., Виноградов В. В., Смирницкий А. И., но и зарубежных. Этим исследованиям посвящены работы таких испанских лингвистов, как Х. Касарес, А. Сулуага, Л. Руис Гурильо, Г. Корпас и многих других. Все вышеперечисленные исследователи-лингвисты уделяли внимание особенностям функционирования зооморфизмов в системе языка и утверждали, что они могут употребляться не только в прямом, но и переносном смысле, например, в разговорной речи для эмоционально-оценочной характеристики людей. Употребление зооморфизмов для характеристики человека является свидетельством того, что языковая картина мира при ее объективности и целостности является интерпретацией отображения мира, причем специфичной для каждого языка. Для эмоционально-оценочной характеристики людей используют метафоры и сравнения, которые базируются на установлении схожести между представителями разных классов, например, «человек – животное», что привносит в высказывание элемент образности. В этом случае соотнесенность образа и предмета такова, что никакого другого содержания, кроме того, которое присуще этому предмету и его роли в жизни, у образа нет.

Контрастивный анализ начинается с конкретной реальности, наличия сходств и различий в изучаемых языках. Украинский лингвист Ажнюк Б. Н., который сравнил английские фразеологизмы с украинскими, отметил, что «при столкновении двух разных языков необходимо учитывать, что различия будут преобладать над сходством» [1, с. 53]. Это правило применимо и в нашем случае, так как испанский и русский языки принадлежат к разным ветвям индоевропейской семьи.

В данной статье мы попытались проанализировать использование ФЕ с наименованиями животных, зооморфизмов, для эмоционально-оценочной характеристики человека. При исследовании данных ФЕ были использованы, в первую очередь, «Фразеологический словарь современного испанского языка» (*Diccionario fraseológico del español moderno*, Fernando Varela), «Фразеологический словарь русского литературного языка» (Федоров А. И.); из двуязычных словарей мы выбрали «Испанско-русский фразеологический словарь» под ред. Э. И. Левинтовой и др.

И не удивительно, что на первом месте по частоте употребления стоят зооморфизмы, в состав которых входят названия животных, таких как кошка, собака, бык, курица и др. Животные, на самом деле, ближе к человеку по своей природе, больше связаны с развитием исторической цивилизации. Культ животных – первая грань, которую человек провёл между собой и миром природы, признавая ещё её господство, но уже не отождествляя себя с ней. И как бы впоследствии ни снижалась роль животных в духовной культуре, анимализм всегда остаётся тем смыслообразующим фоном, на котором формируются языковые и культовые стереотипы [2, с. 128].

Достаточно большое количество испанских зооморфизмов имеют полные или частичные эквиваленты в русском языке, что можно объяснить совпадением мысленного отображения реальной действительности у носителей этих языков и общих элементов культуры. Под полностью эквивалентными фразеологическими единицами подразумеваются те, которые содержат компоненты, объединенные в том же расположении; использующие тот же зооморфизм, те же самые вербальные компоненты, те же прилагательные, существительные, т.е. те ФЕ, которые характеризуются как полностью совпадающие как в структурной организации, так и в смысловом значении. Но этот вид эквивалентности очень сложно встретить, особенно при сравнительном исследовании двух языков настолько разных, какими являются испанский и русский.

Рассмотрим некоторые примеры:

- 1) жить как кошка с собакой – *vivir como el perro y el gato*

В данном примере отчетливо просматривается эмоционально-оценочная характеристика отношений между разными категориями людей: семейные отношения, отношения между соседями и т.д.

- 2) жить как собака – *vivir como un perro*

Данный пример показывает картину мира, в которой человек живет как бездомный, лишенный благ, голодающий и т.п.

3) здоровый как бык – *sano como un toro*

Этот пример, наоборот, характеризует человека как крепкотелого, в хорошей форме, пышущего здоровьем.

Все приведенные ФЕ полностью совпадают по своей структуре, содержат одинаковые компоненты, стоящие в той же последовательности. Если графически изобразить структуру этих ФЕ, то она будет иметь следующий вид:

	Русская ФЕ	Испанская ФЕ
1	Гл. + Сущ. +Сущ.	V. +S. +S.
2	Гл. + Сущ.	V. +S.
3	Прил. + Сущ.	Adj.+ S.

Под частичными эквивалентами подразумеваются те фразеологические единицы, которые полностью совпадают по значению, но не совпадают по синтаксической организации и компонентам. Важно отметить, что в случае с неполными эквивалентами анималистический компонент в испанском языке такой же, как и в русском. Например: убить курицу, несущую золотые яйца – *matar a la gallina de los huevos de oro*; собака на сене – *el perro de hortelano*.

Аналоговые фразеологические единицы характеризуются полным совпадением в значении, но не совпадают в синтаксической организации или в компонентах. В отличие от частичных фразеологических эквивалентов, здесь анималистические компоненты разные. Например, убить двух зайцев одним выстрелом – *matar dos pájaros de un tiro*; старый волк – *un perro viejo*.

К группе безэквивалентных фразеологических единиц мы отнесли все те ФЕ, которые не имеют эквивалентов в другом языке. Без сомнения, эта группа является самой многочисленной из всех перечисленных выше групп, т.к. в большинстве исследованных случаев мы не нашли эквивалентов в другом языке. Например, желторотый птенчик, *pájaro de cuenta*.

Под псевдоэквивалентными фразеологическими единицами подразумеваются те ФЕ, в которых совпадают и структура ФЕ, и анималистический компонент, но значение абсолютно разное. Это малочисленная группа, поэтому мы не можем предъявить много примеров этих ФЕ, но мы решили включить эту группу в наше исследование. На самом деле мы нашли только два примера этих ФЕ, которые и попытаемся объяснить далее.

Например, испанская фразеологическая единица *como una rata de sacrícia*. В примерах, которые мы нашли, речь идет о людях, которые очень много времени проводят в церкви. В русской же фразеологической единице *церковная крыса*, которая совпадает по структуре с испанской и которая абсолютно разнится с ней, речь идет о людях, живущих в нищете.

Второй пример псевдоэквивалентной фразеологической единицы, который мы нашли – это *estar como un cerdo*, на русском быть как свинья. В испанском варианте эта ФЕ может иметь два значения. В первом случае речь идет о внешности человека, а во втором о грязи, в которой человек может находиться в какой-то конкретный момент. Русский вариант соотносится только со вторым значением. А вот примеров, которые бы соответствовали внешности человека, мы не нашли. Поэтому решили включить эту фразеологическую единицу в две разные группы, одна из которых псевдоэквивалентная.

Таким образом, это, без сомнения, самая миноритарная группа, и мы долго сомневались перед тем, как включить ее в нашу работу, т.к. примеры совсем незначительны и составляют всего 0,30 % от всех изученных ФЕ.

Во время сравнительного изучения фразеологических единиц, включающих зооморфизмы, мы пришли к следующим выводам:

- в обоих языках, испанском и русском, названия животных принадлежат к одной из самых древних лексических групп и в большинстве случаев объясняют смысл или метафорическое значение;

- для метафорического значения названий животных в испанском и русском языках характерны однотипные деривации: семантические, фразеологические и словообразование.

- сравнительный анализ семантических дериваций (зооморфизмов) продемонстрировал как схожести, так и различия. Часть зооморфизмов совпадает по значению в обоих языках, но большинство из них разнится.

Одним из примеров системы зооморфизмов, закрепленных в обоих языках, является объединение двух и более признаков в их семантиках. Эти признаки создают истинную характеристику человека, в других случаях смешиваются разные значения.

В некоторых случаях названия животных приобретают характерное предикативное значение только в одном языке.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что каждый язык имеет свой собственный национальный характер, который отражает действительность так, как ее видит каждый народ.

В обоих языках коннотации и негативные значения всегда преобладают над позитивными, когда мы изучаем значения,

которые приобретают названия животных в случае их применения к характеристике человека. Это подтверждает идею существования в этом плане универсальной лингвистики.

Деривация создания слов достаточно разветвлена и в испанском, и в русском языках, как в первом значении, так и во втором.

В обоих языках не все зооморфизмы характеризуются наличием самого потенциала деривации, лишь у некоторых названий животных образовывается большое количество деривационных групп слов.

Из названий животных, которые мы выбрали для нашего исследования, имеющими больше дериваций являются *perro, animal, asno, bestia, gato* в испанском языке, и *зверь, собака, кот*, в русском.

В случае с испанским языком деривация более характерна, чем в русском. Есть всего несколько русских зооморфных форм, которые в испанском языке могут появляться как синтагма: *ишачить – hacer de burro (trabajar duro); или хитрить – hacer de zorro (ser pícaro)*.

С другой стороны, в испанском языке существуют слова, эквивалентов которых нет в русском. И для того, чтобы выразить ту же самую идею, необходимо обратиться к другим конструкциям. Например: *asnear – вести себя неразумно, как дурак, или zorrería – лисья хитрость*.

В обоих языках названия животных отличаются высоким и активным созданием фразеологизмов. Механизм фразеологической деривации является общим как для испанского, так и для русского языков.

В значениях зооморфизмов и ФЕ с анималистическим компонентом содержатся характеристики людей, их действия, деяния, межличностные отношения, состояния (моральное, психическое, физическое) и т.п. Из данных анализа, который мы провели с лингвистическими единицами обоих языков, мы можем видеть совпадения и различия в лингвистической интерпретации многих феноменов, с которыми мы столкнулись в обоих языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажнюк Б. М. Англійська фразеологія у культурно-етнічному висвітленні / Б. М. Ажнюк. – К. : Наук. думка, 1989. – 136 с.
2. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М., 1997. – 165 с.
3. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Федоров // 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
4. Эмирова А. М. Структурные и семантические характеристики одного семантического поля / А. М. Эмирова // Вопросы фразеологии. Вып. 9. – Самарканд, 1977. – С. 11 – 15.

5. Calvo L. Martínez Gran diccionario español-ruso / L. Martínez Calvo. – М. : Español, 1997. – 850 p.
6. Seco Manuel Diccionario fraseológico documentado del español actual, locuciones y modismos españoles / Manuel Seco, Olimpia de Andrés y Gabino Ramos. – Madrid, Aguilar, 2004. – 1084 p.
7. Varela Fernando Diccionario Fraseológico del español moderno / Fernando Valera y Huco Kubarth. – Madrid, Cremos, 1994. – 296 p.

АННОТАЦИЯ

Коловерова И. Г. Фразеологический анализ зооморфизмов испанского и русского языков

Цель статьи – предложить некоторые нотации значений, которые приобретают названия животных, когда мы применяем их к человеку. В статье дается сравнительный анализ употребления разных групп фразеологических единиц с анималистическим компонентом в испанском и русском языках.

Ключевые слова: зооморфизм, фразеологическая единица, анималистический компонент.

SUMMARY

Kolovyerova I. G. Phraseological analysis of the zoomorphisms of the Spanish and Russian languages

The objective of this article is to give some annotation on the significance that the names of animals get, when they are applied on persons/humans. The article provides a comparative analysis of the use of different groups of phraseological units with the animalistic component in the Spanish and Russian languages.

Key words: zoomorphism, phraseological units, animalistic component.

*Р. С. Малахов
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81'42

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ КАК СРЕДСТВО РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Потенциальный эффект внушения основан на манипуляции вниманием получателя информации, которое должно быть сфокусировано на отдельных объектах или идее. Психологические характеристики внушения определяют выбор и расположение определенных лингвистических средств. Манипулирование

вниманием слушателя при внушении происходит по принципу повторения элементов сообщения, что способствует появлению дополнительной семантики. То есть, когда степень повторения содержания единиц одного и того же синтаксического ряда превышает норму (например, когда очередной элемент не имеет никакого нового содержания), факт повторения компонентов публикации приобретает коммуникативную значимость. По Д. С. Лихачеву, при синонимическом дублировании возникает некоторый смысл, который не может быть выведен из каждого слова в отдельности, смысл, который появляется исключительно в контексте [6, с. 253]. Принцип повторения используется в любом виде внушения, в частности, при нейролингвистическом программировании.

Залог успеха манипулятивного акта в публикации зависит от воздействия тех или иных средств ритмической организации текста. Ритмическую организацию текстов можно рассматривать на фонетическом, синтаксическом и лексическом уровне. Ритм является главной конструктивно-содержательной категорией манипулятивной публикации. Манипулятивный текст состоит из линейно развертываемой последовательности лексических единиц и характеризуется ритмической упорядоченностью. Ритмическая упорядоченность лексических единиц манипулятивного текста подчинена её содержанию. Одним из средств ритмической организации текста является повтор прагматически сильных слов. Функция ритма заключается в насыщении языковых средств вспомогательными оттенками значений. Манипулятивная ритмическая организация текста значительно усиливает текстовую силу определенных слов-триггеров и форсирует степень внушаемого воздействия на читателя. Ритм манипулятивного текста организует его форму в соответствии с содержанием суггестивного посыла. Стоит отметить, что для усиления интенции в тексте слова, которые дублируются, (лексические повторы) должны стоять в определенном месте, чтобы создать правильную суггестивную ритмическую организацию публикации. Лексические единицы способны вызвать у адресата речи эмоциональный отклик. Когда автор кодирует информацию в тексте, он фиксирует ключевые слова, которые отражают главную тему и предмет сообщения. С. В. Болтаева в диссертации «Ритмическая организация суггестивного текста» делит лексические единицы на нейтральные и прагматически маркированные: «нейтральная лексика – имеет отношение к теме текста (включает нейтральные названия); другая часть –

прагматически маркированная лексика – соотносится с планируемым результатом внушающего воздействия, прагматическим эффектом» [1, с. 156]. Отсюда можно сделать вывод, что лексика манипулятивных текстов делится на два типа: нейтральную и стилистически маркированную.

Нейтральная лексика выполняет функцию информационного фона для читателя публикации. Текст не может быть бессмысленным и неинформативным, иначе читателю он будет не интересен. Манипулятивные тексты могут иметь абсолютно разную тематику от сообщения о проведении какого-либо мероприятия до сообщения об остатках вооружения у сил министерства обороны. Нейтральная лексика, как правило, маскирует стилистически маркированную лексику и скрывает авторскую интенцию.

Стилистически маркированная лексика несёт скрытый смысл и закодированную информацию, она не демонстрирует открыто намерения автора текста. Стилистически маркированная лексика является главным элементом манипулятивных текстов, так как она выполняет функцию скрытого внушения реципиентам нужной автору-выгодоприобретателю информации. Стилистически маркированная лексика воздействует не на критическое мышление человека, она апеллирует к чувствам, эмоциям, переживаниям читателя. Данный элемент манипулятивных текстов включает в себя эмоционально маркированные единицы, которые вызывают как положительные, так и отрицательные ассоциации у человека. Авторы суггестивных текстов чаще всего опираются на объективные представления человека о добре и зле для того, чтобы человек, который читает текст, интуитивно реагировал на словесные триггеры в нужном адресантам ключе.

Как писал Франсуа Рене де Шатобриан, «*Tout mensonge répété devient une vérité*» / «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой» (перевод наш – Р. М.) [12, с. 749]. С возникновением интернета стало появляться всё больше новых источников информации. Социальные сети стали одним из таких источников. Почти каждый человек на земле и любая организация из любой точки мира может мгновенно опубликовать собственный текст в социальных сетях практически без модерации достоверности текста со стороны площадки. Любая организация либо же СМИ, которые географически находятся в совершенно иной стране, отличной от страны адресатов, могут внушать иную картину мира, используя функционал площадки (социальной сети). Внушение отличается от убеждения тем, что внушение обращено

к бессознательным механизмам психической деятельности, оно вызывает к чувствам и эмоциям, а убеждение обращено к рассудку и критическому мышлению.

Внимание реципиента должно быть полностью обращено к информации в тексте, к его нейтральной лексике. Читатель не должен обращать практически никакого внимания на стилистически-маркированную лексику. Интуиция читателя должна сама реагировать на определенные слова-триггеры в суггестивном тексте. Это позволяет добиться наиболее эффективного внедрения конкретной информации, которая нужна для автора-выгодоприобретателя.

Одним из наиболее эффективных средств скрытого воздействия на читателей является использование повторов для создания ритмической организации текстов. К часто употребляемым повторам в манипулятивных публикациях относят фонетические, синтаксические и лексические. В данной статье мы рассмотрим манипулятивные возможности такого лингвистического явления, как лексические повторы. Лексический повтор – это фигура речи, стилистический прием намеренного повторения одного и того же слова или словосочетания для усиления эмоциональности, выразительности высказывания. Не стоит путать намеренный повтор со случайным повтором. Лексический повтор не всегда является оправданным, то есть он может не выполнять никакой функции. Намеренный повтор имеет четко поставленную цель. Целью является, как правило, видоизменение мышления реципиента и внушение конкретной точки зрения после прочтения суггестивной публикации. Случайный повтор не несёт в себе никакой цели и скрытой функции. Он добавляет в текст информационный шум, который никак не апеллирует к чувствам, эмоциям, переживанием читателя. Как правило, читатель воспринимает случайный лексический повтор с помощью критического мышления и просто вычёркивает данное слово из финального восприятия информации в тексте.

Лексический повтор отличается от тавтологии и плеоназма. «Тавтология – повторение того же самого другими словами, не уточняющее смысла» [10, с. 763]. «Плеоназм – оборот речи, в котором без надобности повторяются слова, частично или полностью совпадающие по значениям (например, человек двадцать людей) или такие, в которых значение одного слова уже входит в состав другого (например, своя автобиография, патриот Родины, коллега по работе)» (курсив наш – Р. М.) [10, с. 512]. При лексическом повторе автор публикации осознанно дублирует слова для того, чтобы заострить внимание на их важности в тексте. Лексические повторы служат развитию мысли и, соответственно,

развитию семантического и лексического пространства суггестивного текста. Многократное повторение одних и тех же единиц языка обладает наибольшей степенью запоминаемости и наиболее эффективно воздействует на сознание адресата, так как большая часть потребителей информации из социальных сетей не читают полностью текст, они его сканируют.

Существуют лексические повторы нескольких видов:

- контактный – дублируемые слова стоят рядом;
- дистантный – слова, которые повторяются, разделены какой-либо дистанцией;
- частичный – использование различных словообразовательных форм термина, антропонима и других лексических единиц.

Контактная форма использования лексических повторов характеризуется излишним перенасыщением текста, особенно, если используется большое количество лексических повторов в ряд. Однако, как в художественном, так и в публицистическом пространстве существует средство дополнительного усиления лексических единиц – тавтология. В словаре Ожегова тавтология трактуется так: «разновидность плеоназма – повторение того же самого другими словами, а потому излишнее» [10, с. 763]. Однако, если автор пишет суггестивный текст, то это будет намеренная тавтология, которая не является излишней. Также можно выделить отдельно экспрессивную тавтологию и скрытую тавтологию. Экспрессивная тавтология возникает в результате метонимического употребления слов, которое вызывает их смысловое сближение. Скрытая тавтология возникает при одновременном использовании русских и иноязычных слов с одинаковым значением.

Чаще всего в манипулятивных публикациях в социальных сетях можно увидеть дистантные и частичные лексические повторы. Эти виды лексического наполнения текста позволяют избежать излишнего информационного шума в тексте, но при этом делают так, чтобы реципиент информации не терял главную задумку автора. Идентичные лексические повторы употребляются как правило через публикацию. Лексические повторы, которые уже были в предыдущей публикации, заменяются другими экспрессивными словоформами, чтобы не было засоренности текста публикаций. Однако, если публикация довольно объемная, то в тексте могут сосуществовать многочисленные повторы, разбавленные другими лексическими единицами.

Использование антонимов и синонимов как средств лексических повторов позволяет выстраивать определенную картину действительности для читателя публикации. С помощью

антонимов авторы текстов используют психологическую конструкцию «свой/чужой» для усиления экспрессивного воздействия на адресата.

Случай использования большого количества антонимичных словоформ мы можем наблюдать на примере выжимки из 10 публикаций Инстаграм-канала «united24.media»: «occupied, free; invaders, defenders; terrorists, civilians; aggression, defence; good, evil; Putin, Zelensky; captivity, freedom; heroes, intruders; etc.» [15] / «окупированный, свободный; завоеватели, защитники; террористы, гражданские; агрессия, защита; добро, зло; Путин, Зеленский; рабство, свобода; герои, захватчики и другие.» (перевод наш – Р. М.).

Стоит отметить, что в этом тексте мы можем наблюдать такое явление, как контекстный антоним. Например, можно выделить такие слова, как Путин и Зеленский, которые не являются антонимами вне данного контекста. Контекстные антонимы не зафиксированы в языке, их сопоставление носит индивидуально-авторский характер. Автор использует антропоним Путин как метонимию к слову Россия, а антропоним Зеленский как метонимию к словоформе Украина. Таким образом, автор публикации манипулятивно апеллирует к эмоциям для того, чтобы повлиять на общую картину действительности реципиента суггестивной публикации.

Если рассматривать публикации Инстаграм-канала «united24.media» с целью найти синонимичные словоформы, можно наблюдать такие слова: «invaders, intruders; aggression, attack; hostile, enemies; captivity, occupation, etc.» [15] / «завоеватели, захватчики; агрессия, атака; противник, враг; порабощенность, оккупация» (перевод наш – Р. М.).

Как мы можем заметить, наиболее распространенными лексическими повторами в англоязычных манипулятивных публикациях являются такие слова, как: «Putin, war, freedom, occupiers, occupation, invaders, intruders, invasion, heroes, survival, captivity, light, evil, hostile, defenders, aggression, attack, civilians, crime, etc.» [13; 14] / «Путин, война, свобода, оккупанты, оккупация, завоеватели, захватчики, вторжение, герои, выживание, порабощенность, свет, зло, заложники, защитники, агрессия и т.д.» (перевод наш – Р. М.).

Как правило, данные лексические повторы дополнительно усиливаются прилагательными, такими как: «Russian, Ukrainian, tyrannical, illegal, innocent, terrorist, full-scale, war, etc.» [13; 14] / «русский, украинский, деспотичный, незаконный, невинный, террористический, полномасштабный, военный и т.д.» (перевод наш – Р. М.).

В итоге мы видим лексические повторы, усиленные прилагательными, которые наиболее эффективно апеллируют к эмоциям и чувствам, вызывают определенные ассоциативные образы: «tyrannical Putin, evil Putin, full-scale war, illegal occupation, Russian invaders, Russian intruders, Ukrainian heroes, Ukrainian defenders, Russian aggression, terrorist attack, innocent civilians, war crime, Ukrainian freedom, etc.» [13; 14] / «деспотичный Путин, злой Путин, полномасштабная война, незаконная оккупация, русские завоеватели, русские захватчики, украинские герои, украинские защитники, русская агрессия, террористическая атака, невинные жители, военное преступление, украинская свобода и т.д.» (перевод наш – Р. М.).

Данные конструкции с лексическими повторениями употребляются настолько часто, что эти слова можно заметить практически в каждой публикации данных Инстаграм-каналов. Теодор Кениг в книге «Психология в рекламе» привёл схожую с манипулятивной методологией воздействия лексических повторов на человека закономерность: «Первый раз – не замечают, второй – замечают, но не читают, третий – читают, но рассеянно, четвертый – читают и обдумывают, пятый – делятся мыслями с друзьями, шестой – размышляют о возможности покупки, седьмой – приобретают товар» [5, с. 143].

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод, что лексические повторы являются мощным средством ритмической организации суггестивных текстов. При этом авторы манипулятивных публикаций стремятся воздействовать не на критическое мышление реципиента, а на чувства, эмоции и переживания, намеренно используя слова-триггеры в разных контекстах для того, чтобы навязать читателю определенную (положительную или отрицательную) оценку тех или иных событий в жизни общества в угоду интересам конкретных политических сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болтаева, С. В. Ритмическая организация суггестивного текста : 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / Болтаева Светлана Владимировна. – Екатеринбург, 2003. – 244 с.
2. Дискурсы рефлексии и рефлексия как дискурс : сб. ст. / под науч. ред. И. Ф. Ухвановой и др. ; редкол.: д-р филол. наук, проф. Д. Г. Богусевич и др. – Минск, 2017. – 208 с.
3. Дридзе, Т. М. Социально-психологические аспекты порождения и интерпретации текстов в деятельности речевого общения / Т. М. Дридзе // Аспекты изучения текста. – Москва, 1981. – С. 129 – 136.

4. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т. М. Дридзе. – Москва, 1984. – 267 с.
5. Кениг, Т. Психология в рекламе : пер. с нем. / Т. Кениг – Москва : 6-я типо-литография «Транспечати» НКПС, 1925. – 270 с.
6. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев – Москва : Наука, 1979. – 360 с.
7. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 263 с.
8. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Г. Добросклонская. – [б. м.] : [б. и.], 2020. – 180 с.
9. Никулина, С. Д. Лексический повтор как средство смысловой организации художественного текста / С. Д. Никулина. – Оренбург, 2012. – 30 с.
10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : около 100000 слов / С. И. Ожегов ; ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Изд-во ИТИ Технологии, 2008. – 896 с.
11. Повтор и его функции в тексте / Инесса Юрьевна Ковальчук. – Пятигорск, 2004. – 148 с.
12. Шатобриан, Франсуа-Рене де. Замогильные записки : пер. с фр. / Ф. Р. Де Шатобриан. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 734 с.
13. BBC News // Instagram.com : [сайт]. – Сан-Франциско, 2010. – URL : <https://www.instagram.com/bbcnews/> (дата обращения 26.12.2022). – Текст : электронный.
14. Ukraine.ua // Instagram.com : [сайт]. – Сан-Франциско, 2010. – URL : <https://www.instagram.com/ukraine.ua/> (дата обращения 26.12.2022). – Текст : электронный.
15. United24.media // Instagram.com : [сайт]. – Сан-Франциско, 2010. – URL : <https://www.instagram.com/united24.media/> (дата обращения 26.12.2022). – Текст : электронный.

АННОТАЦИЯ

Малахов Р. С. Лексические повторы как средство ритмической организации текстов манипулятивных публикаций в социальных сетях

В данной работе рассматриваются лексические повторы как средство ритмической организации текстов суггестивных публикаций. В результате выделяются такие средства, как: намеренная тавтология, антонимы, синонимы, стилистически маркированная лексика и нейтральная лексика в контактном, дистантном и частичном видах повторов.

Ключевые слова: лексические повторы, ритм, антонимы, синонимы, суггестивный, плеоназм, тавтология.

SUMMARY

Malakhov R. S. Lexical repetitions as a means of rhythmic organization of texts of manipulative publications in social networks

This paper considers lexical repetitions as a means of rhythmic organization of texts of suggestive publications. As a result, such means as: deliberate tautology, antonyms, synonyms, stylistically marked lexical units and neutral vocabulary in contact, distance and partial types of repetition are singled out.

Key words: lexical repetition, rhythm, antonyms, synonyms, suggestive, pleonasm, tautology.

*А. В. Понкратенкова
(г. Луганск, РФ)*

УДК 808.56

ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВОГО ЖАНРА «СЕМЕЙНАЯ БЕСЕДА»

Семья – одна из важнейших сфер формирования личности. Посредством внутрисемейной коммуникации передаются социальные навыки, культурные ценности и нравственные принципы. Семейная коммуникация, характеризующаяся постоянным набором партнёров, ситуаций общения и реализацией различных коммуникативных целей, являющихся жанрообразующими критериями, – неотъемлемая часть повседневности.

Учитывая типологию речевых жанров (далее – РЖ) семейного дискурса, основанную на уровнях эмоциональной связи коммуникантов (фатическое общение), мы выделяем РЖ «семейная беседа». Этот РЖ относим к информативным РЖ (по типам коммуникативных целей модели РЖ Т.В. Шмелёвой), улучшающим отношения коммуникантов (согласно концепции В.В. Дементьева).

Так, Я.Т. Рытникова, опираясь на «лингвокультурологические наблюдения» В.В. Колесова, разграничивает понятия «беседа» и «разговор». «Беседовать, собственно, неторопливо обмениваться мыслями, как сказано в народной песне: «во пиру ли, во беседушке», обычно в собрании себе равных, но при этом обязательно во множестве лиц, из которых каждый может высказаться» [4, с. 59], в то время как разговор представляет собой бытовой диалог, в котором говорящих интересует исключительно информативная сторона их общения. «Беседа и разговор различаются исторически и различаются в корне как

средоточие русского традиционного идеала речевого поведения и поведение, унифицированное и неглубокое, со стертой национальной спецификой» [4, с. 60].

В «Полном словаре лингвистических терминов» под ред. Т.В. Матвеевой приводится такое определение термина семейная беседа: «Беседа семейная – жанровая разновидность беседы разговорной, а именно: разговорная беседа в семейном кругу, направленная на поддержание теплой домашней атмосферы общения, передачу социально-культурного опыта от старших к младшим, корректировку миропонимания, выработку взаимопонимания. (...) Композиционные отличия БС от других видов разговорной беседы несущественны. Тематическая специфика состоит в том, что помимо общеинтересных значительное место занимают закрытые для чужих темы личной жизни, бытовых и нравственных семейных проблем, темы воспитательного характера» [3, с. 42].

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова в монографии «Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект» ссылаются на семантические различия разговора и беседы, выделенные И.Б. Левотиной: длина и темп (беседа не должна быть слишком краткой и торопливой); характер отношений между ПК (в беседе отмечается тенденция к уравниванию ролей); характер «смысловых акцентов», т. е. цели коммуникации (главное в разговоре – содержание общения, в беседе главное – само общение). Так, авторы подчеркивают, что у разговора и беседы «разные сферы общения» – фатическое и нефатическое [1, с. 260].

Мы относим оба жанра к фатическому общению, так как в семье практически все коммуникативные акты сопряжены с эмоциональным взаимодействием, но именно уровень эмоциональной связи различает семейную беседу (общение, улучшающее отношения коммуникантов) и бытовой разговор (общение, поддерживающее отношения коммуникантов).

Я.Т. Рытникова также подчёркивает различие этих РЖ. «В отличие от жанрового типа бытового разговора, беседу как жанровый тип повседневного общения формирует установка на информативно-фатическое (при фатической доминанте) гедонистическое межличностное общение. И здесь действительно не все рационально и зачастую развивается по внутренней логике жанра, дело в том, что беседа есть воплощенное общение, его качество» [4, с. 63]. «Беседа удается при общности межличностного, социально-группового, национально-культурного опыта или желания получить такой опыт, и степень близости говорящих имеет в ней колоссальное значение» [4, с. 65].

Основываясь на приведенных выше значениях термина *семейной беседы*, мы можем определить РЖ «семейная беседа» как общение в кругу близких родственников (членов одной семьи), в котором основополагающим фактором является эмоциональная составляющая. Так, во время семейной беседы важно проявление участия, сочувствия, интереса к жизни членов семьи, обмен жизненным опытом и переживаниями.

Учитывая, что участники семейной беседы хорошо знакомы, тематическая организация таких бесед достаточно разнообразна: обсуждение событий прошедшего дня, семейных проблем (небытового характера), планов на будущее (цели и мечты) и обмен мнениями по различным вопросам. Исключением являются табуированные (запретные) темы, известные всем участникам семейной коммуникации.

Отметим, что основной формой реализации семейной беседы выступает диалог, но также в семейной коммуникации довольно часто встречается полилог – «открытая семейная беседа» [3, с. 42].

Я.Т. Рытникова также разделяет семейную беседу на два вида («субжанра») – открытая семейная беседа (полилог) и интимный диалог. Первый вид семейной беседы обычно отражает ситуацию «вся семья в сборе», (обед, праздничное застолье), в таких беседах могут участвовать не только родственники, но и друзья. Исследователь указывает на возможную неоднородность обсуждаемых тем (что оправдано количеством участников такой беседы), присутствие определенной «борьба социальных и индивидуальных интенций» [4, с. 79-80]. Для второго вида семейной беседы характерна определенная «исповедальность», желание выговориться, такие диалоги отличаются наличием «Я-темы» и часто превращаются в монологи [4, с. 78].

Поскольку в нашем исследовании мы не обращаемся к понятию субжанра, будем рассматривать открытую семейную беседу и интимный диалог в качестве видов РЖ «семейная беседа».

Проанализируем пример открытой семейной беседы (три собеседника).

1: – Т., они так сильно кашляют! Может / парафином прогреть // Или картошкой? Ты слышишь? 2: Слышу / мам // Ну что я сделаю? Вон сироп не помогает! Не знаю // То один / то другой. 3: Я ж сегодня купила те капли / попробуем / может / они помогут // 1: Это ж ужас! И откуда оно взялось? 3: Ну откуда? Все болеют // У меня вон вообще последний раз полгруппы и одной / и другой не было – все болеют // Сначала мы / теперь они //.

В этой беседе репликой-акцией, задающей тему беседы, является замечание собеседника 1, который выбирает тактику

констатации, возможно, даже утрирования, подчеркивая при помощи наречия так ('в такой степени, до такой степени, настолько' [2, с. 1303]) силу и серьезность кашля. Тактика предложения, на что указывает лексема может: предлагаются народные средства лечения (парафином прогреть // Или картошкой?), которые также реализуют функцию передачи жизненного опыта в пределах семейной беседы. Тактика вопроса (ты слышишь?) используется коммуникантом для привлечения внимания собеседника, провоцирует реплику-реакцию. Собеседник 2 выбирает тактику согласия (слышу), после чего переходит на стратегию конфронтации, выраженную риторическим вопросом (что я сделаю?) и возвращается к стратегии кооперации – выбирает тактику оправдания, указывает на то, что лекарства не справляются (сироп не помогает), и подчеркивает длительность болезни детей (при помощи союза то, перечисляя чередующуюся болезнь детей). Собеседник 3 поддерживает стратегию кооперации, использует тактику предположения для возможного решения проблемы (купила капли, может, они помогут). Здесь также видим тактику объединения (против общей проблемы) – употребление глагола 1 л. множ. ч. попробуем. Далее собеседник 1 задает риторический вопрос (откуда оно взялось?), что можно расценивать как тактику ухода от конфликта с собеседником 2. Собеседник 3 использует тактику обобщения, что выражается в двукратном использовании лексемы все ('те, кто (что) есть, в полном составе, без исключения' [2, с. 158]), а также приводит дополнительные факты (не было полгруппы). Таким образом, в приведённой открытой семейной беседе основной является стратегия кооперации, но, несмотря на высокий уровень фатичности беседы (всех членов семьи волнует здоровье детей), мы видим, что в определенный момент один из участников коммуникации выбирает стратегию конфронтации, которую можем рассматривать как вербализацию защитной реакции. В следующей реплике этот же собеседник возвращается к стратегии гармонизации (кооперации) общения, его партнеры коммуникации придерживаются стратегии кооперации на протяжении всей беседы, что выражается в избранных ими коммуникативных тактиках.

Примером интимного диалога может служить беседа двух сестер:

1: Представь, что сегодня. Пишет мне И. Ну, помнишь, я тебе рассказывала про него? Он нас ещё подвёз, когда мы в парк ехали тогда с Ю. и Л. 2: А / да... 1: Вот // Он мне пишет... А мы вообще только так общались / то в маршрутке встретимся / то ещё где // По десять минут // А тут пишет / что он ранен был // Говорит... В общем / замуж звать стал // Представь! 2: Вот это

да! Человек такое пережил / решил / что хочет семью именно с тобой создать! 1: Ага // Говорит / давай детям имена выберем! (смеется) 2: Ма / (общается к входящей матери – собеседник 2) ты слышала / её вот замуж зовут! 3: Не / не говорила // А кто это? 1: Та один там // Уже готов детям имена выбирать!

Так, интимная доверительная беседа превращается в семейный полилог при содействии одного из участников беседы и при желании и достаточном уровне доверия между всеми собеседниками. Все участники коммуникативного акта используют стратегию кооперации, улучшая отношения с собеседниками. Здесь мы видим, как собеседник 1 делится переживанием – событием, которое удивило, апеллирует к воображению своего собеседника, использует тактику побуждения (побудительные предложения – форма императива, непосредственно ориентированная на собеседника [5, с. 237]: «Представь!», хочет удостовериться, что собеседнику знаком (даже опосредованно) предмет беседы: помнишь? Также 1 при помощи тактики иронии показывает своё отношение к теме беседы, указывая на парадоксальность предложения (выбирать имена детей), что подтверждается экстралингвистическими средствами – смехом. Собеседник 2 выбирает тактику согласия и поддержки, в том числе и эмоциональной, также выражает удивление (вот это да!) и предполагает серьёзность намерений объекта беседы посредством объяснения его мотивов (он пережил – ‘прожить, просуществовать во время к.-либо важных событий, подвергаясь опасности быть уничтоженным или перенеся тяготы жизни’ [2, с. 802]). Также собеседник 2 использует тактику вопроса (реплика-акция), вовлекает в беседу третьего собеседника, который демонстрирует тактику заинтересованности, выражая её вопросом (кто это? – реплика-реакция), адресованным обоим адресатам. Собеседник 1 поддерживает участие 3 в беседе (отвечает на вопрос), что является важным, так как именно 1 является инициатором этой семейной беседы.

В данной семейной беседе все собеседники понимают необычность обсуждаемого события, но серьёзность темы вызывает желание обсудить её с членами семьи.

Мы видим, что в семейных беседах на первом плане эмоциональная поддержка, а не информативная составляющая. Именно тема беседы является основным показателем того, что данный разговор улучшает отношения коммуникантов: их тревожат общие важные темы – будь то болезнь детей или замужество сестры / дочери (даже если в обсуждении присутствует определенная ирония).

Важно отметить, что приведенные примеры семейных бесед являются фрагментами довольно продолжительной семейной коммуникации. В таких коммуникативных актах, безусловно, постепенно, с развитием беседы у собеседников могут меняться целестановки и, соответственно, уровень эмоциональной связи. Поскольку эти признаки для нас являются основополагающими в типологии РЖ семейного дискурса, мы можем рассматривать несколько РЖ в пределах одного коммуникативного акта – так образуются «осколки жанров» (согласно термину А.Н. Байкуловой).

Таким образом, на основании вышесказанного делаем вывод: РЖ «семейная беседа» является одним из основных жанров семейного дискурса, служащим для обмена новостями, переживаниями, передачи жизненного опыта или поддержки членов семьи, что, бесспорно, способствует улучшению отношений коммуникантов. Дальнейшее описание других РЖ семейного дискурса, по нашему мнению, является перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М., 1999. – 396 с.
2. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1535 с. – ISBN 5-7711-0015-3.
3. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В.Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562, [1] с. – (Словари).
4. Рытникова Я.Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Я.Т. Рытникова; Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 1996. – 204 с.
5. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык [Электронный ресурс]: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др.; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – Т. 2. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 814 с.

АННОТАЦИЯ

Понкратенкова А. В. Характеристика речевого жанра «семейная беседа»

В статье рассматриваются особенности речевого жанра «семейная беседа», его отличия от речевого жанра «бытовой

разговор». Выполнен анализ стратегий и тактик, а также языковых средств, при помощи которых они реализуются.

Ключевые слова: речевой жанр, семейная беседа, бытовой разговор, стратегии и тактики.

SUMMARY

Ponkratenkova A. V. Characteristics of the speech genre “Family Conversation”

The article discusses the features of the speech genre of family conversation, its differences from the speech genre of everyday conversation. The analysis of strategies and tactics, as well as the language means by which they are implemented, is carried out.

Key words: speech genre, family conversation, everyday conversation, strategies and tactics.

*А. В. Пивень
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81’373.21(075)

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ГОДОНИМИИ И ЕЁ МЕСТЕ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Ономастика как важное направление лингвистики занимается изучением языковых единиц, хранящих культурный код нации. Данная область исследования направлена на анализ и систематизацию фактов о возникновении, развитии и функционировании различных классов имён собственных [9, с. 97]. Изучением ономастики занимаются многие отечественные и зарубежные лингвисты. Об этом свидетельствуют работы А. Ю. Асанова, Е. Л. Березовича, В. Д. Бондалетова, И. А. Герасименко, Н. Ю. Забелина, Л. В. Егоровой, В. М. Калинкина, А. М. Мезенко, В. А. Никонова, А. В. Суперанской, В. И. Супруна, В. Н. Топорова, Н. В. Подольской, П. Рэне, В. Тащицкого, Т. В. Шмелёвой и многих других. Их исследования служат теоретическим фундаментом для изучения широкого круга вопросов в сфере происхождения и функционирования имён собственных.

Целью данной работы является описание терминологического аппарата топонимии и определении места топонимов в ономастической системе языка.

В настоящее время особое внимание уделяется изучению топонимики. По мнению В. А. Никонова, топонимика является важным свидетелем прошлого, отображённого в культуре

и менталитете живших ранее людей [7, с. 13]. Топонимика представляет собой раздел ономастики, развивающийся на стыке истории, географии и лингвистики. Топонимика изучает различные топонимические классы, среди которых важное место принадлежит **урбанонимам** (урбонимам). **Урбаноним** (урбоним) – «вид топонима, собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе огороним, годоним, название отдельного здания, хороним городской» (определение Н. В. Подольской) [9, с. 154]. А. В. Суперанская в «Общей теории имени собственного» отмечает, что для номинации отдельного элемента ономастической системы «целесообразно принять особый термин – урбанонимы» [13, с. 187]. Считается, что годоним является одним из подклассов урбанонима. По определению Н. В. Подольской, **годоним** – это «вид урбанонима; название линейного адресного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [9, с. 50-51].

Стоит отметить, что в лингвистической литературе уже существует группа терминов, связанных с названиями линейных адресных объектов и их репрезентированием в ономастической системе языка. Например, **годонимия** представляет собой одну из разновидностей городской топонимии и определяется как совокупность имён улиц внутригородского пространства [9, с. 52]. Придерживаясь мнения Н. В. Подольской, Т. В. Жеребило в статье «Фрагмент «Словаря ономастических терминов»» указывает, что **годонимия** – это «совокупность годонимов – составная часть лингвистического и исторического портрета города» [3, с. 57]. Целесообразно отметить, что во «Фрагменте «Словаря ономастических терминов»» представлены такие понятия, как годонимика, годонимикон, годонимист, годонимизация. **Годонимика**, по мнению Т. В. Жеребило, представляет собой «раздел науки или учебной дисциплины, изучающей годонимы» [3, с. 57]. **Годонимист** – это «учёный, исследователь, специалист высшей квалификации, изучающий годонимы» [3, с. 57]. **Годонимиконом** автор называет «реестр, список, включающий годонимы» [3, с. 57]. В условиях стремительного развития годонимии актуальным и важным для изучения линейных адресных объектов является термин **годонимизация**, под которым подразумевают «процесс образования лексических единиц, обозначающих объекты, названные производимым термином «годонимы»» [3, с. 57]. Вышеперечисленные термины, связанные с годонимией, по нашему мнению, наиболее полно отображают специфику изучения данного класса топонимики.

Целесообразно отметить, что первоначально для наименования линейных адресных объектов учёные использовали описательные термины. Например: *названия улиц и площадей* (В. А. Никонов), *городская топонимия или топонимика* (К. С. Горбачевич, М. В. Горбаневский, Е. А. Левашов), *топонимическая система города* (А. В. Суперанская) и др. Впервые употреблять термин **урбаноним** начала Н. В. Подольская. В свою очередь, В. И. Супрун указывает на тот факт, что годонимы являются главными объектами наименования пространственной среды для жизни и деятельности человека [14, с. 95]. В связи с расширением территории городов или освоением новых земель изменяется топография города. По этой причине изучается проблема упорядочения, создания и/или выбора собственных имён для объектов городского пространства, поскольку от выбора имени линейного адресного объекта зависит языковой имидж города. Как справедливо полагает В. И. Супрун, для улицы и площади определены свои характерные особенности: для улицы – особенность в идее проезда или прохода между несколькими домами с возможностью проезда между ними; для площади характерной особенностью является идея незастроенного пространства [14, с. 845, 1383].

В современной ономастике существует несколько точек зрения относительно объёма понятия «годоним». Одни учёные считают, что **годонимы** – это номинации различных линейных адресных объектов, в том числе улиц, переулков, проспектов и др. (А. Ю. Асанов, И. Б. Горланова, Н. Ю. Забелин, Н. В. Подольская и др.). Другие исследователи к годонимам относят наименования линейных адресных объектов, расположенных только в черте города (С. Д. Ганова, Т. А. Голикова, Т. В. Шмелёва и др.). В свою очередь, представители третьей точки зрения трактуют термин **годоним** как название линейного адресного объекта, расположенного и в городе, и в населённом пункте сельского типа (для наименования единицы данного рода ранее использовался термин **виконим**). Такого мнения в своих работах придерживаются В. А. Бакутов, Е. А. Лукьянова, Л. Г. Рябова и др. Обобщая различные подходы учёных к толкованию термина **годоним**, мы, вслед за В. А. Бакутовым, Е. А. Лукьяновой и Л. Г. Рябовой, считаем, что **годоним** – это наименование линейного адресного объекта, в том числе улицы, переулка, набережной, проспекта, площади, трассы, расположенное как в городе, так и за его пределами (об этом см., например, работу Л. Г. Рябовой «Имя улицы: прошлое и настоящее (из материала годонимов)» [10]).

В настоящее время учёные занимаются классифицированием наименований линейных адресных объектов современных

городов. Например, структурно-грамматические свойства топонимов описаны в работах Н. Ю. Забелина, Л. В. Егоровой, А. М. Мезенко, А. В. Суперанской и других ономастов. Работы Ю. О. Карпенко, Н. Б. Мечковской, А. Ю. Полевой посвящены рассмотрению вопроса лексико-семантических способов топонимизации, отображённых в топонимии современного города [8]. Стоит отметить, что актуальными являются исследования тематических групп линейных адресных объектов. Изучением данного вопроса занимаются Е. П. Багирова, Э. О. Гаврикова, Е. И. Иванова, Ю. А. Качалкова, Е. С. Рябцева и др. Практическую значимость имеют работы, в которых учёные предлагают сопоставительный анализ топонимикона двух городов. Такие исследования предприняты Ю. А. Асановым, Н. В. Давлеткуловой, Н. Ю. Забелиным, Л. В. Егоровой, А. М. Мезенко и др. Немаловажное место принадлежит исследованиям, которые связаны с ретроспективным подходом и определением способов номинации топонимов. Данным вопросом занимаются Д. Ю. Ильин, Ю. А. Качалкова, Е. М. Поспелов, М. Э. Рут, Е. А. Терентьев и др.

В работах ономастов отмечается, что топонимия – это самый подвижный и изменяемый пласт онимной лексики. В данных наименованиях заложены специфические черты, отображающие идеи национальной культуры и хранящие информацию о традициях и устоях народа, своеобразии менталитета и особенностях миропонимания языкового сообщества. Исходя из этого, представляет интерес вопрос о причинах выбора того или иного наименования линейного адресного объекта. По мнению М. В. Голомидовой, языковой портрет современного города зависит от того, насколько сбалансированным, стратегически правильным и обоснованным будет решение о наименовании или переименовании данного объекта. Автор работы указывает, что «принятие решений о присвоении либо изменении названий улиц [...] входит в зону ответственности правовых полномочий органов местного самоуправления. Алгоритм осуществления практической деятельности известен и хорошо отработан» [3, с. 188]. Автор считает, что в соответствии с алгоритмом наименования и переименования линейного адресного объекта должен быть создан специальный комитет, в состав которого входили бы представители управленческого аппарата, сотрудники городских служб, а также лингвисты, краеведы, историки и специалисты по архитектуре. По решению коллективного обсуждения должны разрабатываться различные нормативные документы о принципах наименования линейного адресного объекта. Автор статьи также указывает на тот факт, что общие

требования к наименованию подобных объектов должны быть регламентированы законом. В частности, М. В. Голомидова приводит пример Закона города Москвы от 8 октября 1997 г. «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена», в котором прописаны базовые требования к наименованию линейного адресного объекта [4, с. 188]. В список требований входит соответствие словообразовательным, произносительным и стилистическим нормам современного русского языка. Критерием для номинации также является краткость, легконазываемость, благозвучность будущего наименования; соответствие историческим, географическим и градостроительным особенностям, а также особенностям ландшафта города [4].

Итак, топонимия занимает важное место в ономастической системе языка, так как в именах городского пространства зафиксирована важная для общества культурная информация, хранящая сведения об истории и традициях родного края и страны. В данных языковых знаках репрезентирован культурный код нации. Изучение топонимов способствует выявлению социально-политических, культурных, социоэтнических особенностей не только отдельного населённого пункта, но и страны в целом. При исследовании имён линейных адресных объектов целесообразно учитывать терминологический аппарат, связанный с топонимией, благодаря которому можно более чётко описывать анализируемые номинации.

Данное исследование не является исчерпывающим. Перспективой дальнейшей работы считаем рассмотрение тематических групп топонимов современной Горловки, основанное на представленном выше терминологическом аппарате.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Текст : электронный // search.rsl.ru : сайт. – URL : <https://search.rsl.ru/ru/record/01000580829> (дата обращения: 28.05.2022).
2. Голомидова М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы / М. В. Голомидова. – Вопросы ономастики. – Т. 15. – № 3. – 2018. – С. 36 – 61.
3. Жеребило Т. В. Фрагмент «Словаря ономастических терминов» / Т. В. Жеребило. - Текст : электронный // elibrary.ru: сайт. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28123837> (дата обращения: 06.06.2022).

4. Закон города Москвы. О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы от 8.10.1997 г. – Текст : электронный // <https://docs.cntd.ru> : официальный сайт. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/8305930> (дата обращения: 28.05.2022).
5. Кунакужина Л. М. Топонимы в языковой системе : дис. на соискание канд. филол. наук : 10.02.20. – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Л. М. Кунакужина. – Уфа, 2003. – 168 с.
6. Никитина Т. Г. Городской топонимикон: уникальное и универсальное (на материале г. Пскова) / Т. Г. Никитина. – Грамота. – Псков, 2017. – С. 128 – 130.
7. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1965. – 180 с.
8. Пивень А. В. Лексико-семантические способы ономообразования, отображённые в годонимии современной Горловки / А. В. Пивень // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: сб. науч. тр. по материалам VI Междун. научно-практ. конф. – Пенза : Изд-во Пензенский государственный университет, 2022. – С. 347 – 350.
9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
10. Рябова Л. Г. Имя улицы: прошлое и настоящее (из материала годонимов) / Л. Г. Рябова // Время в социальном, культурном и языковом измерении. – Иркутск, 2004. – С. 121 – 127.
11. Скуридина С. А. Современные ономастические школы : от Воронежа до Иркутска / С. А. Скуридина // Научный Вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. – 2015. – №3(17). – С. 41 – 45.
12. Соловьев А. Н. Урбаноним как ономастический термин: постановка проблемы / А. Н. Соловьев // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. – 2018. – Т. 25. – С. 198 – 203.
13. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
14. Супрун В. И. Возникновение урбанонимического пространства и его формирование в античном мире / В. И. Супрун // Известия ВГПУ. Филологические науки. Языкознание. – 2015. – №6 (101). – С. 95 – 100.
15. Шмелева Т. В. Имена городского пространства Великого Новгорода в зеркале трех описаний / Т. В. Шмелева // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – Ч. 1. – № 83. – С. 106 – 110.

АННОТАЦИЯ

Пивень А. В. К вопросу о терминологическом аппарате топонимии и её месте в ономастической системе языка

В работе рассматривается топонимия как один из классов топонимов ономастической системы языка, проанализирован объём понятия, дано толкование терминов урбаноним, годоним, топонимия, топонимика. Определено, что топоним – термин, употребляемый для называния определённых адресных линейных объектов, расположенных как на территории города, так и за его пределами.

Ключевые слова: ономастика, топонимическая система города, урбаноним, топоним, топонимия, топонимика, линейный адресный объект, номинация.

SUMMARY

Piven A. V. To the issue of toponymy terminology and place of toponyms in the onomastic system of language

Toponymy is thought of as one of toponymy class of the onomastic system of language. Scope of the concept and such terms as urbanonym, toponym, toponymy, toponymics have been analysed. Toponym has been determined to be a term adopted to name certain address linear objects located both on the territory of city and outside it.

Key words: onomastics, toponymic system of city, urbanonym, toponym, toponymy, toponymics, linear address object, naming.

*В. Ю. Светличная
(г. Донецк, РФ)*

УДК 659.1

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ В ТЕКСТАХ КОММЕРЧЕСКОЙ ТЕЛЕРЕКЛАМЫ

Реклама является неотъемлемой частью жизни современного общества. Она вызывает интерес не только у целевой аудитории, но и, будучи явлением многоаспектным, привлекает внимание специалистов различных областей человеческой деятельности: экономической, юридической, социологической, культурологической, психологической, эстетической. Широкий диапазон выполняемых рекламой коммуникативных и когнитивных функций делает её важным многогранным объектом лингвокультурологических исследований. Российские и зарубежные учёные рассматривают саму рекламу и рекламные

тексты как с позиций маркетинга и рекламной деятельности, так и со стороны функционально-стилистических особенностей языка. Внимание лингвистов привлекает функционально-стилевой статус рекламных текстов (М. Н. Максеева, А. В. Резенков), композиционная структура рекламного сообщения (Н. И. Клушина, Л. Г. Фещенко, Ю. В. Шатин), его лингвокультурологические особенности (Е. П. Гаран, В. В. Добросельский, С. Н. Должникова, Е. Ю. Жданова, К. А. Ключко, Ю. М. Сторожук и др.), а также игровой аспект рекламных текстов в современном русском языковом пространстве (Л. П. Амри, С. В. Ильясова, Е. Б. Курганова). Большой интерес вызывают проблемы речевого воздействия и манипулирования в процессе передачи рекламной информации (Е. Н. Басовская, П. Н. Махнин, Е. В. Медведева, Н. А. Остроушко, Е. С. Попова, Л. И. Рюмшина).

Основные функции рекламы определяются спецификой рекламируемого объекта. Например, коммерческая реклама товаров/услуг определяет основной задачей побуждение потребителя к покупке товара; корпоративная (реклама престижа, имиджевая) направлена на создание благоприятного имиджа, повышение репутации, известности фирмы; социальная реклама способствует формированию и внедрению в сознание людей идейных ценностей конкретного общества, рассчитана на пропаганду общечеловеческих ценностей; политическая (предвыборная) реклама призвана устанавливать контакт между основной массой населения и носителями власти или претендентами на места во властных структурах. Однако, «независимо от конкретной целевой установки (связанной, прежде всего, со спецификой рекламируемого объекта) рекламные тексты объединяет то, что они реализуют функцию воздействия» [6]. Таким образом, в рекламном тексте, имеющем прагматическую направленность, используются разнообразные вербальные средства как способы воплощения определённых интенций. Не вызывает сомнения тот факт, что речевая избыточность, выполняя те или иные функции в рекламном тексте, вносит значимый вклад в эффективное функционирование рекламы в целом.

Нередко в лингвистических работах, когда речь идёт об избыточности какой-либо составляющей, появляется оценочный компонент, подразумевающий наличие лишнего, ненужного элемента (имеется в виду контекстуальная избыточность, т.к. грамматическая избыточность приобретает статус термина и используется вне оценочных характеристик). Понимание и определение избыточности, которое несёт оценочные суждения,

представляется нам объективным и оправданным только в тех случаях, когда дублирующий компонент в качестве ошибки препятствует адекватному декодированию сообщения, является дефектом и используется неосознанно. В остальных случаях избыточность, выполняя основные функции и применяясь в языке как норма, имеет право на приобретение статуса термина и использование вне оценочных категорий. Под контекстуальной избыточностью понимаем повторение информации (необязательной в грамматическом смысле), которая состоит в воспроизведении идентичных элементов и мотивирована социально-лингвистическими и психоллингвистическими факторами [1, с. 9].

Интерес к явлению избыточности наметился в результате изучения экономии языковых средств. Однако не всегда эти явления воспринимаются как полярные. Лингвистами отмечается и тот факт, что основной целью избыточности является создание наиболее экономных средств передачи сообщения [2, с. 184], т.к., будучи средством уменьшения семантических помех, она отвечает требованию точности передаваемой и получаемой информации и тем самым соответствует принципу экономии [4, с. 170]. Так, в телерекламе знаменитого бренда Old Spice, производящего товары для мужчин, звучит фраза: *«Женщины не любят, когда ты давишь на себя их женские гели»*. Таким дублированием содержания компонентов на лексико-семантическом уровне авторы рекламного ролика подчеркнули, что женщинам не нравится не то, что мужчины пользуются их гелями для душа, а то, что эти гели женские, с женским запахом. Далее эта мысль подтверждается: *«Они любят мужичайший аромат Old Spice»*, где употребление суффикса –айш не только придаёт прилагательному *значение* превосходной степени проявления качества мужественности, но и выражает главную концепцию бренда. Тавтология в данном случае использована с целью экономии речевых средств при передаче сообщения.

Первостепенную роль в воздействии на потенциального потребителя товара или услуги играет речевая избыточность, выполняя функцию привлечения внимания аудитории с целью фиксирования в сознании реципиента значимых элементов рекламы. Анализ текстов коммерческой телерекламы показал, что наиболее частотным видом речевой избыточности в таких роликах является повтор. Как правило, это название рекламируемого товара, фирмы (бренда, марки), производящей товар или предоставляющей услугу.

Наиболее значимые для образа рекламы и необходимые для адресата характеристики товара располагаются по сильным

позициям текста (это заголовок, зачин, концовка, слоган, эофраза, первые предложения строф). Использование речевой избыточности в виде повтора в пределах одной композиционной части или на стыке двух составляющих рекламного текста является достаточно эффективным приёмом, позволяющим остановиться на важных (значимых) моментах рекламы и зафиксировать их в сознании реципиента. Приведём примеры для иллюстрации сказанного. *«Готов на всё, чтобы получить максимум свежести? Даже на самые экстремальные меры? Расслабься и открой «7up»! / «7up»! До свежести один глоток!»*. В данном случае повтор названия бренда газированного напитка располагается на стыке мотивационной части рекламы и эофразы. Выполнение функции привлечения внимания с целью закрепления информации о рекламируемой продукции (услуге, фирме, бренде) возможно при использовании повтора на границе зачина и информационного блока: *«Ещё час назад муж жаловался на боль в спине. Он не мог ни согнуться, ни что-нибудь поднять. Однако... / Он попробовал «Вольтарен» эмульгель. / «Вольтарен» эмульгель с тройным действием помогает, быстро снимая боль, сокращая воспаление и ускоряя процесс выздоровления. / «Вольтарен» - свобода движения»*.

Для достижения коммерческой цели создатели рекламного текста учитывают не только неисчерпаемые возможности языка, оптимальную композиционную структуру рекламного сообщения, но и психологию воздействия на получателя рекламы, психологию восприятия рекламного текста. Для влияния на целевую аудиторию в рекламных текстах активно используется языковое манипулирование, связанное с социальной установкой человека на общественное мнение, самооценку, самоутверждение, успешность и лидерство. Немаловажную роль в осуществлении речевого воздействия на потребителя в рекламных текстах играет контекстуальная избыточность. Например, использование в рекламе макаронной продукции слова первый подталкивает реципиента к выводу о том, что, употребляя макаронные изделия этой фирмы, можно достичь успеха во всех сферах жизни, т.к. это лучшие макароны, созданные для лучших. Многократное повторение этого слова в составе лексической анафоры значительно усиливает эффект языкового манипулирования: *«Для первых в труде, / для первых в игре. / Для первых свиданий и первых признаний. / Для первых по кудряшкам и / первых по волнам. / Для первых на поворотах / и первых на выражах. / «Макфа». / Первые для первых!»*.

«Эксплицируя в рекламном сообщении тот или иной образ, реклама одновременно эксплицирует определённый

образ жизни потенциального потребителя рекламируемого товара, при этом реклама, чтобы быть успешной, должна ориентироваться на то, что является частью жизни аудитории, на то, что этой аудитории близко и понятно» [3, с. 8]. Создатели рекламных текстов используют различные лингвистические и экстралингвистические средства трансформации продукции в некий образ, который становится в сознании покупателей неотъемлемым от фактических сведений о рекламируемом товаре и/или его качествах. Создание такого образа возможно путём построения ассоциативных связей, которые целиком определяются контекстом. Например, в рекламе чая «Принцесса Нури» ассоциативная связь создаётся посредством использования повтора: *«Мы не просто страна. Мы люди. Живём по соседству и всегда готовы делиться друг с другом **теплом**. / Чай «Принцесса Нури». / **Тепло**, которое нас объединяет»*. В данном случае акцент делается на чувствах поддержки, участия, ощущения тепла (душевного), которые благодаря повтору ассоциируются с тёплым (в физическом смысле) чаем. Реципиент, объединяя эти два состояния на подсознательном уровне, видит их возможными для себя уже осмысленно приобретает предлагаемый товар. Также в сознание адресата, помимо его желания, входят и ассоциации, построенные на фонетической избыточности. Например, услышав слоган сети ресторанов *«Good city. **Сытый** город – **добрый** город»*, у реципиента возникает ассоциативная цепочка *«Хочешь быть сытым, обращайся в Good city»*. Способствуя созданию ассоциативного ряда, речевая избыточность помогает рекламе «работать» даже тогда, когда сам рекламный ролик забывается, т.к. в сознании реципиента остаётся профессионально внушённый образ, связанный с конкретным товаром.

Зачастую рекламодатель пытается создать некий образ, который формирует конкретное представление о рекламируемом предмете и как следствие – вызывает определённые чувства, подталкивающие потребителя к приобретению товара или услуги. Также рекламодатель стремится в предлагаемом товаре /услуге выделить такие качества, которые могли бы стать для потребителя причиной приобретения. Этому способствует речевая избыточность, выполняя функцию эмфатизации (выделения, подчеркивания) слов и образов с повышенной рекламной ценностью. В обзорном рекламном ролике магазина *«Магнит семейный»*, утверждается, что в гонке за покупателями в мире розничной торговли победят те, кто «сделает пространство магазина не только технологичным и продуманным до мелочей, но и уютным. Таким уютным, но в то же время современным магазином сегодня стал «Магнит Семейный». В данном примере,

мы видим, как с помощью повтора ключевого слова создаётся образ магазина, домашнего, удобного, «доброжелательного». Это также способствует формированию позитивного отношения к рекламируемому объекту, повышая тем самым активное поведение потребителей. Часто выделению, подчёркиванию значимых элементов способствует языковая игра. *«В колбасе **«Вязанка»** всё связано. Вкус мясной без жгучих специй. Натурально, сытно и вкусно».* В данном случае тавтология помогает акцентировать внимание целевой аудитории на том, что в рекламируемой продукции гармонично объединены («связаны») мягкие приправы, отборные ингредиенты с натуральным мясным вкусом. В итоге реклама подталкивает потенциального покупателя сделать выбор в пользу разрекламированного таким образом продукта.

Зачастую создатели рекламного текста избегают прямого описания предмета рекламы либо его свойств, характеристик и достоинств. В таких телевизионных роликах в процессе создания конкретно-чувственного образа особенно важной является взаимосвязь внутри рекламного сообщения между его вербальными, визуальными и звуковыми компонентами. *«Сыр... сыр... ммм... сыр... Такой вкусный, такой натуральный. Сыровары «Good city» варят моцареллу, качотту, кочокавалло, бурато, чтобы каждое блюдо и ваше настроение оставались простовеликолепными. «Goodcity». Сытый город – добрый город».* В данном примере троекратное повторение слова (геминация) активизирует в дополнение к визуальному восприятию вкусовые и обонятельные впечатления о предлагаемом продукте. А повторение в следующем предложении слова такой создаёт ощущение уникальности и исключительности продукта. Всё это в сочетании с видеорядом и интонацией произносимого текста создаёт яркий конкретно-чувственный образ рекламируемого товара.

Говоря о наиболее важных функциях современной российской рекламы, наряду с экономической, маркетинговой, коммуникативной, выделяют и социальную функцию. Реклама, вызывая к потребительским инстинктам потенциальных клиентов, способствует формированию и внедрению в сознание людей идейных ценностей данного общества, оказывает определённое влияние на изменение социального поведения, побуждает целевую аудиторию к повышению своего уровня, способствует приобщению к одним и тем же социальным ценностям, нормам, стереотипам [5]. В условиях пандемии коронавируса 2019-2020 годов с целью формирования ответственного отношения к выполнению требований, способствующих сохранению здоровья, множеством фирм и торговых марок создаются

ролики, в которых, помимо собственно рекламирования того или иного товара/услуги (бренда, фирмы), акцент делается ещё и на побуждении реципиента к сознательному гражданскому поведению. Речевая избыточность, использованная в рекламных текстах такого рода, подчиняясь общим социальным функциям рекламы, содействует формированию и трансляции системы общечеловеческих ценностей, определённых жизненных установок, идейных взглядов, а также усилению воздействия на мотивационно-поведенческую среду реципиентов: *«Оставайтесь дома, оставаясь всегда на связи. На самой быстрой» (мобильный оператор в России «Мегафон»), «...помогать не касаясь, ведь это касается каждого» (сеть продуктовых супермаркетов «Пятёрочка»), «Ради близких. Ради дружбы. Ради семьи. Ради дела. Ради любимых. Я остаюсь дома» (американский бренд, специализирующийся на шампунях против перхоти «Head&Shoulders»).*

Несмотря на то, что мы привели лишь отдельные примеры, из представленной выше информации ясно, что использование речевой избыточности в текстах коммерческой телерекламы не только способствует воздействию на целевую аудиторию (хотя это и остаётся одной из её главных функций), но и позволяет осуществлять экономию речевых средств при передаче рекламного сообщения, способствует формированию и внедрению в сознание людей идейных ценностей данного общества. Таким образом, нами были выделены следующие функции контекстуальной избыточности в рекламных текстах:

- экономия речевых средств;
- содействие формированию и трансляции системы общечеловеческих ценностей, определённых жизненных установок, идейных взглядов, а также усиление воздействия на мотивационно-поведенческую среду реципиентов;
- привлечение внимания целевой аудитории к названию товара/услуги, фирмы или бренда с целью фиксирования в сознании реципиента значимых элементов рекламы;
- языковая манипуляция;
- содействие созданию ассоциативных связей с необходимыми для рекламодателей образами (действиями);
- эмфатизация слов с повышенной рекламной ценностью для формирования и закрепления у потребителей положительного образа товара или услуги;
- создание конкретно-чувственного образа.

Мы не утверждаем, что указанный перечень является исчерпывающим, хотя допускаем, что границы между некоторыми функциями могут быть нечёткими, а речевая

избыточность способна одновременно выполнять как функцию экономии речевых средств, так и одну или несколько частных функций, способствующих воздействию рекламного текста на реципиента. Совершенно очевидно, что указанные функции, выполняемые речевой избыточностью в текстах коммерческой телерекламы, делают её важным элементом в системе языковых средств выражения содержания рекламных сообщений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wit E.J.C., Gillette M. What is Linguistic Redundancy? Technical Report The University of Chicago March 15, 1999. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/182d/3980d8f41616da690d607f6f980dbf582352.pdf> (accessed: 28.02.2020). (In English)
2. Гальперин И. Р. Избранные труды / И. Р. Гальперин. – М. : Высшая школа, 2005. – 255 с.
3. Гаран Е. П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : 10.02.19 / Гаран Евгения Петровна; ФГОУ ВПО «Южный Федеральный Университет». – Ростов-на-Дону, 2009. – 21 с.
4. Занина А. Н. Теория экономии языковых усилий : к истории вопроса / А. Н. Занина // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. «Филология» (13). – 2008. – С. 165 – 170.
5. Макаровская Н. В. Функции современной рекламы: особенности и факторы противодействия их реализации / Н. В. Макаровская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-sovremennoy-reklamy-osobennosti-i-factory-protivodeystviya-ih-realizatsii> (дата обращения: 04.05.2020).
6. Морозов А. Ю. Функциональная специфика рекламного текста / А. Ю. Морозов. // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. №4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnaya-spetsifika-reklamnogo-teksta> (дата обращения: 04.05.2020).

АННОТАЦИЯ

Светличная В. Ю. Функциональный аспект речевой избыточности в текстах коммерческой телерекламы

В статье предпринимается попытка определения функций речевой избыточности в текстах коммерческой телерекламы. На основании проведённого анализа рекламных сообщений автор приходит к выводу, что речевая избыточность позволяет

осуществлять экономию речевых средств, способствует воздействию на целевую аудиторию, а также формированию и внедрению в сознание людей идейных ценностей данного общества.

Ключевые слова: речевая избыточность, функции, экономия речевых средств, язык коммерческой телерекламы, речевое воздействие.

SUMMARY

Svetlichnaya V. Y. The Functional aspect of speech redundancy in the texts of commercial TV advertising

The article attempts to determine the functions of speech redundancy in the texts of television commercials. Based on the study and analysis of advertising messages, the author concludes that speech redundancy saves speech resources, contributes to the impact on the target audience, as well as the formation and implementation of the ideological values of this society in the minds of people.

Key words: speech redundancy, functions, economy of speech means, the language of commercial television advertising, speech impact.

*О. В. Сырова
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81.271 К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Развитие высшего образования сегодня предполагает не только создание новой технологической базы, внедрения новых методов и приемов обучения, но и повышение требований к профессиональной компетенции педагога. Сегодня стало очевидным, что преподаватель высшей школы не просто носитель сложной информации, знаток методических тонкостей и воспитатель нового поколения. Он также организатор, режиссер многих общественных и научных мероприятий как в своем учебном заведении, так и за его стенами; человек, способный вовлечь в процесс обучения и общественной деятельности даже пассивных студентов. Но для того, чтобы убедить студентов в необходимости волонтерской деятельности, повышении активности в научной работе, активном участии в общественной жизни своего вуза, региона, страны, преподаватель должен обладать не только харизмой, авторитетом, высоким профессиональным уровнем, но и уметь убедить в необходимости новых знаний, в социальной

важности новых дел, в верности выбранного пути в новой для студентов деятельности. Поэтому преподаватель высшей школы должен обладать талантом красноречия, владеть выразительными средствами языка и уметь убедительно выступать с публичными речами. Эти качества также должны составлять неотъемлемую часть профессионального развития педагога. А это, в свою очередь, предъявляет особые требования к формированию специалистов, посвятивших себя преподаванию.

Целью данной статьи является анализ и описание требований к культуре речи современного преподавателя высшей школы и определение основных условий повышения уровня культуры речи с точки зрения профессиональных условий ее использования преподавателем.

И. М. Белова справедливо отмечает, что преподавателю вуза на роду написано обслуживать все сферы жизни, знать закономерности экономики, культуры и быта, управления и досуга, говорить о них просто и захватывающе, не давая повода усомниться в добром запасе знаний и представлений, являемых в лексическом многообразии речи [2].

К культуре и технике речи преподавателя, особенно преподавателя высшей школы, предъявляются особые требования, поскольку преподаватель вуза не просто обучает кого-то, он, в первую очередь, формирует будущих профессионалов, специалистов высокого уровня. Мы попытаемся сформулировать требования к профессиональной речи преподавателя современного вуза, основываясь на специфике педагогической деятельности:

1) ясность речи. Недопустимо использовать неточные мысли, расплывчатые суждения, двусмысленные замечания и необоснованно переходить от одной мысли к другой, делать выводы, не основанные на логике предыдущих тезисов, высказывать не подтвержденные фактами теории и т.п.;

2) последовательность речи. В речи не должно быть ни противоположных, ни противоречащих друг другу высказываний. Логика речи должна быть построена на необходимости убеждения слушателей в верности выдвигаемых положений;

3) аргументированность речи. Каждый представляемый тезис должен опираться на надёжные источники информации, у слушателей необходимо создавать уверенность в обоснованности и научной верности представляемой информации;

Эти три требования к речи преподавателя высшей школы помогут полно и объективно донести необходимые знания студентам, привести их к нужным логическим выводам, убедить в надёжности и достоверности сформулированных тезисов.

Важным показателем сформированности культуры речи преподавателя является ее соответствие этикетным нормам. Остановимся на этом вопросе подробнее. Понятие речевой этикет преподавателя и просто речевой этикет не совпадают в определениях. В работе А.А. Акишиной и Н.И. Формановской речевой этикет рассматривается как «правила речевого поведения, определяемые взаимоотношениями говорящих. Такие правила приняты данным национальным коллективом носителей языка в зависимости от возраста, социальной принадлежности, обстановки общения». Особенность понятия речевой этикет преподавателя обусловлена спецификой педагогического речевого общения - «задачей использования слов как средства передачи знаний и воспитания человека» [1]. По мнению А.К. Михальской, речевой этикет преподавателя должен стать «высшим образцом, выражающим систему «должных и желаемых ценностей» [9].

К культуре речи преподавателя вуза можно выдвигать такие требования, как: соответствие литературно-языковым, речестилистическим и ситуационным нормам, а также качество содержания высказывания. Преподаватель вуза должен быть не только образцом и хранителем качества русского литературного языка, но также должен уместно по отношению к конкретной ситуации общения использовать стилистические приемы, эффективно наполнять свою речь эмоционально-образными выражениями, фразеологизмами, крылатыми выражениями. Из речи преподавателя должны быть исключены диалектизмы, просторечные и жаргонные выражения. Важно также следить за правильностью и востребованностью использования специальной терминологии, соответствия научного стиля речи учебной дисциплине.

К сожалению, кроме уже названных выше проблем, в речи преподавателя отмечаются также и нарушения речевого этикета. Типичными нарушениями речевого этикета в речи преподавателей являются:

- использование единиц со сниженной стилистической окраской;
- злоупотребление словами с отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией;
- излишняя категоричность высказываний;
- навешивание ярлыков;
- ошибки в применении обращений.

Важным фактором успешности педагогического общения в целом и речи педагога в частности является диалогичность. Диалогичность - одно из важнейших понятий теории общения,

в том числе и педагогического. Идея диалога и диалогичности представляется очень продуктивной для современного образования.

Особое развитие это понятие получило в исследованиях по стилистике и социолингвистике. Так, под диалогичностью одна из основательниц отечественной функционально-стилистической школы М.Н. Кожина понимает выраженное в тексте средствами языка взаимодействие общающихся, понимаемое как соотношение двух смысловых позиций, как учёт адресата, отражённый в речи, а также эксплицированные в тексте признаки собственно диалога. М.Н. Кожина относит диалогичность к характеристике признака речи, в отличие от диалога как формы речи. Диалогичность, по М.Н. Кожиной, не просто стилистический приём, а проявление социальной сущности языка и речемыслительной деятельности в целом [4]. Диалогичность интенсифицируется коммуникативными задачами, какими является достижение эффективности общения партнёров при их взаимодействии. Она обусловлена помимо языковой природы тем же комплексом экстралингвистических факторов, т. е. прежде всего понятийно-логическим характером мышления в этой области, существенными признаками науки как видом человеческой деятельности, законами познания и научного творческого мышления и задачами общения в сфере науки. Педагогическая интерпретация диалогичности строится на идее, что это, по сути своей, свойство человека. Согласно определению В.Е. Хализева, диалогичность – это «открытость сознания и поведения человека окружающей реальности, его готовности к общению «на равных, дар живого отклика на позиции, суждения, мнения других людей, а также способность вызывать отклик на собственные высказывания и действия» [10, с.70]. Как качество личности диалогичность следует также рассматривать как продукт воспитания и целенаправленного развития в процессе инкультурации индивида. Это возможно в том случае, если образовательный процесс выстроен в диалогическом ключе.

Обращение современного российского общества к гуманизации и гуманитаризации образования ставят проблему диалога в число актуальных и при подготовке специалистов в высшей профессиональной школе. Гуманная педагогика предполагает наличие диалогичности, с одной стороны, как необходимого качества личности преподавателя, с другой – развитие этого качества у студента как будущего специалиста. Диалог является важнейшей частью педагогического процесса. Диалогичность как характеристика процесса обучения в вузе, с одной стороны, и как развиваемые качества участвующих в этом процессе субъектов,

с другой стороны, крайне важны для инкультурации личности в современном обществе. Диалогическая форма обучения, как писал А.М. Матюшкин [8], выступает как оптимальная для дальнейшего развития теоретического и профессионального развития студентов.

А. М. Матюшкин развивает идею проблемного обучения по мере перехода от школьного обучения к обучению в высшей школе и считает, что такое обучение предполагает последовательный переход от управления индивидуальной познавательной деятельностью обучаемого к управлению диалогическому, включающему «равноправный» диалог преподавателя и студентов. Обучение посредством такого управления он определяет как диалогическое. Диалогическое обучение в высшей школе А.М. Матюшкин связывает с научением студентов формулировать и решать проблемные задачи и дополняет дидактическую схему проблемного обучения в вузе в начальном звене - ситуации реальной профессионально-практической и научно-исследовательской деятельности, «порождающей» ту проблемную задачу, которую должен научиться формулировать студент [8]. В рассматриваемой А.М. Матюшкиным форме диалогического обучения такие порождающие ситуации включают следующие необходимые элементы:

а) предметно-практическую или теоретическую ситуацию, требующую постановки и формулирования задачи

б) второго участника выполняемой деятельности, для которого первоначально и должна формулироваться соответствующая задача.

Таким образом, речь преподавателя - это не отстраненный комплекс речевого поведения, а направленная на конкретных студентов в определенных учебных и социальных условиях коммуникативная форма воздействия.

Мощный познавательный и развивающий потенциал диалога сделал возможным его использования в практике обучения в высшей школе. Это и проведение проблемных лекций, семинаров-дискуссий, проектной работы, использование кейс-технологий, профессионально направленных ролевых игр и других инновационных форм обучающей деятельности преподавателя и учебной деятельности студентов. Чем выше уровень вовлеченности студентов не просто в пассивную деятельность по приему знаний, а именно активная совместная деятельность как студентов в группе, так и между преподавателем и студентами, тем выше результаты обучения, тем более целостным будет воздействие педагога на студента. А если мы ведем речь о профессиональном обучении в

педагогических высших учебных заведениях, то стиль общения и уровень диалога между преподавателем и студентом будет способствовать формированию собственного стиля общения у будущих педагогов.

Осуществление образовательного процесса, нацеленного на диалог, невозможно без привлечения личностной проблематики в рамках личностно-деятельностного подхода к обучению. Личностно-деятельностный подход, разрабатывался преимущественно как субъектно ориентированная организация и управление педагогом учебной деятельностью обучающегося при решении им специально организованных учебных задач разной сложности. Сотрудничество как форма общения, реализуемое в рамках личностно-деятельностного подхода, осуществляет на практике гуманистическую концепцию. Основы этого подхода были заложены работами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева. Личностно-деятельностный подход обладает единством его личностного и деятельностного компонентов. Личностно-деятельностный подход в своём личностном компоненте предполагает, что в центре обучения находится сам обучающийся - его мотивы, цели, его неповторимый психический склад, т. е. студент как личность. Деятельностный компонент реализуется посредством организуемой педагогом деятельности обучающихся по постановке, решению, продуцированию учебно-познавательных, учебно-исследовательских, творческих задач. Естественно, разграничение компонентов условно и может быть проведено только теоретически.

Само обучение и педагогическое общение в условиях личностно-деятельностного подхода должно реализовываться по схеме $S1 \leftrightarrow S2$, где $S1$ - это преподаватель, человек, вызывающий подлинный интерес к предмету общения, к себе как партнёру, информативная для обучающихся содержательная личность, интересный собеседник; $S2$ - это группа как коллективный субъект и каждый студент как индивидуальный субъект, общение с которыми рассматривается преподавателем как сотрудничество, диалог. Это ставит перед организаторами учебно-воспитательного процесса в вузе целый ряд проблем: проблему изменения распространённой позиции преподавателя-информатора, источника знаний и контролёра на позицию фасилитатора; проблему создания учебной ситуации раскрепощения человека, снятия социальных барьеров, затрудняющих педагогическое общение. В целом личностно-деятельностный подход в обучении означает, что, прежде всего, в этом процессе ставится и решается основная воспитательная задача образования – создание условий развития гармоничной,

нравственно совершенной, социально активной личности. Добиться этого можно через активизацию внутренних резервов, профессионально компетентной и саморазвивающейся личности, способной к диалогу на всех уровнях.

Из выше сказанного становится понятно, что профессиональные качества и характеристики речи преподавателя не могут появиться спонтанно, только лишь при повышении уровня образованности или в процессе изучения тех или иных учебных дисциплин. На наш взгляд, необходимо говорить о новой модели подготовки преподавателя высшей школы, в основе которой будет лежать концепция единства языковой, коммуникативной и профессиональной подготовки.

В основе идеи единств формирования языковой, коммуникативной и профессиональной образованности лежит интеграция профессионально-образовательной деятельности с усилением гуманитарного и профессионального компонентов. А.А. Евтюгина предлагает такую идею реализовать через междисциплинарный подход и превратить сумму знаний в интеллектуально-коммуникативную и профессионально-языковую образованность [3, с. 23].

Также она предлагает реализовать исследовательские и практико-ориентированные подходы к формированию культуры речи преподавателя высшей школы, выделив определенные уровни образованности будущего педагога. Опишем их.

1. Уровень коммуникативно образованности исследуется через коммуникативные качества речи: логичность, точность, уместность, выразительность, богатство.

2. Уровень языковой образованности определяется через такие его компоненты, как лексический, орфоэпический, морфологический, синтаксический, стилистический.

3. Уровень профессиональной образованности определяется знанием профессионально-педагогической терминологии, качество осуществления профессионально-речевого взаимодействия, структурированием педагогического общения, создание интеллектуально-коммуникативных и профессионально-языковых педагогических ситуаций. Процесс формирования данных коммуникативных умений осуществляется на основе специально сконструированных моделей профессиональной коммуникативной деятельности.

Моделирование ситуаций профессионального общения позволяет решать следующие задачи формирования профессиональной коммуникативности: поэлементно отработать виды профессиональной коммуникативной деятельности

с адекватным речевым оформлением; научить студентов использовать прием моделирования для практического овладения мотивационно-целевой и содержательно-процессуальной сторонами обучающего общения.

Предложенная модель обучения позволит не только сформировать необходимые профессиональные навыки и умения студентов, но и будет способствовать повышению культуры речи как студентов, так и самих преподавателей вузов.

Подводя итог, отметим, что задачи, стоящие перед преподавателем высшей школы как по повышению собственного уровня культуры речи, так и по формированию необходимого уровня культуры речи, достаточно сложные, но они выполнимы, если этот процесс будет построен как конкретная модель обучения. При этом преподаватель вуза должен помнить, что и его речь всегда является образцом для студента и от ее качества зависит возможность повышения или, наоборот, снижения культуры речи студента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А.А., Формановская Н. Н. Русский речевой этикет / А.А. Акишина, Н.Н. Формановская– М., 1983. – 184 с.
2. Белова И.М. К вопросу о речевой культуре современного преподавателя вуза/И.М. Белова // Современные проблемы науки и образования, 2015. – № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22996> (дата обращения: 03.12.2022).
3. Евтюгина А.А. Формирование профессионально-речевой образованности студентов педагогических вузов /Евтюгина Алла Александровна. Арэф. доктора. пед.наук. –Н-Новгород, 2007. – 47 с.
4. Кожина М. Н. РЕЧЕВЕДИЕ: Теория функциональной стилистики. Избр.труды /М.Н. Кожина – М.: Флинта: Наука, 2014. – 620 с.
5. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избр. психол. труды /А.А. Леонтьев. – М.: Моск. психол.-социальный ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2001– 448 с. (Серия «Психологи Отечества»)
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А.Н. Леонтьев. –М.:Политиздат, 1977. – 304 с.
7. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики /А.Н. Леонтьев. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 584 с.
8. Матюшкин А.М. Актуальные проблемы психологии в высшей школе / А. М. Матюшкин. – М.: Знание, 2007. – 43 с.

9. Михальская А.К. Педагогическая риторика / А.К. Михальская.–Педагогическая риторика: история и теория: Учеб. пособие: Для студентов пед. ун-тов и ин-тов / А. К. Михальская. –М.: Изд. центр «Академия», 1998. – 431 с.
10. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2002. – 438 с.

АННОТАЦИЯ

Сырова О. В. К вопросу о культуре речи современного преподавателя высшей школы

Культура речи преподавателя высшей школы является не только залогом для успешного формирования высокой языковой культуры обучающихся, но и фундаментальной базой для качественной профессиональной подготовки студентов. Важность этого вопроса остаётся актуальной для современного российского высшего образования. В статье автор рассматривает основные требования, предъявляемые к речи преподавателя вуза, акцентирует внимание на типичных нарушениях речевого этикета. Особое внимание уделено такой характеристике процесса обучения как диалогичность. При этом диалогичность понимается и как особый подход в обучении, и как коммуникативно-функциональная особенность речи преподавателя высшей школы. Автор приходит к выводу, что культура речи студентов напрямую зависит от выбранной модели обучения, но весомое влияние на нее оказывает культура речи преподавателя.

Ключевые слова: культура речи, речевой этикет, диалогичность, высшие учебные заведения, профессиональное образование.

SUMMARY

Syrova O. V. On the issue of the culture of speech of the modern teacher of higher educational institutions

The culture of speech of the teacher of higher educational institutions is not only the key to the successful formation of high language culture of students, but also the fundamental basis for their quality professional training. The importance of this issue remains relevant for modern Russian higher education. In the article the author considers the basic requirements for the speech of the university teacher, focuses on typical violations of speech etiquette. Special attention is paid to viewing the learning process as a dialogue. At the same time, its dialogic nature is understood both as a special approach to teaching, and as a communicative and functional feature of the speech of a high school teacher.

The author concludes that the students' speech culture directly depends on the chosen learning model, but the teacher's speech culture has a significant influence on it.

Key words: speech culture, speech etiquette, dialogic nature, higher educational institutions, vocational education.

*Е. А. Щур
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81.271.12

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЭПРАТОГРАФИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

На рубеже XX–XXI веков всё актуальнее становится вопрос научного осмысления стремительных изменений, наблюдаемых на различных языковых уровнях, в том числе и в сфере письма. «Язык – инструмент, который всегда находится с человеком, он отражает нашу реальность и немедленно подстраивается под изменения времени» [2, с. 283].

К задачам современных лингвистов следует отнести следующие: объективное описание законов развития языка, определение динамики начертаний, социолингвистических причин появления новых и изживания старых орфографических и графических вариантов. В последнее время заметны экспрессивизация и демократизация письма, проявляющиеся интенсивной динамизацией в орфографии и графике современного русского языка.

Начало XXI века характеризуется появлением и бурным развитием ранее не существовавших форм межличностного общения (форумов, чатов, электронных писем, смс), которые позволили наладить коммуникацию в режиме реального времени на расстоянии. Интернет как новая сфера функционирования языка вообще и письма в частности даёт пользователям большие возможности для реализации языкового потенциала. Наблюдаем приспособление языка к современным условиям, сопровождающееся одновременным сосуществованием (нередко в одном предложении) нормативных и анормативных, книжных и разговорных, литературных и сленговых элементов. При этом их реализация проходит исключительно в письменной форме. А. Зализняк для наименования такого вида письма употребляет термин «спонтанная письменная речь» [4], которая стала полем реализации языковой личности нового типа.

Для усиления экспрессивной функции русской письменной речи довольно часто используются слова и конструкции, содержащие умышленное нарушение орфографической нормы, – эрративы. Подобный феномен имеет множество названий в отечественной лингвистике: «антиорфография», «новограф», «язык аффтараф», «олбанский язык», «язык падонков». Но предпочтительным и непротиворечивым названием совокупности текстов с содержанием эрративов как основной характеристикой или же принципа преднамеренного искажения орфографии представляется термин «эрратография».

Нарочитое нарушение русской орфографии возникло в середине 90-х годов XX века как явление речевой контркультуры, именуемое «языком падонков». Русскоязычная часть интернета быстро ввела в свою речь популярную лексику типа превед, медвед, аццкий и др. Данный сленг значительно расширил область своего употребления, вышел за рамки сетевых ресурсов. Популярные эрративы приобрели определённую коннотацию: агонь, апстену, мальчег, афftar, крevedко.

В основе «языка падонков» лежит языковая игра, принцип которой предполагает нарушение графико-орфографических норм посредством использования двух приёмов – фонетического письма и гиперкоррекции.

Можно говорить о нескольких гипотезах появления рассматриваемого графического феномена. Академик В. Г. Костомаров связал его с поиском новых возможностей русского языка: «Она [молодёжь] выдумала своеобразную лингвистическую игру, построенную на эпатаже» [1]. Считается, что «олбанский» язык появился в 2000 г. благодаря сайту udaff.com, где администратор Соколовский первым стал намеренно «перекручивать» слова. Но многие связывают историю появления нарушений правописания с популярными в 2000-х ЖЖ (живыми журналами).

В 2005 г. в научный дискурс профессором Г. Гусейновым было введено понятие «эрратив» (от английского *error* – «ошибка»). Учёный определил эрратив как намеренно резкое искажение кодифицированного написания слова, а эрративную семантику – как значения, возникающие вследствие намеренно резкого искажения стандартного написания слова [3]. Ю. В. Уткин указывает на экспрессивную, ироническую причину появления эрративов [11, с. 253].

На данный момент эрратография превращается из контркультурного явления в сравнительно устойчивое языковое средство узуса русскоязычного интернета [12].

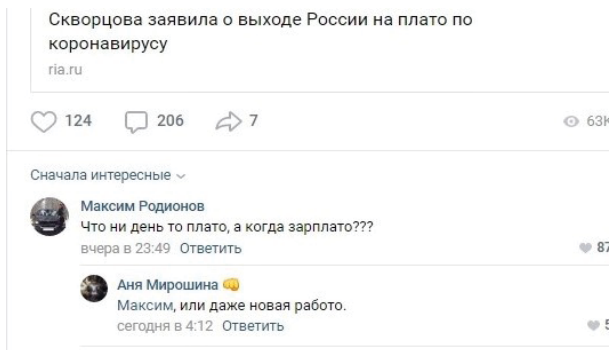
Эрратив – слово или выражение, осознанно искажённое владеющим литературной нормой носителем языка для придания особого эффекта. Многие эрративы имеют яркую ироничную окраску, без затруднений находясь в тексте на фоне правильно написанных слов. Следовательно, эрратография не может полностью отождествляться с «антиорфографией».

Тексты, содержащие эрративы, предназначены только для зрительного восприятия, ведь произнесение практически скрывает все отступления от нормы. В письменной среде интернет-коммуникации фонетика нивелируется, графика занимает её место в системе языка. Эффективным средством восприятия остаётся именно произнесение. В отношениях между письмом и речью происходит смещение, а электронные ресурсы становятся преимущественным компонентами процесса письменной коммуникации. Эрратография – это «не просто лексико-грамматический феномен, а язык, осложнённый своей социокультурной идеей. Он существует не столько для того, чтобы упростить общение в чатах и на форумах, сколько для того, чтобы сплотить тысячи участников данного сообщества» [8, с. 49–50].

Эрратография основана на контаминации морфологического (сохранение морфемы) и фонетического (соответствие произношению) принципов орфографии. Последнего (фонетического) она придерживается намного последовательнее, нежели орфография (жызнъ, ащкий, птичко, щас). В то же время, эрративы могут и нарушать названные принципы (один или оба): сопог, чичяз. При словоизменении эрратив следует морфологическому принципу орфографии, сохраняя эрратограмму (спутнеговый).

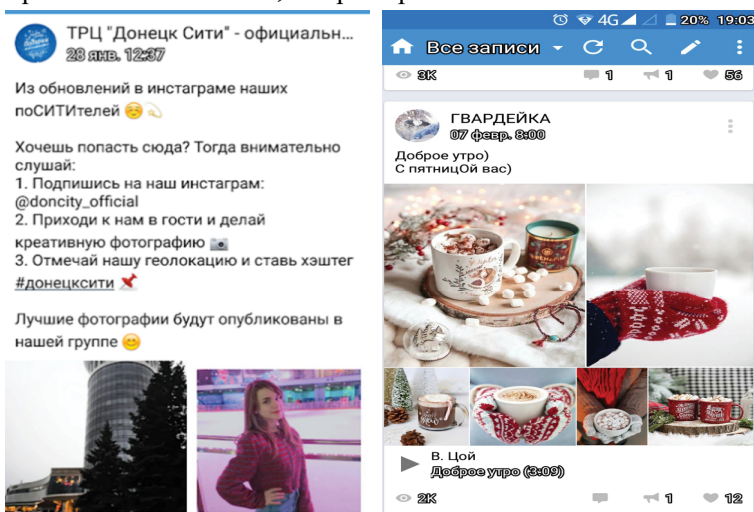
Среди эрративного написания можно выделить некоторые закономерности: жи, ши записываются в соответствии с произношением жы, шы (жызнъ); буквосочетания ча, ща, чу, щу встречаются в виде чя, щя, чю, щю (чяй); «фирменными» написаниями стали сочетания фф на месте в, щц вместо *-ться* / *-тся* (аффтар, ашибицца); иногда используются даже цифровые знаки или небуквенные символы (*4тобы*, ребил).

Считается морфологизированной эрратограмма -о для окончания существительных второго склонения -а: арихметико, рыбка, птичко, чурко, блондинко, девушко. Подобное окончание словно меняет родовое представление (девушка – девушко) или снимает противопоставление по одушевлённости-неодушевлённости (чурко (применительно к человеку), кошко, ср.: горлышко) в иронических контекстах. Ср. ещё:

Эрративы содержат также отклонения от общеупотребимых графических стандартов. Графическое искажение есть сознательное нарушение исторически сложившегося графического стандарта в языке, рукописных и печатных текстах.

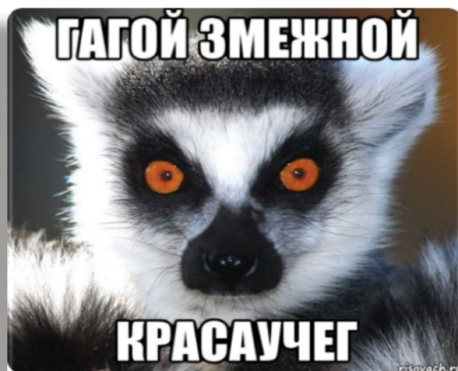
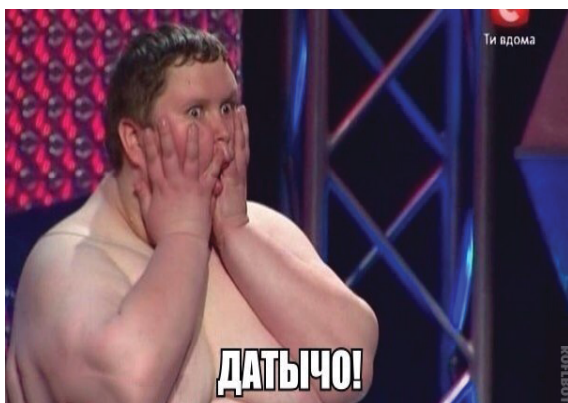
Графические искажения реализуются при помощи графического выделения букв – размера, цвета, вида шрифта, использования элементов графогибридизации, применения специальных графических символов (*f@sk...тически*), слитного написания устойчивых речевых фрагментов, сращений (яжемать, онижедети), повтора букв и буквосочетаний для передачи эмоционально-интонационной окраски высказывания, например:

В интернет-коммуникации всё чаще встречаются визуально-текстовые мемы, содержащие эрративы и используемые как отдельный элемент общения в сообщениях, чаще в комментариях.

Т. И. Попова под мемом понимает «единицу информации, объект, который получил популярность – как правило, спонтанно – в среде, обслуживаемой информационными технологиями» [9, с. 384–385]. Особенность интернет-мемов – транслирование различных смыслов, идей и мыслей в массовой культуре.

В 2018 г. произошла новая волна использования эрративов в интернет-коммуникации, чаще всего – в интернет-мемах, например:

Эрратография выполняет несколько основных функций в данном поле реализации: придаёт экспрессивную окраску сообщению, передаёт речевую характеристику персонажей интернет-мемов.

Таким образом, происходит формирование новой разновидности речи, имеющей черты устной и письменной форм и выполняющей функции средства межличностной компьютерно-опосредованной коммуникации. Такое общение остаётся формально письменным, при этом перенимает разговорный стиль, используемый преимущественно для устного общения.

В настоящее время эрратография – это живой лингвистический процесс, популярный среди пользователей интернета, и языковое явление, несомненно, требующее внимания современных лингвистов. Эрратография вышла за пределы сетевого общения и получила большую популярность в маркетинге и СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов А. Г. О так называемых подонках / А. Г. Антипов, Е. А. Штифель // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 98 – 101.
2. Бабенко О. В. Языковые тенденции в виртуальном пространстве на примере русского и английского языков / О. В. Бабенко, И. И. Курмаева, И. М. Рахимбирдиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2018. – № 11 (89). Ч. 2. – С. 282 – 288.
3. Гусейнов Г. Ч. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику [Электронный ресурс] / Г. Ч. Гусейнов. – 2005. – Режим доступа: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения: 21.04.2020).
4. Зализняк А. А. Переписка по электронной почте как лингвистический объект [Электронный ресурс] / А. А. Зализняк. – Режим доступа: www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm (дата обращения: 25.04.2020).
5. Zubova L. V. Орфографическая стилистика / Л. В. Zubova // Культура русской речи (Готовские чтения). – 2017. – С. 407 – 416.
6. Карнуп Е. В. Искажение орфографического облика слова как результат синтеза устной и письменной речи при русскоязычной коммуникации в Twitter / Е. В. Карнуп // Научное мнение. – 2014. – С. 141 – 146.
7. Климова Я. В. Эрративы в комических жанрах интернет-коммуникации / Я. В. Климова // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей. – 2020. – С. 91 – 98.
8. Островерхова А. П. Эрратография как феномен русской графики начала XXI века / А. П. Островерхова, М. В. Балко //

- Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. – 2017. – С. 49 – 50.
9. Попова Т. И. Комические жанры интернет-коммуникации / Т. И. Попова // Медиалингвистика в терминах и понятиях. – М., 2018. – С. 384 – 392.
 10. Трофимова Г. Н. К вопросу о специфике функционирования русского языка в Интернете [Электронный ресурс] / Г. Н. Трофимова. – Режим доступа: [http://www. dialog21.ru/Archive/2001/volume1/1_39.htm](http://www.dialog21.ru/Archive/2001/volume1/1_39.htm).
 11. Уткин Ю. В. Эрратография как современная страница истории русского языка и Интернет как источник её существования / Ю. В. Уткин // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам. – 2008. – С. 253 – 256.
 12. Уткин Ю. В. Эрратография: аспекты изучения / Ю. В. Уткин // Вестник Челябинского университета. – 2011. – № 37 (252). – С. 136 – 139.
 13. Цебровская Т. А. ДМЭ-эрратив в современном английском языке / Т. А. Цебровская // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 3 (24). – С. 72 – 76.

АННОТАЦИЯ

Щур Е. А. К вопросу о формировании эрратографии как лингвистического и социокультурного феномена

В статье рассматривается вопрос формирования эрратографии как лингвистического и социокультурного феномена. Анализируются интернет-коммуникации, разговорная речь как источники формирования эрративов. В настоящее время эрратография – это живой лингвистический процесс, популярный среди пользователей интернета, и языковое явление, требующее внимания современных лингвистов.

Ключевые слова: эрратив, эрратография, орфография, антиорфография, норма.

SUMMARY

Shchur E. A. On the formation of erratography as a linguistic and sociocultural phenomenon

The article discusses the formation of erratography as a linguistic and sociocultural phenomenon. The author analyzes the online communication, and spoken language as sources of errative. Currently, erratography is a living linguistic process that is popular among Internet users, and a language phenomenon that requires the attention of modern linguists.

Key words: errative, erratography, orthography, anti-orthography, norm.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Балан Оксана Владимировна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии ГОУ «Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко» (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика);
- Бладысик Ольга Николаевна** – студент 4 курса факультета славистики ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, РФ);
- Бондаренко Кристина Александровна** – старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск, РФ);
- Дербенёва Лидия Викторовна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры мировой литературы и сравнительного литературоведения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, РФ);
- Дмитриева Юлия Леонидовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, РФ);
- Загертдинов Рузиль Насимович** – студент 5 курса филологического факультета ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет» (г. Набережные Челны, РФ);
- Калинкин Валерий Михайлович** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, РФ);
- Калинин Константин Андреевич** – кандидат филологических наук, заместитель директора по научно-методической работе Института дополнительного

- профессионального образования
ФГБОУ ВО «Набережночелнинский
государственный педагогический
университет» (г. Набережные Челны, РФ);
- Коловерова Ирина Геннадиевна** – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, РФ);
- Косташ Людмила Леонтиевна** – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ «Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко» (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика);
- Лаптева Мария Леонидовна** – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой современного русского языка, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева (г. Астрахань, РФ);
- Лешкова Наталья Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, РФ);
- Малахов Руслан Сергеевич** – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, РФ);
- Петрачкова Инна Михайловна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного УО «Гомельский государственный медицинский университет» (г. Гомель, Республика Беларусь);
- Пивень Анна Витальевна** – ассистент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, РФ);
- Понкратенкова Анастасия Владимировна** – старший преподаватель кафедры социально-экономических и технических дисциплин Института дополнительного профессионального образования и

дистанционного обучения ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля» (г. Луганск, РФ);

Разумов Роман Викторович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (г. Ярославль, РФ);

Светличная Влада Юрьевна – старший преподаватель ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики», аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, РФ);

Сырова Ольга Васильевна – старший преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, РФ);

Шаталова Ольга Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина» (г. Елец, РФ);

Шлыгин Дмитрий Юрьевич – магистрант 2 курса ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, РФ);

Щур Екатерина Александровна – аспирант кафедры славянских языков и общего языкознания ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (г. Горловка, РФ).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Balan Oksana Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology of the State Educational Institution «Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko» (Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic);

Bladysik Olga Nikolaevna – 4th year student of the Faculty of Slavic Studies of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages» (Gorlovka, RF);

Bondarenko Kristina Alexandrovna – Senior Lecturer of the English and Oriental Philology Department of State Educational Institution of Higher Education «Lugansk State Pedagogical University» (Lugansk, RF);

Derbeneva Lidia Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of World Literature and Comparative Literary Studies of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages» (Gorlovka, RF);

Dmitrieva Julia Leonidovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages» (Gorlovka, RF);

Kalinkin Valery Mikhailovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages» (Gorlovka, RF);

Kalinin Konstantin Andreevich – Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific and Methodological Work of the Institute of Additional Professional Education of the Naberezhnye Chelny State Pedagogical University (Naberezhnye Chelny, RF);

Kolovyrova Irina Guennadievna – Senior Lecturer of the Romance and Germanic Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages» (Gorlovka, RF);

Kostash Lyudmila Leontievna – Senior Lecturer of the Department of Theory and Practice of Translation of State Educational Institution «Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko» (Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic);

Lapteva Mariya Leonidovna – doctor of philology, associate professor, head of the department of modern Russian language, Astrakhan State University named after V.N. Tatishcheva, (Astrakhan, RF);

Leshkova Natalya Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages» (Gorlovka, RF);

Malakhov Ruslan Sergeevich – Assistant of the Department of Physical Education and Health Protection, Postgraduate Student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages» (Gorlovka, RF);

Piven Anna Vitalyevna – Assistant of the Department of General Linguistics and Slavic Languages, Postgraduate Student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages» (Gorlovka, RF);

Ponkratenkova Anastasia Vladimirovna – Senior Lecturer of the Department of Socio-Economic and Technical Disciplines of the Institute of Additional Professional Education and Distance Learning (IPDODO) of

- State Educational Institution of the LPR «Lugansk State University named after Vladimir Dal» (Lugansk, RF);
- Razumov Roman Viktorovich** – Candidate of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian language, K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, RF);
- Petrachkova Inna Mikhailovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, the Head of the Department of Russian language as Foreign of «Gomel State Medical University» (Gomel, Republic of Belarus), doctoral student at the Department of Russian Language of Faculty of Philology of Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);
- Shatalova Olga Vasilyevna** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, its Teaching Methods and Records Management of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bunin Yelets State University» (Yelets, RF);
- Shlygin Dmitry Yuryevich** – 2nd year Master's student of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages» (Gorlovka, RF);
- Shchur Ekaterina Alexandrovna** – Post-graduate student of the Department of Slavic Languages and General Linguistics of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages» (Gorlovka, RF);
- Svetlichnaia Vlada Yurievna** – Senior Lecturer of the Local History Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic» (Donetsk, RF);
- Syrova Olga Vasilyevna** – Senior Lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages» (Gorlovka, RF);

Zagertdinov Ruzil Nasimovich – 5th year student of the Faculty of Philology of the Naberezhnye Chelny State Pedagogical University (Naberezhnye Chelny, RF).

СОДЕРЖАНИЕ*Дербенёва Л. В., Шлыгин Д. Ю.*

АДЕКВАТНОСТЬ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ
ПЕРЕВОДА «ГОВОРЯЩИХ» ИМЁН
КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ3

Калинкин В. М.

КЛЕОПАТРА НЕВЫ. ПОЭТОНИМОЛОГИЧЕСКОЕ
ОСВЕЩЕНИЕ РАСШИРЯЮЩЕГОСЯ КОНТЕКСТА12

Лантева М. Л.

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИНОКУЛЬТУРНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ22

Шаталова О. В., Бладык О. Н.

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОД КАК ПРИНЦИП
ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОСТРАНСТВА (ПО РОМАНУ
Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»).....33

Балан О. В., Костаи Л. Л.

ОСОБЕННОСТИ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ
«WORLD OF WARKRAFT»).....39

Дмитриева Ю. Л.

СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ОБРАЗА ПОЛЯ
В СТИХОТВОРЕНИЯХ И МАЛЕНЬКИХ
ПОЭМАХ С. ЕСЕНИНА47

Калинин К. А., Загерудинов Р. Н.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ НОМИНАЦИИ
ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ Э. ЛИМОНОВА
«У НАС БЫЛА ВЕЛИКАЯ ЭПОХА».....56

Лешкова Н. В.

РЕЛИГИЯ И ЯЗЫК КАК ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ62

Петрачкова И. М.

АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ОНОМАПОЭТИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ

В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ГАЛИНА	71
--	----

<i>Разумов Р. В.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УРБАНОНИМОВ В ГОРОДСКОЙ ПРОЗЕ О МОСКВЕ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА «МОСКВА: МЕСТО ВСТРЕЧИ»).....	80
--	----

<i>Бондаренко К. А.</i> ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЯПОНСКИХ СКАЗКАХ	88
---	----

<i>Коловерова И. Г.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗООМОРФИЗМОВ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	94
---	----

<i>Малахов Р. С.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ КАК СРЕДСТВО РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	99
--	----

<i>Понкратенкова А. В.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВОГО ЖАНРА «СЕМЕЙНАЯ БЕСЕДА»	107
--	-----

<i>Пивень А. В.</i> К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ГОДОНИМИИ И ЕЁ МЕСТЕ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА	113
---	-----

<i>Светличная В. Ю.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ В ТЕКСТАХ КОММЕРЧЕСКОЙ ТЕЛЕРЕКЛАМЫ	119
--	-----

<i>Сырова О. В.</i> К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.....	127
--	-----

<i>Щур Е. А.</i> К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЭРРАТОГРАФИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА	136
--	-----

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск пятнадцатый (сорок первый)
Языкознание

Главный редактор С. А. Кочетова
Технический редактор Н. А. Сытник
Компьютерная вёрстка и макетирование
Н. А. Сытник
Корректоры: Н. А. Жихарева,
О. Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат,
имён собственных и других сведений ответственность
несут авторы*

Подписано к изданию 29.12.2022.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 8,46. Уч.-изд. л. – 9,50.
Усл.-изд. л. – 8,83.
Тираж 300 экз. Зак. № 45.

Издательство ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25